

Р. А. Зайнутдинов
№ 900
1004644

Муз.
Муз. ЦДЛ

А. И. МУСУКАЕВ

БАЛКАРСКИЙ • ТУКБУМ •

НАЛЬЧИК
1978

Б

кр А. И. МУСУКАЕВ

63.4/2р-бк-15)
М-91
М-91. ✓

БАЛКАРСКИЙ ТУКЪУМ

ПАТРОНИМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
И «ФАМИЛИЯ» В СИСТЕМЕ
СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ

79887 -
79887 -
79887 -
79887 -

КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
НАЛЬЧИК · 1978

Кабардино-Балкарская Гос. дарственная научная
библиотека и ея И. К. Крупецкой
гор. Нальчик, ул. Ногмова 42

902.7 (С164)
М 917

М $\frac{0162-110}{М 125(03)-78}$ 87-78

© Книжное издательство «Эльбрус», 1978 г.

В истории и этнографии Балкарии большой интерес представляют ее общественный строй и быт конца XIX—начала XX века, характеризовавшиеся переплетением элементов начального этапа капитализма, незрелого феодализма и пережиточных форм общинно-родового строя. Наименее изученными общественными институтами Балкарии этого периода являются патронимическая организация и «фамилия» (в балкарском языке данные формы организации людей носят наименование «тукъум», далее — тукум), представлявшие собой коллективы и группы родственных семей, в которые входили родственники как по крови, так и по браку, и объединявшиеся различной степенью экономических, социальных и идеологических отношений.

Описания общественного строя и быта балкарцев стали появляться лишь со второй половины XIX века. Однако в них затрагивались только отдельные стороны тукумов или в общих чертах отмечалось их существование в Балкарии. Высказывания и замечания по общественному строю и быту балкарцев, семейным, родственным и соседским отношениям, обычаям и законам, разбросанные в разных статьях, очерках и заметках дореволюционных изданий, автором систематизированы и использованы в данной книге.

Впервые институты родственных коллективов у бал-

¹ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, ч. 1. Одесса, 1882; И. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. — ИВ, 1884, ч. 4; П. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. У подошвы Эльбруса — ВЕ, 1886, т. 1; М. З. Кипиани. От Казбека до Эльбруса. (Путевые заметки о Нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1884. / З. Баранов. Очерки из жизни горских татар Кабарды. — ИВ, 1894, № 141, 145, 149; Б. Далгат. Поездка к чегемским ледникам (Центрального Кавказа). Владикавказ, 1896, и др.

карцев более подробно были освещены известным советским этнографом М. О. Косвенем, которому принадлежит честь открытия патронимии у народов нашей страны². Краткие замечания о балкарской патронимии и «фамилии» имеются в этнографических очерках «Народы Кавказа», в «Очерках общей этнографии», в «Истории Кабардино-Балкарской АССР...»³. Важные материалы по патронимической организации в Балкарии содержатся в сборниках документов⁴.

Предлагаемая работа ставит своей целью дать историко-этнографическую характеристику балкарских патронимий и «фамилий», определить их характерные черты, роль и место в системе сельской общины. Основным источником при ее написании явился полевой этнографический материал, собранный автором в течение 1969—1977 годов во всех селах Балкарии, во многих селах Кабарды и в отдельных населенных пунктах Карачая и Осетии. Было опрошено около трех тысяч информаторов в возрасте от 70 до 100 и более лет. Их сведения неоднократно проверялись путем сопоставления данных, полученных по конкретным вопросам от десятков информаторов, и путем привлечения большого количества аналогичных фактов. Научная достоверность полевого этнографического материала убедительно подтверждается также взаимным отражением одних и тех же исторических моментов в преданиях и генеалогиях переплетающихся родственных «фамилий» балкарцев и соседних с ними народов. Полевой этнографический материал сверялся, сопоставлялся и дополнялся материалами из известных и малоизвестных литературных источников и архивными документами.

Автор использовал документы центральных государственных архивов КБАССР, СОАССР и ЧИАССР, а

² М. О. Косвен. Распад родового строя у удмуртов. — «Ученые записки» Научно-исследовательского института народов Востока, вып. 2. М., 1931; *его же*. Этнография и история Кавказа. М., 1961; *его же*. Семейная община и патронимия. М., 1963.

³ Н. Ф. Такоева. Балкарцы. — В кн.: «Народы Кавказа», т. 1 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1960; «Очерки общей этнографии» (Азиатская часть СССР), вып. 3. М., 1960; «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней», т. 1. М., 1967.

⁴ «Документы по истории Балкарии. 40—90-е гг. XIX в.». Составитель Е. О. Крикунова. Нальчик, 1959; «Документы по истории Балкарии. Конец XIX — начало XX вв.». Составитель Е. О. Крикунова. Нальчик, 1962.

также архивов Института этнографии АН СССР и Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики⁵. С целью более глубокого теоретического осмысления исследуемого материала автором были привлечены работы многих видных советских этнографов и историков: З. Н. Никольской, А. И. Першица, П. Ф. Лаптина, В. К. Гарданова, Ю. В. Бромлей, Ю. П. Аверкиевой, Д. А. Ольдерогге и др.⁶

⁵ ЦГА КБАССР, ф. 2, 16, 22, 24, 31; ЦГА СОАССР, ф. 11, 270; Архив ИЭ АН СССР, ф. 8; Архив КБНИИ, ф. 10.

⁶ З. Н. Никольская. Пережитки патриархально-родового строя у аварцев в XIX веке и в начале XX века. — ТИЭ АН СССР, т. 14, М., 1951; А. И. Першиц. Патриимия у арабов. — КСИЭ, т. 13, 1951; П. Ф. Лаптин. Проблемы общины в трудах М. М. Ковалевского. — ВП, 1955, № 9; В. К. Гарданов. Ценный труд по кавказоведению (М. О. Косвен. Этнография истории Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961). — СЭ, 1962, № 4; Ю. В. Бромлей. Стаповление феодализма в Хорватии. М., 1964; Ю. П. Аверкиева. Индейцы Северной Америки. М., 1974; Д. А. Ольдерогге. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин. — В кн.: «Социальная организация народов Азии и Африки». М., 1975, и др.

советских этнографов у народов Кавказа³. В. К. Гарданов пишет: «Большую роль в выяснении социального содержания патронимии и ее исторического места в развитии древних общественных форм и кровнородственных отношений сыграл кавказский этнографический материал»⁴.

Исследования последних лет показали, что патронимия существовала у всех народов Кавказа, но проявлялась она у разных народов, в особенности в горной местности и на равнине, неодинаково. А. И. Робакидзе отмечает, что «если в плоскостных районах Азербайджана, Армении и Грузии патронимия к середине XIX в. либо почти полностью утратила свои характерные черты, либо коренным образом трансформировалась, то в горных районах Кавказа она, хотя и оказалась в состоянии распада, все же сохранила отдельные черты, позволяющие реконструировать ее основную структуру»⁵.

Данные полевого этнографического материала и архивные документы подтверждают существование патронимической организации и «фамилии» в конце XIX—начале XX века и в Балкарии⁶. Обозначались они ираноязычным термином «тукъум», толкуемым нашими информаторами как «фамилия». Термин «тукъум» со-

³ В. А. Бдоян. Кровнородственный «азг» и родственные отношения у армян. — СЭ, 1952, № 1; Э. Т. Карапетян. Родственная группа азг у армян (вторая половина XIX—начало XX в.). Ереван, 1966; М. О. Косвен. Из истории родового строя в Юго-Осетии. — СЭ, 1936, № 2; Б. А. Калоев. Осетины. (Историко-этнографическое исследование). М., 1971; А. Х. Магомедов. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974; З. Д. Гаглоева. Общественный быт осетин в XIX веке (патронимия). Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1975; Б. А. Калоев. Агулы. (Историко-этнографический очерк). — КЭС, ч. 3, 1962; М. М. Ихилов. Большая семья и патронимия у горских евреев. — СЭ, 1950, № 1; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. (Историко-этнографическое исследование). М., 1961; С. С. Агаширинова. Патронимия у лезгин. — УЗНИЯЛДФ, вып. 19. Махачкала, 1965; А. Авдал. Патронимия у курдов Армении в XIX в. — СЭ, 1956, № 6; Х. Г. Думанов. К вопросу о большой семье и патронимии у кабардцев. — «Вестник» КБНИИ, 1970, № 4; Э. Л. Коджесау. Патронимия у адыгов. — СЭ, 1962, № 2.

⁴ В. К. Гарданов. Указ. соч., стр. 204—205.

⁵ А. И. Робакидзе. Патронимия у народов Кавказа. М., 1973, стр. 2.

⁶ ЦГА СОАССР, ф. 270, ш. 1, д. 8, л. 12; Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, л. 29; Архив КБНИИ, ф. 10, оп. 2, л. 3.

она в то же время, разрастаясь, как бы возрождала древний патриархальный род. Отсюда понятно представление балкарцев, как и других народов Кавказа, о патронимии и «фамилии» как о патриархальном роде, чему, кроме того, способствовало и то, что, основанная «на принципах кровного родства, данная семейно-родственная группа регулировала внутреннюю общественную жизнь нормами, свойственными родовому коллективу»¹³.

Первые балкарские патронимии возникли примерно в конце XIII века в Черекском, Чегемском и Баксанском ущельях. Затем представители этих ущелий отдельными семьями, а нередко и целыми группами родственных семей — «айырылгъан къарындаш» заселили Хуламское и Безенгийское ущелья, а в середине XVIII века вновь Баксанское, которое к этому времени было уже покинуто карачаевцами¹⁴.

Нагляднее всего процесс образования патронимической организации, «фамилии» и сельской общины можно проследить на примере Баксанского ущелья. Примерно в 1750—1755 годах в Баксанское ущелье вместе со своими подвластными переселился из Чегемского ущелья безенгиевец по происхождению Чопелеу (Чофелеу), внук Орус-Бия, отделившегося в свое время, после смерти отца Басханука, от родного брата Сююнча (последний явился родоначальником Сююнчевых)¹⁵ (см. схему 1).

Предание гласит, что после смерти Басханука¹⁶,

¹³ З. Д. Гаглоева. Общественный быт осетин в XIX веке (патронимии). Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1975, стр. 38.

¹⁴ В науке в основном принято мнение, что карачаевцы ушли из Эльжурту (Баксанское ущелье) на свою нынешнюю территорию после 40-х годов XVII века.

¹⁵ В исторической литературе утвердилось неверное мнение о том, что Чопелеу является Сююнчевым. Одно из таких типичных высказываний принадлежит В. Кудашеву: «Чопелеу (Чопелеу.- А. М.) отбросил фамилию Суншев и стал называться по имени отца, Урусбиевым» (В. Кудашев. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, стр. 238). Однако Чопелеу уже был Урусбиевым, когда жил в Безенги, и не менее важно то, что Орус-Бий считался дедам Чопелеу, а не отцом. Если мы не можем сказать, каким было патронимическое имя отца Орус-Бия и Сююнча — Басханука, их деда Алхаса и т. д., то твердо можно утверждать, что от Орус-Бия пошли Урусбиевы, а от Сююнча — Сююнчевы (Суншевы).

¹⁶ Об отце Орус-Бия и Сююнча приводятся интересные данные в книге В. П. Христиановича «Из прошлого Кабарды и Балкарии. (Очерк борьбы с крымскими ханами и погайцами)». Нальчик, 1922, стр. 20.

отца Орус-Бия и Сююнча, довольно известного человека в Безенгийском ущелье, о котором слагались песни (одна из них — «Басханукъ» — сохранилась до наших дней), между представителями этого тукума возникли споры из-за первенства¹⁷. Особенно конфликтным положение стало при правнуке Басханука Чопелеу (а не при внуке, как писал М. К. Абаев), в связи с чем последний вместе с матерью переехал к ее чегемским родственникам. Живя там, он часто охотился в живописных местах верховьев р. Баксана, что и предопределило его переезд на постоянное место жительства именно в Баксанское ущелье. «Возмужав и ознакомившись с Баксанским ущельем, — читаем мы у М. К. Абаева, — [Чопелеу] решил покинуть навсегда Безенги, забрав отсюда своих узденей, эмчеков и холопей с их семействами, и, поддерживаемый первое время родственниками своей матери — чегемскими таубиями, поселился в Баксанском ущелье, перед входом в теснину, недалеко от границы Атажукинских владений, на участке под названием «Камык»¹⁸. Затем он вместе со своими подвластными устраивается выше по ущелью в местечке Ичкумель.

При определении времени переселения Чопелеу Урусбиева на Баксан 50-ми годами XVIII века мы исходили из известного факта смерти в Карачае от чумы в начале XIX века сыновей Кандаура — Алхаса и Эль-Мырзы¹⁹. Отсчитывая два поколения назад — время жизни отца Алхаса и Эль-Мырзы и их деда Чопелеу, мы и приходим

¹⁷ См.: И. Тамбиев. Заметки по истории Балкарни. — «Революция и горец», Ростов н/Д, 1938, № 8, стр. 64.

¹⁸ М. К. Абаев. Балкарни. Исторический очерк. — «Мусульманин», Париж, 1911, № 14—17, стр. 592.

¹⁹ Г. Ю. Клапрот, дважды побывавший на Северном Кавказе, как раз в то время, когда здесь свирепствовала чума, упоминает о карачаевских селах как о существующих (*Генрих Юлиус Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг.* — В кн.: «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.», стр. 246). Остается предположить, что именно 1809 год был роковым для пос. Джамагат, поскольку уже конец 1809 года характеризовался началом отступления эпидемии (В. М. Сысов. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. — СМОМПК, вып. 43. Тифлис, 1813, стр. 140). В «Северном архиве» за 1825 год также отмечается, что, «по достоверным известиям, подозревшие сие (на чуму. — А. М.) неосновательно. В восточных странах, по ту сторону Терека, нет не только чумы, но и никакой заразительной болезни» («Журнал путешествия по земле Донских казаков, к Кавказу и в Астрахань». — «Северный архив».

к такому заключению. В плане доказательства данного тезиса важно также высказывание Н. П. Тульчинского относительно того, что в 1824 году «пять горских обществ: Баксанское, Чегемское, Хуламское, Безенгиевское и Балкарское, во главе с Мырзакулом Урусбиевым, присягнули на подданство России, и это было спустя три поколения, когда родоначальник таубиев Урусбиевых Чопелеу Суншев (Урусбиев. — А. М.) переселился в Баксанское ущелье, свободное от бывших поселенцев — карачаевцев, ушедших за Кубань»²⁰. Мырзакул же Урусбиев жил в одно время с Алхасом и Эль-Мырзой, но был гораздо старше их.

Свое имя тукум получил от Орус-Бия — сына Басханука — еще в Безенги, а не «от Чепелла (Чопелеу или Чофелеу. — А. М.) и его сына Исмаила Урусбиева», как это утверждает И. Леонтьев²¹. Но последний в то же время совершенно верно отмечает, что «слово — Урус-Бий» (Орус-Бий. — А. М.) татарское²² и означает «рус-

СПб., 1825, п. 14, стр. 247). Здесь же в списке указывается: «Писано в 1810 году». Не менее важен и такой факт. Один из сотрудников Ингушского научного музея, записывавший в 1939 году текст карачаевской песни «Эмива» у информатора из Нижней Теберды М. М. Блигматова, зафиксировал сообщение последнего о том, что, по его подсчетам, смерть Эль-Мырзы и Алхаса произошла 130 лет назад, а это 1809 год (Л. П. Семенов. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939, стр. 61).

²⁰ Н. П. Тульчинский. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области. — Тер. сб., вып. 6. Владикавказ, 1903, стр. 253.

²¹ См.: И. Леонтьев. Поездка к Баксанскому леднику. — СМОМПК, вып. 22. Тифлис, 1897, стр. 133.

²² В официальной литературе и печати конца XIX — начала XX века балкарцев называли: горскими татарами (П. П. Надеждин. Кавказский край. Природа и люди, изд. 2-е. Тула, 1895, стр. 201); горными татарами (М. И. Пантюхов. Антропологические наблюдения на Кавказе. Тифлис, 1893, стр. 28; В. В. Дубянский. На восточных вершинах Эльбруса. — ИКОИРГО, т. 21. Тифлис, 1912, стр. 226); горскими кабардцами (Г. Мерцбахер. К этнографии обитателей Кавказских Альп. — ИКОИРГО, т. 18. Тифлис, 1906, стр. 99); басианами (И. А. Гюльденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. «Путешествие г-на академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». — СПб 1809); татарами (Ад. Берге. Горные племена Кавказа. — «Живописная Россия», т. 9. СПб. — М., 1883, стр. 71); болгарскими (И. А. Караулов. Болгары на Кавказе. — СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 131) и др.

ский князь». Легенда рассказывает, что, когда один из старших родственников Басханука, придя посмотреть на новорожденного, увидел белокурого, голубоглазого ребенка, он воскликнул: «Да это же русский князь!» Против этого никто возражать не стал, так его и назвали.

Таким образом, начало четверем атаулам Урусбиевых в Баксанском ущелье было положено четырьмя сыновьями Чопелеу — Али, Исмаилом, Кандауром и Магометом. Недолго продолжалась мирная жизнь урусбиевцев. Чегемские таубии и князья Атажукины, часть земель которых находилась в Баксанском ущелье и которые вытеснили в свое время карачаевцев, принялись за новых жителей верховья Баксана. Особенно непримиримым к насильникам был средний из сыновей Чопелеу — Кандаур. Он постоянно устраивал захватчикам засады, принося им большие неприятности. После смерти Кандаура его жена Уба-биче, боясь за жизнь своих сыновей Алхаса и Эль-Мырзы, вместе с подвластными крестьянами уехала в Карачай. Гуда же переселал родоначальник четвертого атаула Магомет с сыном. Поселились они в Джамагате, где уже жили карачаевцы. Произошло это в начале XIX века.

Данный вопрос в литературе затрагивался А. Н. Дьячковым-Тарасовым, В. М. Сысоевым, И. Е. Мысовским, Л. П. Семеновым, Х. О. Лайнановым, А. В. Поповым и другими, которые, видимо, за недостаточностью материала внесли в него определенную неясность. Приведем, к примеру, высказывание одного из этих авторов — А. В. Попова. Он писал: «...аул Джамагат был основан карачаевцами Урусбиевыми, переселившимися из аула Верхний Баксан в нынешней Кабардино-Балкарии»²³. Урусбиевы, как известно, по происхождению были бегенгивцами, а поселок Джамагат образовался до их переселения туда.

Ошибочным является и утверждение, что будто бы все Урусбиевы ушли на берег реки Джамагат. Так, в протоколах заседаний Общества любителей изучения Кубанской области читаем: «...уцелевшие жители (пос. Джамагат. — А. М.) в страхе разбежались (имеется в виду после чумы. — А. М.). Часть их поселилась в Бакса-

²³ А. В. Попов. Поэма Лермонтова «Хаджи-Абрек». — «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 11. Ставрополь 1964 гр. 237.

не, образовав Урусбиевский аул»²⁴. На самом же деле аул Урусбиевский (Ичкумель) был образован Чочелеу, дедом погибших от чумы в Карачае Алхаса и Эль-Мырзы.

Небезынтересно обратить внимание на высказывание И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского, имеющее непосредственное отношение к исследуемому вопросу. Они пишут, что «до времен Мурзакула (Мырзакула.— А. М.), отца теперешнего главы рода Исмаила Урусбиева, население аула было еще так малочисленно, что составляло всего-навсего двадцать дворов». В цитате идет речь о времени жизни Исмаила, сына Чочелеу, и его старшего брата Кандаура. Во-вторых, не менее важным доказательством, что поселок существовал до возвращения «пострадавших от чумы» урусбиевцев из Джамагата, является и то, что К. Ф. Ган в своей работе упоминает только лишь об Алхасе и Эль-Мырзе, тогда как, если все Урусбиевы жили там, в источнике фигурировали бы имена представителей старших патронимии и «фамилий»: Орусби, Кертыби, Мырзакула и т. д. Но в Карачае во время чумы жили члены атаулов Кандаура и Магомета.

В 1807—1808 годах, по данным Г. Ю. Клапрота, имевшего в виду, по всей вероятности, сел. Джамагат, оно состояло «из 50 домов» и располагалось «к западу от верховьев Кубани на речке Теберда. Последнее было построено в более позднее время бежавшими карачаевцами, покинувшими главное селение из боязни нападения кабардинцев. Путь, ведущий к ним, очень затруднителен...»²⁵. Здесь и поселились Урусбиевы с несколькими семьями крестьян примерно в 1800—1801 годах.

О том, что и до Урусбиевых с их подвластными в Джамагате сосредоточивалось большое население, говорит и такой факт. А. Н. Дьячков-Тарасов, С. И. Борчевский, В. М. Сысоев и 26 учеников Екатеринодарской гимназии, посетившие в 1898 году верховья Кубани, обратили внимание на «обширное кладбище» около тянувшегося «на версты полторы» бывшего населенного пункта Джамагат.

²⁴ Отчет о поездке в Карачай А. Н. Дьяčkова-Тарасова, С. И. Борчевского и М. В. Орлова.— ИЮЛИКО, вып. 1. Екатеринодар, 1899, стр. 152—153.

²⁵ Г. Ю. Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предприятие в 1807—1808 гг., стр. 246.

По рассматриваемому вопросу неточные, противоречивые, а порою и неверные сведения встречаются в работе Х. О. Лайпанова «К истории карачаевцев и балкарцев», где он пишет, что «балкарцы Мусос и Чопелеу Суншевы (Урусбиевы. — А. М.) первоначально жили в долине Бызынги, а потом поселились в ауле В. Баксан (приток р. Терека). По из-за земельной тесноты, поссорившись с братьями, они уехали в Теберду и основали здесь аул Джамагат»²⁶. Во-первых, Чопелеу — Урусбиев, а не Суншев, и он не был современником Мусоса. Представитель четвертого атаула Мусос — сын Магомета и внук Чопелеу и жил на реке Баксан, а не в «Бызынги» (кстати, непонятно, о какой «долине Бызынги» пишет автор). И, во-вторых, причина переезда не в «земельной тесноте», а в боязни матери Уба-биче за жизнь своих сыновей. Что касается Магомета, то он, как нам кажется, был женат на вдове своего старшего брата (на Уба-биче), что и послужило поводом его переезда туда. В Ичкумеле, после переселения небольшой группы людей, остались семьи атаулов Али и Исмаила.

В Баксанское ущелье вместе с Урусбиевыми, отмечается в одном из дореволюционных источников, прибыли всего «две семьи каракишей, или подчиненных им вассалов, а также незначительное число крестьян (чагар) и рабов (касаков)». Подтверждением этого факта служит рапорт управляющего Балкарской майора Коноплянского начальнику Кабардинского округа Орбелиани от 20 октября 1859 года «об отказе семейства «холопов» переселиться из Хулама в Урусбий». В нем отмечалось также, что вопрос о переселении в Урусбиевское общество подвластных Урусбиевых, оставшихся в Хуламе, был поставлен даже через два поколения — при Исмаиле Урусбиеве, правнуче Чопелеу.

Вместе с Чопелеу, а некоторые и несколько позже, в Баксанское ущелье переехали Жаппуевы, Тиловы, Геккиевы, Курдановы и другие²⁷. М. А. Иванов, посе-

²⁶ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, стр. 62.

²⁷ Основные мотивы переселения крестьян до крестьянской реформы — это крепостная зависимость, а таубиев — раздоры как между господствовавшими тукумами, так и внутри них. После реформы и особенно к концу XIX века место жительства меняли в связи с нехваткой земель, по причине кровной мести или каких-нибудь конфликтов с односельчанами.

щавший в начале XX века Баксанское ущелье, считает эти патронимии «пионерами» Урусбиевского общества²⁸.

Трое сыновей Жаппу²⁹ (Жаппуевы) — Ертю, Жарашты и Балаку — положили здесь начало трем атаулам — ветвям — в дальнейшем большой и сильной экономически патронимии.

Три атаула намечались и у Курдановых, когда они жили еще в Безенги. У Курдана, родом из Грузии, родилось трое сыновей — Тейрекул, Геля и Лепшок³⁰. Но после раздела братьев Геля уехал на родину отца, а Лепшок со своею семьей — в Карачай, в Карт-Джурт. Лепшоковы³¹ из Карачаево-Черкесии подтверждают, что их родоначальник примерно в восьмом поколении от них являлся жителем Безенги. В Центральном государственном архиве Грузинской ССР (ф. 7, оп. 8, д. 1, л. 8) научным сотрудником сектора Кавказа Института этнографии АН СССР Н. Г. Волковой выявлен документ, рассказывающий о том, что в Мулахском обществе Сванетии в середине XIX века жила фамилия азнауров Курдиани, переселившаяся с Баксана³². Однако следует заметить, что переселение это произошло не с Баксана, а из Безенги. Первым из Курдановых в Баксан уехал внук Тейрекула и правнук Курдана Тау-Болат, и поселился он сначала в Ичкумеле, а затем в Губасанты. Появление патронимии Курдановых относится к моменту раздела семьи Санграу — сына Тау-Болата (см. схему 2).

В одно и то же время из Безенги после смерти отца Темпржана переселились на Баксан два родных брата — упоминавшийся выше Жаппу (Жаппуевы) и Тенни (Тиловы).

Патронимии же Тиловых и прибывших Геккиевых образовались в третьем поколении — от внуков родоначальников Тенни и Гекки. Первая патронимия состояла из

²⁸ См.: М. А. Иванов. В ущелье р. Баксана. — ИКОИРГО, т. 15, № 1. Тифлис, 1902, стр. 17.

²⁹ Жаппу упоминается в фольклоре как личность весьма авторитетная среди безенгиевцев. Чопелеу Урусбиев называл его своей правой рукой. Х. О. Лайпанов, ссылаясь на предание, считает Жаппу Урусбиевым, на самом же деле он и его брат Тенни были из каракишей, но к какому тукуму они принадлежали, сказать трудно.

³⁰ Информатор Геккиев Донгай Боттаевич.

³¹ Лепшоковых в Карт-Джурте к 1902 году насчитывалось 34 двора (Б. В. Миллер. Из области обычного права карачаевцев. — ЭО, 1902, № 1, стр. 3).

³² См.: Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XX века. М., 1974, стр. 110.

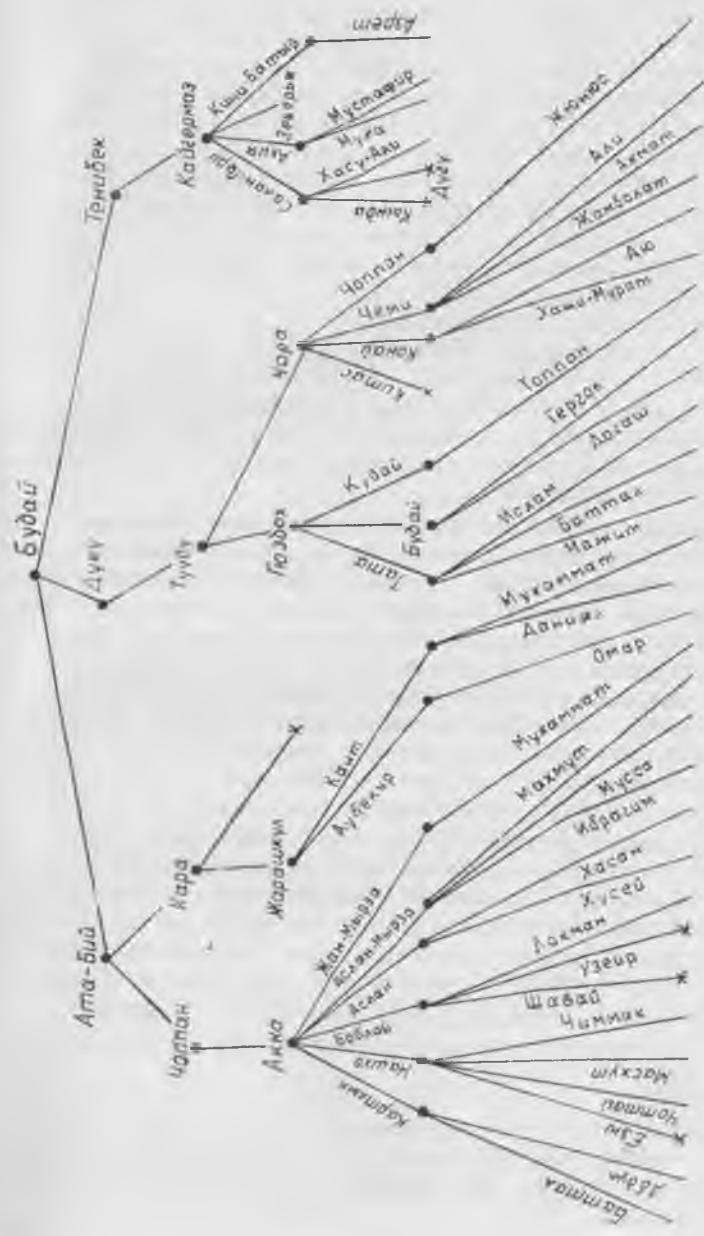
«айырылган къарындаш» семей Османа и Усеина, сыновей Диду и внуков Тенни. Осман и Усеин впоследствии положили начало двум атаулам. Внуки Гекки стали родоначальниками атаулов Балку, Калибека, Жарашты, Этте и Дуда.

Вслед за этими патронимиями-тукумами в Баксанском ущелье образовались тукумы Малкаровых, Будаевых, Гулневых, Хаджиевых, Байдаевых, Ахматовых, Кучуковых, Узденовых, Соттаевых и других (см. схемы 3-6).

Интересно предание о появлении тукума Узденовых. Родоначальником его был Узден, по происхождению грузин³³. Из трех его сыновей — Чоппана, Загуштока и Баснята — лишь старший (первый) стал продолжателем балкарской патронимии. Сыновья Чоппана — Жапай, Махурай, Анпай, Аслаку, Загушток, Сыгынчи, Жарай и Хажн-Бий, разделившись после кончины отца, все уехали в Карачай, в Карт-Джурт. Но через некоторое время младший из них — Хажн-Бий вернулся назад и поселился в местности Гижгит. Братья, оставшиеся в Карачае, положили начало семи атаулам карачаевских Узденовых, которые впоследствии расселились также в села Хурзук и Каменноостокское. Поэтому уже к моменту посещения Карт-Джурта Б. Вс. Миллером в начале XX века Узденовы занимали здесь только два квартала и насчитывали около 70 дворов. В Гижгите род Узденовых продолжили сыновья Хажн-Бия — Огурлу, Исхак, Асламбек и Аслан. Этот же тукум выделил патронимию баксанских Маммашевых — семьи Жюнюса, Муссы и Кайсына.

В Верхний Баксан из Верхнего Кюннума (Верхняя Балкарня) переехал со своей многочисленной семьей Исса Байдаев. Поскольку он был уже очень стар, го семьей фактически руководил его сын Биту. Своим патронимическое имя Байдаевы вели от Байды. Если считать от Биту, то по прямой линии родословная семьи выглядит так: Биту — Исса — Биченчи — Лешок — Баснят — Батыр-Бий — Бадинат — Бий-Ток — Бек-Мырза — Шырган — Бий-Болат — Байда (записано Д. М. Тавмурзаевым в пос. Байдаевском).

³³ По поводу Узденовых уже в 1913 году существовало мнение В. М. Сысоева, который предполагал, что они происходят из «кызылбеков» (В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. — СМОМПК, вып. 43. Тифлис, 1913, стр. 137).

Родословная Будаевых (в составлении схемы участвовали многие представители этой фамилии) (схема 3)

Со временем поселок Ичкумель (В. Баксан) рос, кварталы — «тийре» каждого тукума увеличивались. Из-за земельной тесноты назревала необходимость расселения. И семьи-первопоселенцы стали устраиваться на постоянное жительство на своих кошах (зимовниках). В конце XVIII—начале XIX века в Баксанском ущелье возникают новые населенные пункты, происходит процесс вторичного появления патронимических поселений. Началось это примерно в 80—90-х годах XVIII века. В 1770 году И. А. Гюльденштедт, перечисляя села «округов» Балкарнии, в Баксанском ущелье упоминает только Баксан, т. е. Ичкумель, а по другим ущельям он называет ряд населенных пунктов³⁴. В Баксанском ущелье основываются поселки: Кылды — Джангуевский, Эльжурту — Геккиевский, Губасанты — Курдановский, Муккулан — Малкаровский, Койсюрюльген — Байдаевский, Шашбоват — Ахматовский, Кызыл-Кез — Соттаевский и т. д. Наряду с тукумами-патронимиями создаются тукумы-«фамилии».

Позже в Верхнем Баксане поселились Теваевы, Темосвы, Отаровы, Залихановы и другие, ставшие прародителями будущих тукумов. Родные братья Тева, Абрэк и Ислам после смерти отца Жашу, жившего в Верхнем Баксане, обосновались в местности Тютю-Суу. После раздела для наименования своей группы семей они взяли имя старшего брата Тева и стали Теваевыми (он был намного старше своих двух братьев). Семья Тева состояла из трех сыновей — Ибрая, Исхака и Жумали, семья Абрека из двух — Ибака и Бачи-Бая (имен сыновей Ислама информаторы не смогли вспомнить).

Согласно легенде, Отар, имя которого впоследствии получил тукум, бежал из Грузии по причине кровной мести. Двое его сыновей — Жаш-Бек и Кали-Бек — создали патронимию Отаровых. Потомки Жаш-Бека переселились в Гунделен, где образовали новую патронимию Отаровых, родственную баксанской. С появлением Отаровых в Гунделене уже возникла «фамилия» Отаровых.

Основателем тукума Теммеевых был Бала родом, по

³⁴ См.: *Иоганн Антон Гюльденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа.* — В кн.: «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.». Нальчик, 1975, стр. 207.

рассказам старожилков, из Калмыкии³⁵. Однако имя себе тукум взял младшего внука Балы — Теммо, прославившегося тем, что был прекрасным охотником.

Начало трем атаулам Залихановых положили братья Байрамук, Ислам и Баба. Все они сначала жили в Верхнем Баксане. Затем Байрамук и Ислам купили участок земли в районе современного поселка Эльбрус и переехали туда, а Баба остался на прежнем месте. Первыми семьями патронимии Залихановых в Верхнем Баксане были семьи Жанаканта и Солмана, в Эльбрусе — Кушная, Окулая, Гылхы, Исхака, Аслан-Гери и Тохчука³⁶.

В Эльбрусе образовался тукум Беккаевых (родоначальник — Бекка). Первыми семьями этого тукума являлись семьи Боташа, Магомета и Камгута — внуков Бекки.

К первой четверти XIX века относится появление в Баксанском ущелье ряда карачаевских тукумов и семей, число членов которых примерно через 100 лет, в 1913 году, по подсчетам В. М. Сысоева, составило 216 человек. Некоторые исследователи это событие неверно связывают с возвращением уцелевших на р. Джамагат (в районе современного курорта Теберда) урусбиевцев. Так, В. Я. Тепцов писал: «Урусбиево населено карачаевцами, вышедшими сюда не так давно из долины Кубани»³⁷. На самом же деле из Карачая в Верхний Баксан вернулись из Урусбиевых единственный сын Магомета, родоначальника четвертой ветви, — Мусос Урусбиев и их подданные, которые в свое время выехали туда со своими владельцами. Это: Кали-Бек Геккиев со своими сыновьями Абутом, Жабо, Ибраем и Чимаем; Шханука, Даулеттука, Байрам и Огурлу Джуртубасвы; Кара Будаев; Канука, Аслями и Даут Байдасвы. Умерли от чумы в Карачае Итте, Бызынги, Хасан и Хажии-Али Жаннуевы, Будаев Чоппан. В песне «Эмина» встречаются такие строки:

...сын Ата-Бия, богатырь Чоппан
Умер, тоскуя по родине Баксан.
Кругом нет никого, одни горы,
Не у кого просить помощи.

³⁵ Информаторы Х. Г. Отарова (1880 г. р., сел. Гунделен) и Ф. А. Отарова (1888 г. р., сел. Гунделен).

³⁶ Информаторы Д. М. Залиханов (1885 г. р., пос. Эльбрус), И. К. Залиханов (1895 г. р., сел. Жанхотско), А. Д. Залиханов (1894 г. р., Тырныауз) и К. И. Залиханова (1888 г. р., сел. Гунделен).

³⁷ В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. — СМОМПК, вып. 14. Тифлис, 1892, стр. 132.

Проверенные нами генеалогии всех жителей Баксанского ущелья свидетельствуют, что Чоппан был сыном Ата-Бия Будасва. Сегодняшние потомки Чоппана — праправнуки — подтверждают, что их прадед Чоппан отличался необыкновенной силой и умер от чумы в Карачае в пос. Джамагат. Таким образом, приводимый впервые нами конкретный материал разрешает, наконец, спорный более 50 лет вопрос и о месте нахождения пос. Джамагат.

Возвратился Мусос с подвластными ему людьми из погибшего Джамагата в те годы, когда старшиной Урусбиевского общества был Орусби, сын Али — основателя первого атаула. Интересно отметить, что примерно через двадцать лет в ущелье побывал венгерский исследователь Жан-Шарль де Бесс, который близко сдружился с Мырзакулом Урусбиевым³⁸. Последний после смерти Орусби стал старшиной общества, что соответствует народному преданию, которое гласит, что во времена Мырзакула старшими в роде Урусбиевых были Мырзакул, Келемет, Кучук и Мусос. Кроме них, из мужчин Урусбиевых жили семеро сыновей Орусби, четверо Мырзакула, один Келемета и два Мусоса³⁹. Таким являлся тукум Урусбиевых к 1830-м годам. А приведенное высказывание В. Я. Тепцова, посчитавшего Геккиевых, Байдаевых, Будасвых и Джуртубаевых карачаевцами, ввело в заблуждение и последующих авторов, занимавшихся данным вопросом. Здесь же надо заметить, что селение Урусбиево образовалось не с возвращением из Карачая урусбиевцев и не во времена Исмаила Урусбиева-старшего, который, как ошибочно замечают И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский, пришел якобы из Кабарды⁴⁰, а при Чопелеу Урусбиеве. Сам же Чопелеу Урусбиев никогда не жил в пос. Джамагат, и А. Н. Дьячков-Тарасов ошибался, когда писал, что после того, как «сыновья [его] умерли от страшной болезни, старый князь бросил

³⁸ См.: *Жан-Шарль де Бесс*. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. — В кн.: «Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.». Нальчик, 1974, стр. 371.

³⁹ Предание из жизни Урусбиевых рассказано нам в 1969 году Геккиевым Донгаем Боттаевичем (1888 г. р., сел. Бедьк).

⁴⁰ См.: *И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский*. Указ. соч., стр. 93.

это место и пошел под Эльбрус, где и поселился в теперешнем Урусбиевском ауле»⁴¹.

Немало балкарских патронимий и «фамилии» образовались от представителей соседних с балкарцами народов (в результате военных набегов их друг на друга, за счет торговли рабами, похищения детей, скрывавшихся от преследований князей крестьян из Грузии, Абхазии, Осетии, Карачая, Кабарды, Кумыкии⁴², беглецов от кровной мести). Впервые на это явление обратил внимание А. Н. Дьячков-Тарасов в Карачае. Он писал, что «изучение отдельных родов Карачая обыкновенно приводит к родоначальнику беглецу, редко — к добровольному переселенцу»⁴³. Именно этим объясняет В. П. Невская то, что в Карачае «к первоначальному населению применялись различные элементы — тюркские, абазинские, кабардинские, кумыкские и даже русские»⁴⁴.

Действительно, в Баксанском ущелье в районе Былыма сначала поселился Исмаил Афашоков, один из трех братьев, приехавших из Кубанской Черкесии (двое других обосновались в Кабарде). Когда эту же местность облюбовал Фендука Озаруков, здесь стояло небольшое жилище Исмаила Афашокова. Вслед за ними сюда приехали Казак Толгуров из Безенги, четверо братьев Джуртубасевых — Шханука, Даулеттука, Байрам и Огурлу⁴⁵, вместе с Урусбиевыми побывавших в Карачае, и Алчагиров Мокай (Алшагировы — из Малой Кабарды). К более позднему времени относится появление в Былыме Тотукова Тоту с девятью своими сыновьями. Однако последние после трагической смерти отца покинули Былым. Хозяином этих мест стал Озаруков, являвшийся весьма состоятельным человеком. По всей вероятности, имелось в виду Озаруково, когда в одном из документов отмечалось, что «на вершине реки Бакса-

⁴¹ А. Н. Дьячков-Тарасов. В горах Большого и Малого Карачая. — СМОМПК, вып. 28. Тифлис, 1900, стр. 68.

⁴² ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, д. 920, л. 1; д. 508, л. 2; ф. 16, оп. 1, д. 1185, лл. 2, 4 и 4 об.

⁴³ А. Н. Дьячков-Тарасов. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощь. — ЗССКГНИИ, т. 1. Ростов н/Д, 1928, стр. 137.

⁴⁴ В. П. Невская. Карачаевцы. — В кн.: «Народы Карачаево-Черкесии» (Историко-этнографические очерки). Ставрополь, 1957, стр. 20.

⁴⁵ Джуртубасевы считались вольноотпущенниками князей Атажукских (см. кн.: Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX вв. М., 1974, стр. 98).

на, в горах»⁴⁶, поселилось более двадцати дворов кабардинских крестьян.

Родоначальниками Созаевых и Байзуллаевых в Хуламе явились Созай и Атакул. Атакул сначала перебрался в Верхний Баксан, затем в местность Чылмас, основав там пос. Верхний Чылмас. Здесь же поселились Таймураз Борчасев, по неизвестным причинам покинувший Дигорское ущелье, и Тумак Тузлуев (Холамов) из Хуламской сельской общины.

Добилась разрешения и перебралась в местность Кылды большая семья братьев Тебердиевых — Омара, Аубекира, Зекерьи, Хусейна, Картлыка, Хажии-Батира и Гитче-Батира, из которой получили развитие только шесть атаулов. У Картлыка не было детей, и, как говорят в народе, «от жагъасы туп болду» — «очаг потух».

Из Балкарской сельской общины в Камык переселся Курман-Али Эдоков, сын Эдока. Патронимию же создали Каит, Сыллы, Кыден и Хажии-Мырза.

Из Хурзука, Карт-Джюрта и Учкуллака Карачая прибыли Гызыевы, Биджиевы, Ачабаевы, Аджиевы, Кульчавы и Кочкаровы.

Куат Хапиев из Безенги по разрешению сельских властей вместе со своими сыновьями Муссой и Иссой обосновался в Гирхожане, а один из его братьев переселился в Карт-Джюрт. Однако Исса переселся в только что образовавшийся в те годы Гунделен. Главами семейств патронимии Хапиевых стали сыновья Муссы — Коккаш, Камбулат и Тогулан.

Из фамилии Гочияевых, разветвления ее — патронимии в Карт-Джюрте, в Урусбиевскую сельскую общину уехал Ачабаев Кучук. Четверо его сыновей — Исманл, Аха, Адрай и Кон-Али после раздела образовали в Верхнем Баксане многочисленный квартал Ачабаевых.

Карачасвец Неппе из Верхнего Баксана переселился в Гягиш. Тукум разросся из семей Али, Отара и Аслам-Бека — сыновей Неппе.

На Баксан из Карачая из Гызыевых приехали только два брата — Чаука и Чокка, которые в Курму основали тукум Гызыевых. Аталык Кочкаров из Учкулана посе-

⁴⁶ ЦГА КБАССР, ф. 31, оп. 1, д. 1, л. 69. В дореволюционной литературе этот поселок именуется как Озроковский, и только В. Ф. Миллер называет Озаруковским (В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды. — МАК, вып. 1. М., 1888, стр. 77).

лился в Терсколе (Кочкаровский). Три его сына — Хусей, Хасан и Картлык — образовали патронимический поселок, о котором упоминается во многих работах дореволюционных авторов.

Четверо сыновей Мырзабска Тебуева из Карачая — Хажии-Мырза, Хажии, Маил и Даут, родоначальники четырех атаулов этого тукума, — заняли Кылды. Из Грузии в Верхний Баксан приехали Моллаев Гиргучен и Мамсуров Мамсур, из Абхазии — Апсуваев (Апсуа). Тукум Моллаевых создали трое сыновей Гиргучена — Аубекир, Али и Гери. Со временем Гери переселился в Хасаут. Выходцы из Грузии — братья Ахкубек, Шавай и Дуппу. От первого берет начало безенгиевский тукум Ахкубековых. Шавай же переселился в Баксан, а Дуппу — в Карачай. Двое сыновей Апсуа — Байраку и Жангери — явились первыми представителями тукума Апсуваевых.

С началом пореформенного периода процесс переселения горцев Северного Кавказа с одного места на другое, особенно в предгорную часть и на равнину, усиливается. В Балкарии в этот период возникли новые населенные пункты — Гунделен, Кашкатау, Хабаз, Яникой. В 70-х годах XIX века в Верхнем Баксане образовался тукум Эфендиевых от приехавших из Черекской сельской общины братьев Зулкарнея, Локмана и Исмаила. Важно обратить внимание на тот факт, что в Гунделене несколько позже появился другой тукум Эфендиевых, но он не родственник верхнебаксанскому.

Исхак и Якуб Боттаевы из Безенги в Верхнем Баксане стали членами тукума Туарчиевых.

С разделом семьи Исхака Картлыкова возник тукум Картлыковых. Его составили семьи Доблая, Акбай-Хажии и Токунай-Хажии. Родоначальник же этого тукума отделился от Тохаевых, живших в Кекташе Чегемской сельской общины, и поселился в Верхнем Баксане еще во времена жизни Исмаила Урусбиева — отца Келемста и сына последнего — Чопелеу.

Родные братья Салах, Мазан и Быгырчи Абдуллаевы из Кумыкии стали основателями балкарского тукума Абдуллаевых.

Джашаку Джабаев⁴⁷ приехал из Карачая навестить свою сестру, которая была замужем за одним из представителей Баксанского ущелья. Она уговорила брата

⁴⁷ Сейчас его потомки ищутся Джабоевыми.

остаться в Верхнем Баксане навсегда. Этому способствовало также и то, что он влюбился в девушку из тукума Малкаровых. В 1892 году семья сорокалетнего Жарашты Джашакуевича Джабаева в составе его братьев — Даулеттука, Жар-Аслана и Бий-Аслана, двух его сыновей — Жюнюса и Магомета и четырех женщин пересекла в Чижок-Кабак Чегемской сельской общины. Но через некоторое время Жар-Аслан и Бий-Аслан возвратились назад в Урусбиевскую общину. Чегемские Джабаевы в основу своего патронимического имени взяли имя отца Джашаку и стали Жашакуевичами. Потомки же Жар-Аслана и Бий-Аслана оставили свое прежнее «фамильное» имя — Джабаевы.

В этот же период в Жапыртала жили Ногайлиевы (Хажин-Омар) и Согаевы (Сога). Одновременно с жапырталскими Ногайлиевыми в Гунделене проживал Абдурахман Ногайлиев, по происхождению тоже ногаец. Ногайлиевы были и в Зылгы. Но все они — не родственники друг другу. Ногайлиевы и Ногаевы жили также в Кабарде и Карачае.

Во время посещения Гирхожана в начале XX века Н. П. Тульчинскому встретился старик-чеченец, который, в свое время попав в плен, остался там. За ним и его потомками закрепилось патронимическое имя Чеченовы⁴⁸. Этот факт подтвердил внук встретившегося Н. П. Тульчинскому чеченца — Махмут Оюсович Чеченов (1898 г. р.), ныне живущий в Гунделене. Можно сказать, почти в эти же годы от некоего Шимаухи из Чечни получил развитие другой тукум балкарских Чеченовых — в Советском.

Нами названы в основном все тукумы, имевшиеся в Баксанском ущелье до 1917 года. Правда, здесь могли встречаться в связи с широким процессом миграции, особенно в дореволюционные годы, семьи и из тукумов соседних обществ и «фамилий» других народов, не считавшихся членами Урусбиевской сельской общины. Порою бывало и так, что в селении, где основался тукум, его представителей уже не было, так как они переселились в другие места.

Таким образом, приток населения из Безенгиевского и Хуламского обществ, а также из Балкарии и Чегема,

⁴⁸ См.: Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды. — Тер. сб., вып. 5. Владикавказ, 1903, стр. 167.

Кабарды и Карачая, Грузии и Осетии, появление патронимических поселений способствовали созданию Урусбиевской сельской общины с центром в Ичкумеле (Верхний Баксан или Урусбиево).

Основываясь на документе 1867 года, выявленном в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР (ф. 545, оп. 1, д. 2935), Н. Г. Волкова правильно заключает, что «основное ядро баксанцев-урусбиевцев составилось из безенгиевцев, карачаевцев, менее чегемцев, балкарцев и холамцев»⁴⁹. Остальные — пришельцы из разных соседних с Балкарней краев. Одним из первых среди дореволюционных авторов на данный факт обратил внимание В. Я. Тенцов: «Типы балкарцев, насколько мы имели возможность приглядеться к ним, отличаются своим разнообразием... Третью часть населения составляют огатарившиеся светорусые осетины... Остальное население состоит из татар и кабардинцев»⁵⁰. Почти это же самое несколько позже отмечал К. Ф. Ган: «Определенного, чистого типа у этих балкарцев нет, так же как и у других горских татар на Баксане, Чегеме и Урвани»⁵¹.

В 1903 году Н. П. Тульчинский писал, что «...жители селения Озроково (Озаруково. — А. М.) — выходцы из Кабарды; жители сел. Куркужин (Гирхожан. — А. М.) — выходцы из Дигории; среди горского населения силошь и рядом можно встретить людей с большими зобами — это выходцы из Сванетии и Имеретии...»⁵².

На сессии, посвященной происхождению карачаевцев и балкарцев, А. И. Робакидзе и Р. Л. Харадзе отмечали, что «в Балкарнии до настоящего времени продолжают жить потомки сванов, которые, несмотря на ассимиляцию с балкарцами, не теряли память о своем происхождении и не прекращали с последними родственных взаимоотношений»⁵³.

Немало патронимий и «фамилий», родоначальники которых являлись выходцами из разных народов, по

⁴⁹ Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX вв. М., 1974, стр. 98—99.

⁵⁰ В. Я. Тенцов. По истокам Кубани и Терека, стр. 196.

⁵¹ К. Ф. Ган. По долинам Черема, Уруха и Ардона. — СМОМПК, вып. 25. Тифлис, 1898, стр. 10.

⁵² Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды, стр. 166.

⁵³ А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе. К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях. — МПС. Пальчик, 1960, стр. 146.

словам А. Н. Дьячкова-Тарасова и С. Н. Попова, встречалось и в Карачае⁵⁴. В частности, среди только караузденей 26 «фамилий» восходили к беженцам из России, Сванетии, Абхазии, Кабарды, Кумыкии, Армении, Балкарии, Калмыкии и к таким народам, как абазинцы и ногайцы. Среди них Богачевы, Французовы, Байчоровы, Борлаковы, Айсандыровы, Менкоевы, Халкачевы, Семеновы, Тамбиевы, Жараштиевы, Эбзесы, Акбаевы, Алпеевы, Айбазовы, Боташевы, Калмыковы и др.⁵⁵ В 1883 году в сел. Хурзук, кроме карачаевских, проживало семь семей чегемских, пять сванских и две чеченские, в Карт-Джурте — три кабардинские, четыре кумыкские, одна абхазская, две хуламские, три баксанские и две татарские, в Учкулане — одна кумыкская, одна ногайская и одна чеченская, в Маре — две кумыкские, пять ногайских, четыре кабардинские, одна абазинская и одна чеченская, в Хумаре — 21 кабардинская⁵⁶.

Исходя из процесса заселения Баксанского ущелья ретроспективно, можно представить процесс этногенеза карачаевцев и балкарцев. Материал показал, что, прибывая в ущелья Балкарии в разное время, пришельцы попадали в тюркоязычную среду и в течение одного поколения перенимали язык коренного населения, его законы, обычаи и религиозные воззрения, т. е. ассимилировались. Они не изменили язык, материальную и духовную культуру карачаевцев и балкарцев, и поэтому их нельзя причислять к основным этническим образованиям, из которых сложилась карачаево-балкарская народность⁵⁷.

Такие эпизодические проникновения в горные ущелья различных пришлых элементов происходили постоянно с древнейших времен, и всех их постигала аналогичная участь. Поэтому неприемлемыми кажутся теории о происхождении балкарцев от гуннов, болгар, хазар, ногайцев из Турции и Крыма и даже от тех кыпчаков, которые

⁵⁴ См.: А. Н. Дьячков-Тарасов. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощь, стр. 137—138; С. Н. Попов. Пешком по Карачаю. Ростов н/Д, 1931, стр. 18.

⁵⁵ См.: Н. С. Иваненков. Карачаевцы. — ИОЛИКО, вып. 5. Екатеринбург, 1912, стр. 29.

⁵⁶ См.: Е. Д. Фелицын. Числовые данные о горском и прочем мусульманском населении Кубанской области. — ССок, т. 9. Тифлис, 1885, стр. 57—58, 91.

⁵⁷ См.: Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 52.

случайно попадали в горы до XIII века, поскольку, как свидетельствуют известные источники, из них до татаро-монгольского нашествия могли проникать в лучшем случае только небольшие группы. Нельзя согласиться и с тем, что они произошли и от более древних их предков. Исходя только из того, что, предположим, кыпчаки — половцы восприняли через культуру алан элементы культуры автохтонных кавказских племен, скифов, сарматов и других соприкасающихся с ними на протяжении длительной истории племен, неправомерно утверждать, что в этногенезе балкарцев и карачаевцев решающую роль сыграли предки алан и их предшественники. «Кобанцы», скифы и сарматы создали Аланию, аланы и кыпчаки — Карачай и Балкарию. Но если же к этногенезу балкарцев и карачаевцев примешивать и более древние элементы, в том числе и кавказский, от которого уже к XIII веку, кроме захоронений, ничего не осталось, поскольку местные племена были ассимилированы аланами в I веке н. э., то таким путем можно дойти до Адама и Евы.

Таким образом, здесь, в горах, пришельцы, вливаясь в местную среду, можно сказать, бесследно пропадали, оставляя лишь некоторые элементы своей культуры. Но если до XIII века в среду местного ираноязычного населения отдельные тюркские элементы, может быть даже незначительные их группы, и вообще инородцы-одиночки проникали безболезненно, то в период татаро-монгольского нашествия на Северный Кавказ сильная тюркская волна в лице разбитых татаро-монгольскими отрядами кыпчаков — половцев полностью ассимилировала местное аланское население.

В XI—XIII веках горные и предгорные районы Северного Кавказа — современная территория Балкарнии и Карачая — были заняты аланами⁵⁸, равнинные же его

⁵⁸ См.: В. Ф. Миллер. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды. — МАК, вып. 1. М., 1888, стр. 121; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 358; Л. Г. Печеева. Катакомбы могильника Былым. — В кн.: «Археологические открытия в 1969 году». М., 1970, стр. 101—102; Т. М. Минаева. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. — В кн.: «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 11. Ставрополь, 1964, стр. 167; Л. И. Лавров. Дискуссионные вопросы этнической и политической истории карачаевцев и балкарцев. — Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы ИЭ АН СССР (Ленинградское отделение). Л., 1967, стр. 30—31.

районы — крупными в количественном отношении племенами кыпчаков, которые откочевали сюда после нескольких поражений от Владимира Мономаха (в 1103, 1109, 1111, 1116 годах)⁵⁹.

В 1223 году один из монгольских отрядов Джебег и Суоэдея захватил весь Северный Иран, ряд городов Закавказья, Дагестан. Расстроив союз алан с кыпчаками, он разбил сначала одних, затем других⁶⁰. У К. Д'Оссона мы читаем: «Обе армии (кыпчаков и монголов. — А. М.) сразились, но исход сражения был не решен». Тогда монголы, чтобы обеспечить себе успех, прибегли к обычному своему оружию — хитрости и вероломству. «Мы турки, как и вы, — обратились они к кыпчакам, — а вы соединяетесь с племенниками против своих братьев. Заключим мир, мы дадим вам столько золота и богатых одежд, сколько вы пожелаете». Соблазнившись этим, кыпчаки покинули своих союзников⁶¹. Разделившись на отдельные отряды, они возвращались к своим стоянкам. Татаро-монголы же, расправившись с аланами и с другими их союзниками, овладев городом Терки, начали преследовать кыпчаков, мстя последним за помощь, оказанную ими в свое время хорезмийцам⁶². Многие из кыпчаков, не ожидая такого поворота событий, не успевали даже бежать⁶³. Мы предполагаем, что именно в это время отрядам кыпчаков во главе с родовыми предводителями Малкаром и Карчи, одним из первых принявших на себя удар врагов, удалось уйти в

⁵⁹ См.: Н. Аристов. О земле половецкой. (Историко-географический очерк). Киев, 1877, стр. 4—15; В. Г. Ляскоранский. Русские походы в степи. СПб., 1907, стр. 9.

⁶⁰ См.: И. Березин. Первое нашествие монголов на Россию. — ЖМНП, СПб., 1903, сентябрь, стр. 240—241; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 3, 25—26; П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы. Киев, 1884, стр. 230; Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 57; Абуль-Гази Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань, 1906, стр. 107—108; А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М. — Л., 1950, стр. 50; Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. — КЭС, вып. 4, М., 1969, стр. 76—77.

⁶¹ См.: К. Д'Оссон. История монголов от Чингиз-Хана до Тамерлана, т. I. Иркутск, 1937, стр. 192.

⁶² См.: П. Голубовский. Указ. соч., стр. 229—230.

⁶³ См.: Ф. А. Щербина. История Кубанского казачьего войска т. I. Екатеринодар, 1910, стр. 312; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, т. I. М. — Л., стр. 194; Л. М. Гулилев. Открытие Хазарии. М., 1966, стр. 174.

Черекское и Баксанское ущелья, а уцелевшим остаткам нескольких других разрозненных отрядов — в Чегемское.

Смешение значительного по количеству тюркского населения с местными жителями, несмотря на то, что кыпчаки жили патриархально-родовым строем, во главе родов которых стояли родовые предводители, привело к ускорению начавшегося в горах процесса распада родовых групп. Генезис феодализма у алан был прерван татаро-монгольским нашествием, «а затем продолжался в горах в новых условиях и новой этнической среде...»⁶⁴.

Непосредственно с данной проблемой связан вопрос самоназвания балкарцев и карачаевцев. Определяя их самоназвание, нельзя игнорировать социально-экономические условия жизни тогдашнего населения гор и тот факт, что предки у карачаевцев и балкарцев одни и те же. Общественное развитие алан и кыпчаков, создававшаяся ситуация в условиях Балкарии и Карачая в XIII веке — вот ключ к решению интересующего нас вопроса. Если в Чегемском ущелье первобытные отношения под влиянием благоприятной почвы разрушались быстро, что и предопределило самоназвание жителей ущелья по названию реки, то компактные родовые группы кыпчаков, попавшие в Черекское и Баксанское ущелья, закрепили за жителями и ущельями имена родовых вождей — Малкара и Карчи.

Известно, что у половцев «роль племенных и родовых князей сводилась главным образом к роли военачальников»⁶⁵. Половцы постоянно меняли названия одних и тех же городов, «потому что именовали их по своим ханам-князьям или родоначальникам: когда по смерти одного предводителя известного рода делался другой, то и город изменял название. В жизни половцев господствовал родовой быт, о котором верно рассуждал еще Татищев, что у них множество князей зависит от множества и разделения улусов; поэтому самые племена их назывались по родоначальникам...»⁶⁶.

Безенгиевцы и хуламцы образовались позже из балкарцев и чегемцев. Названия их (первых) восходят к

⁶⁴ *Е. Н. Кушева*. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа. — В кн.: «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, стр. 184.

⁶⁵ *С. А. Плетнева*. Указ. соч., стр. 193.

⁶⁶ *И. Аристов*. О земле половецкой. (Историко-географический очерк). Киев, 1877, стр. 10.

периоду борьбы за территорию ущелий их будущих обитателей. Жители пяти балкарских ущелий именовались разными этнонимами, хотя представляли один этнос. С усилением авторитета и распространением власти жителей Черекского ущелья на соседей⁶⁷ их наименование — балкарцы — становится общим само-названием народа. Родоплеменной состав кыпчаков — половцев, легший в основу образования карачаевцев и балкарцев и исторически обусловленный социально-экономической жизнью последующих веков в специфических условиях гор, привел к тому, что эти народы даже в предоктябрьский период, кроме общего самоназвания, имели и свои местные. Как видим, карачаевцы и балкарцы — именно тот пример, когда «этнонимическая ситуация» отражает «этническую»⁶⁸.

Возвращаясь к вопросу об ассимиляции или вытеснении местных жителей, нужно заметить, что, безусловно, прав Л. И. Лавров, который писал, что «половцы не вытеснили алан в Балкарии, а приселились к ним, смешались с ними и передали им свой язык»⁶⁹ и что кыпчаки — половцы смешались с аланами не потому, что не хотели их вытеснить, а потому, что не могли, будучи сами разбитыми⁷⁰. Произошла механическая победа большинства над меньшинством. Это подтверждается тем, что следы жизни аланского населения — в топонимике, антропонимике, антропологическом типе, фольклоре, религии, материальной культуре — дошли до нас через века⁷¹. Немалую роль здесь сыграли, конечно, и специфические, необычные для степняков, условия горной жизни. Им, естественно, пришлось воспринять в большинстве своем выработанные горцами в течение веков

⁶⁷ См.: М. К. Абаев. Балкария, стр. 602.

⁶⁸ См.: В. И. Козлов. Проблема этнического самоназвания и ее место в теории этноса. — СЭ, 1974, № 2, стр. 86.

⁶⁹ Л. И. Лавров. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев. — МНС. Нальчик, 1960, стр. 67.

⁷⁰ См.: Л. И. Лавров. Дискуссионные вопросы этнической и политической истории карачаевцев и балкарцев. — МНС Нальчик 1960, стр. 30—31.

⁷¹ См.: П. Пантюхов. Антропологические типы Кавказа. Тифлис, 1893, стр. 20—24; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, ч. 1. М. — Л., 1949, стр. 46—47; его же. Об аланском субстрате в балкарско-карачаевском языке. — МНС. Нальчик, 1960, стр. 128; Б. А. Алборов. Почему осетины называют балкарцев «асы». — МНС. Нальчик, 1960 и др.

быт, культуру, обычаи, изменив в какой то мере свою психику, характерную для кочевников и вообще для жителей равнины. Но тем не менее нельзя согласиться и с Е. П. Алексеевой, которая считает, что в материальной и духовной культуре «местные горские элементы почти полностью одержали верх над кипчаками»⁷².

В Чегемском ущелье нам удалось определить лишь ранние и поздние тукумы. Первые из них — это тукумы Малкаруковых, Келеметовых, Эбсеевых, Барасбиевых, Маммашевых, Кучуковых, Жабеловых и других — обосновались в Думале.

Родоначальником Кучуковых и родственных им Балкаруковых и Барасбиевых является Анероко, или, как его еще называют, Анфако, выходец из Абхазии. Предание рассказывает, что он был родом из многочисленной фамилии Балатуко. После смерти отца из-за постоянных ссор между братьями Анероко покинул родные края и поселился в верховьях р. Кумы. Его сын Ифар после смерти Анероко переехал в Баксанское ущелье, в район нынешней Лашкуты. Здесь в столкновении со сванами Ифар погиб, «оставив двух сыновей Бий-Мырзу и Жам-Мырзу. Это было, по расчету, десять поколений тому назад»⁷³. Чтобы избавиться от новых стычек со сванами, братья перебрались в соседнее ущелье. Они остановились в местечке Актопрак, на левом берегу р. Чегем, у слияния Кёкташ-суу и Жага-суу. Вскоре они обнаружили, что выше по течению Чегема стоит «уже готовое поселение... этим поселением правит, по видимому, татарского происхождения князь, как показывает (Али-Мырза Балкаруков⁷⁴) его имя Берды-Бий»⁷⁵. Таким образом, если за точку отсчета принять время, когда писалась книга, из которой приведены эти строчки, то восемь поколений назад Бий-Мырза и Жам-Мырза в Чегеме застали поселение людей, говоривших на тюркском языке. Патронимия Кучуковых, хотя ее родоначальником является и Анероко, ведет свое начало с раздела трех сыновей Магомета, праправнука Анероко,—

⁷² Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963, стр. 41.

⁷³ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 562.

⁷⁴ И. И. Иванюкову и М. М. Ковалевскому эту легенду рассказал Али-Мырза Балкаруков.

⁷⁵ И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 569.

Мусоса, Тер-Болата и Жам-Болата ⁷⁶ (см. схему 7). Имя свое она получила не от Анероко, а от правнука последнего — Кучука, выделявшегося среди своих родственников умом и большой физической силой. Через 45—50 лет тукум Кучуковых расширился до семи семей. Со временем из этого тукума, занимавшего один квартал, выросла «фамилия», отдельные ячейки которой стали распространяться в различные села Чегемской сельской общины.

В одно время с Кучуком в Чегемском ущелье жил Магомет Солтанов. При праправнуке последнего Локмане тукум Солтановых почти весь вымер от чумы. В живых остались лишь Локман и несколько женщин. Чтобы уберечься от «дурного глаза», гласит предание, Локман поменял свое патронимическое имя Солтанов на Жанаев. Через одно поколение, при внуке Локмана Батыре, за тукумом закрепилось имя Гетраевы.

Начало тукуму Бапинаевых положил Бапина. Информатор А. Л. Бапинаев (1897 г. р., сел. Хушто-Сырт) говорил, что Бапина жил пять поколений назад (Алий — Локман — Утча — Чина — Байкул — Бапина).

Двое братьев Биттировых — Кулчука и Кылча, повздорив с Шакмановыми, бросили Хулам и поселились в Суусузла (Чегемское ущелье). Однако Кулчука вскоре возвратился назад. Потомки Кылчи образовали тукум Газаевых.

Первым «айырылгъан къарындаш» Шахмурзаевых были семьи Исхака и Исмаила. К концу XIX века от Исхака и Исмаила разрослись два атаула. По свидетельству как балкарских, так и сванских предании, Шахмурзаевы и родственные им Атмурзаевы восходят к «фамилии» из Верхней Сванетии Гуджеджиани ⁷⁷.

Патронимии Жазаевых и Эттеевых возникли в поселке Кам Чегемской сельской общины. Тукум Жазаевых основали сыновья Бабы и внуки Жазы — Чопс, Алхас и Токкай. Хотя родоначальник Эттеевых Этте являлся современником Жазы, тукум Эттеевых появился только

⁷⁶ А. И. Робакидзе и Р. Л. Харадзе ошибочно выводят этот тукум из сванской фамилии Кучкиани (см.: А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе. К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях. — МНС. Нальчик, 1960, стр. 147).

⁷⁷ См.: А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе. К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях. — МНС. Нальчик, 1960, стр. 146; Р. Харадзе. Сельская община в Балкарии. — В кн.: «Материалы по этнографии Грузии», вып. 11. 1960, стр. 109.

в разделе семьи Таукана — внука Этте, т. е. только в четвертом поколении после него.

Одновременно образовались тукумы Гелястановых в Гюдюргию и Тохасвых в Кёкташе. Двое сыновей Гелястана явились родоначальниками двух ветвей — Мазана и Алия Из четырёх братьев Тохасых — Жан-Мырзы, Жан-Темира, Кучука и Имана, представлявших корень тукума Тохасых, патронимию Тохасых создали с разделом своих семей Жан-Мырза и Жан-Темир. Кучук стал родоначальником тукума Куршаевых. По преданию, он охранял «сабаны» (пахотные участки) Тохасых, и сваны называли его Курша, что на их языке означает вид сторожевой собаки. Сын Имана Картлык уехал в Верхний Бакац, создав там патронимию Картлыковых. В результате тукум Тохасых превратился в «фамилию» с наименованиями Тохасевы, Куршаевы и Картлыковы.

Патронимия Кулиевых образовалась после раздела семьи Чоппана Кулиева на три семьи Хажы-Бня, Кази и Жумая. По преданию, в Думале от сыновей Болата — Мухаммата и Омара, внуков бежавшего из Местин от кровной мести некоего крестьянина Дуашвили, берет начало патронимия Каракизовых. Родоначальник этого тукума Кара-Киши изменил свое патронимическое имя на Кара-Кыз (так звали его жену — Кара-Кыз Элокову).

Хронологически позже появился тукум Габоевых в Верхнем Актопраке. Его образовали сыновья Сары — Гебо и Абрек. Сары до Верхнего Актопрака жил в Верхнем Кюннюме. По словам Габоева Адила Машуевича, в Черекской сельской общине до Сары жили три поколения Габоевых: Габо и Сога (сейчас Согаевы) — Ак-Сырт — Нако.

К концу XIX — началу XX века относится появление патронимии Гижгиевых в Гюдюргию и Ахкобековых в Нижнем Чегеме. Родоначальники — соответственно Кара и Ахкобек. Важно обратить внимание на такой факт: несмотря на то, что Кара, родоначальник Гижгиевых, являлся современником Гелястана (см. выше), тукум Гижгиевых возник гораздо позже тукума Гелястановых. Это произошло потому, что группа родственных семей образовалась только от правнуков Кары. Что касается Ахкобековых, то они выселились из Безенгийской сельской общины к моменту образования Нижнего Чегема.

Поздним, по своему происхождению, является и ту-

кум Кумуковых, создавшийся в Гюдюргию в 1902 году. Прародитель этого тукума Магомет в конце 20-х годов XVIII века ребенком был украден неизвестным человеком в Дагестане у Крымшамхаловых и продан в Чегемское ущелье. В тридцатипятилетнем возрасте он женился на своей односельчанке. У них родились сыновья Аккай, Кара, Шиню (отец нашего информатора), Игукул и дочь Сатай. Отец, а затем и его подраставшие сыновья батрачили у местных таубиев. Семья обзавелась небольшим количеством скота, арендовала земельный участок. Со временем небольшое жилище Кумуковых начало обрастать пристройками. Первое «отоу» (помещение для малой семьи) построили женившемуся Аккаю, затем — Кара, Шиню и Игукулу. Сатай, жившую с родителями в «уллу юй» (центральной жилище), выдали замуж. У сыновей Магомета рождались дети, семья разрасталась. И в 1902 году, через два года после рождения Масхута (нашего информатора), со смертью главы семьи Магомета большая семья Кумуковых разделилась. Образовался тукум из четырех семей сыновей родоначальника тукума. Семья старшего — Аккая к моменту раздела состояла из шести человек, Кара — из пяти, Шиню — из пяти и Игукула — из трех. Но в одном «тийре» (квартале) они жили недолго. Шиню с семьей отделился и переехал в Нижний Чегем. Оставшиеся же семьи сохраняли дружный тукум, подчиняясь главе тукума Аккаю и во всем помогая друг другу.

В 30-х годах XIX века из Грузии от преследований кровной мести бежали два брата Аттай и Маммаш. Аттай обосновался в поселке Суусузла. Здесь он женился, и у него родился сын Дукум (дед нашего информатора Азамата Ахматовича Аттаева, ныне жителя Нижнего Чегема). К 1910 году в Нижнем Чегеме проживали уже две семьи Аттаевых — Ахмата и Батоко.

Таким образом, патронимии в балкарских обществах образовывались и в XVII, XVIII и XIX веках. А появление их вообще относится к раннему средневековью, «фамилий» же — к несколько более позднему периоду.

Если большая семья как порождение общественно-родового строя в классовом обществе не представляет уже характерного явления и быстро исчезает, так как общественно-экономические условия классовых формаций не соответствуют сущности данной общественной организации, то патронимия и «фамилия», для которых

взаимодействие частнособственнических и коллективистских отношений менее разрушительно, продолжают активным образом существовать даже в предреволюционной Балкарии.

Своему существованию в исследуемый период тукум в значительной степени обязан явлениям надстрочного характера — активному сохранению родственных отношений, солидарности, а также идеологической общности составлявших патронимию семей. Именно распад больших семей усиливал взаимосвязь членов тукума. Однако решающую роль в сохранении патронимической организации, «фамилии» и большой семьи в период развития капитализма сыграли конкретные социально-исторические условия. Э. Т. Карапетян, исследовавшая патронимию у армян, отмечала, что «существование азга (патронимии. А. М.) в указанных хронологических рамках обусловлено конкретными экономическими и историческими условиями».

В современной нам Балкарии по традиции еще продолжают существовать большие семьи и элементы патронимической организации. Во время поездок в 1974—1975 годах в различные районы Кабардино-Балкарии нам удалось зафиксировать такие семьи в Верхней Жемтале, Герпегеже, Гашлы-Тале, Белой Речке Бабугенте, Шордаково, Сармаково, Залукокоже и в некоторых других селениях.

Совместное проживание семей двух-трех родных братьев теперь строится на сугубо добровольных началах. В таких семьях каждая отдельная семейная ячейка в общий бюджет вносит только часть своих средств, основную же сумму тратит по своему усмотрению. Но встречается немало дворов с семьями нескольких родных братьев, которые в экономическом отношении не связаны друг с другом.

Стадия распада общественных организаций в период развивающихся капиталистических отношений характеризовалась одновременным существованием больших и малых семей, патронимии, «фамилии» и соседской общины. В течение веков характер, размеры и значение архаических общественных организаций, находившихся под влиянием изменявшихся конкретно-исторических условий, соответственно менялись. Образовавшиеся в результате раздела больших семей дочерние семьи сами разрастались, проходя стадию развития, во многом ана-

логичную той, которая была пройдена их предшественниками. Итогом этого последовательного по своей сущности процесса было образование коллективов родственных семей — патронимий, а затем «фамилий». Особенно наглядно эта картина прослежена на приведенных выше примерах поздних патронимий.

Итак, что же собой представляли балкарская патронимия и «фамилия»? Собранный нами в течение нескольких лет полевой этнографический материал и в особенности восстановленные родословные схемы отдельных тукумов свидетельствуют о том, что каждая патронимия характеризовалась общественно-экономическим единством семей, представлявших коллектив. Счет родства в каждом тукуме велся по поколениям мужской линии, или, как говорят информаторы, «по родственной кости или крови», поскольку основу патронимии составляли мужчины. Членами патронимии считались также и женщины — матери, жены, сестры и дочери. Сестер и дочерей принято называть временной частью патронимии, так как, выходя замуж, они переходили в другую патронимию⁷⁸.

Размеры патронимии постоянно менялись. Среднее число семей в ней колебалось от трех-четырех до десяти-пятнадцати. По словам И. Сарбашева⁷⁹, патронимия Сарбашевых состояла из восьми семей. Численность этого родственного коллектива достигала 85 человек. Каждая семья имела свой двор и хозяйство. Все члены названной патронимии носили общее патронимическое имя. Дома их располагались в одном квартале, концентрируясь вокруг семьи старшего брата. Члены данной патронимии называли друг друга дядями, братьями и сестрами. В сел. Верхняя Балкария патронимия Байсиевых, как нам сообщил Л. Байснев (1887 г. р., Верхняя Балкария), состояла из трех самостоятельных семей, насчитывавших 46 человек. В это же время в Нижней Жемтале самостоятельно разрасталась кабардинская патронимия Байсиевых, члены которой были потомками родоначальника атаула Байсневых — Абисала, живше-

⁷⁸ См.: З. Д. Гаглоева. Общественный быт осетин в XIX в. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1975, стр. 10.

⁷⁹ В данном случае речь идет о патронимии Сарбашевых из Чегемской сельской общины, корни которой исходят из Балкарии. Информация была получена в 1972 году у 87-летнего Сарбашева Исмаила.

то и Сауту. Его праправнуки Гёургю и Канаш и обосновались в Нижней Жемтале. Патронимия жемталинских байсеиных составляла 21 человек. Аналогичной была патронимия Хуламхановых из сел. Безенги, состоявшая из 70 человек. В поселках Верхний и Нижний Ишканы тукумы Цикановых и Теттуевых включали в себя по 10 дворов, Газаевых — 9, Цорасевых — 8, Иттисевых — 6, Дугосевых и Хыбиевых — по 4, Боттаевых и Црасевых — по 3. В центральном населенном пункте Балкарской сельской общины многодворными были тукумы Казаковых (9 дворов), Гелляевых (8 дворов), Жангуразовых (8 дворов) и Таумурзаевых (7 дворов). Многодворными в Верхнем и Нижнем Кюннюмах были тукумы Забаковых (10 дворов), Кайгермазовых, Занибековых и Табакосевых (по 8 дворов) и т. д.

Балкарская патронимия конца XIX — начала XX века могла состоять только из больших семей, больших и малых или только из малых. В этом отношении был показателем пос. Шыкы Безенгиевской сельской общины. Квартал Кучменовых, располагавшийся на левом берегу реки Шыкы-суу, состоял из двух больших семей (Маске и Каншау) и трех малых (Абдуллы, Ибрагима и Харуна). На правом берегу реки, у мечети, квартал Уяновых включал в себя две большие и четыре малые семьи, Солтановых — три большие (Шаухала, Муссы, Адильгери) и три малые (Хажоса, Хан-Гери и Жашко), Хочуевых — одну большую (Ак-Баши) и две малые (Хурту и Масхута), Анаевых — три большие (Уммо, Бахсанука и Кука) и три малые (Куман-Али, Хамзата и Ногая), Шаваневых — большие семьи Мыну, Жансоха, Шохая, Аслан-Гери и малые — Канамата, Ахмата, Кну, Дуллы, Абдуллы и Зулкарнея. Мало чем отличались, собственно и остальные кварталы этого поселка.

Патронимия Хуртуевых из сел. Кёкташ Чегемской сельской общины, хотя и была довольно многочисленной, состояла только из малых семей (Омара, Мишау, Батоко, Кайсына, Муссы, Моккая, Токалая, Ибрагима, Келемета, Хажы, Мохаша, Назира, Каншау, Нуху, Алиса, Ача-Бала, Аскерби и Муссы).

В Верхнем Баксане (Урусбиево) патронимию Абдуллаевых представляли также исключительно малые семьи четырех атаулов. Первый атаул: в него входила семья «тукъум башы» Мохая из двух человек, его родного брата Баирамука из четырех, Иссы из четырех, Муссы из

трех; второй атаул: семья Камамата — три человека, семья Токкая — два; третий атаул: семья Махмута — шесть человек, Жарахмата — пять; четвертый атаул: семья Шогая — три человека. Все эти семьи были немногочисленными, простыми по структуре, состояли из родителей или одного из родителей, неженатых сыновей и несовершеннолетних дочерей.

Малыми семьями был заселен и десятидворный пос. Кызыл-Кёз (Соттаевский). Возглавляли их Исхак (он же «тукъум башы»), Мурат, Солтан, Асламбек, Каншау, Дугалай, Гитче, Мамма, Хамий и Гасой.

Примером смешанных тукумов, состоявших из больших и малых семей, являлись тукумы Газаевых в Быкмылги и Эльтюбю (Чегемская сельская община). В тукум-основатель Газаевых, или старший тукум, входили большие семьи — Тохчука («тукъум башы»), Быгырчи, Хажы и малые — Исмаила, Жюнюса, Биибо, Иссы и Кокёза. Быкмылгиевская патронимия производная от тукума из Эльтюбю, состояла из больших семей — Ислама («тукъум башы»), Бек-Мырзы, Камма, Чукана, Османа и Мусаби.

Патронимии Бегиевых из Нижнего Ишканти (Балкария) представляли десять семей. Самой многочисленной и большой в структурном отношении была семья Коккая Бегиева, состоявшая из трех поколений и включавшая 23 человека. В патронимии Бегиевых входили и малые семейные коллективы (Тау-Бия и Эль-Мырзы).

Две большие семьи (Девоса — 9 человек и Кази — 8) и пять малых (Сары — 3, Сарби — 5, Мухажира — 6, Ибака — 7 и Кадыра — 7) составляли тукум Мусуковых.

Разраставшиеся патронимии усложняли свою структуру⁸⁰. Если сначала это только семьи разделившихся братьев, то со временем они уже представляли семьи разных атаулов и «фамилию».

Тукум, как правило, включал в себя несколько ветвей, отдельных линий, шедших или от сыновей основателя тукума, или от его внуков, и обозначался термином «атаул» — «от одного отца». В народе этим термином назывался ближайший предок определенной группы родственных семей. Подобного типа описательные обозначения имели место и у других народов: «братья

⁸⁰ Архив КБНИИ, ф. 10, оп. 2, д. 3, лл. 27—29.

«одного дома» — у адыгских народов, «один отец» — у туркменов, «дети одного отца» — у киргизов и т. д.⁸¹

Возьмем для примера родословную «фамилии» Чочаяв — У основателя тукума Чочая было два сына — Фандар и Жаней. Счет ветвей, «атаулов», идет от второго поколения — от сыновей Чочая. Каждая из ветвей имела общее название, восходившее к имени родоначальника тукума. Эти ветви и были особой группой близкородственных семей, более реально представлявших общность своего происхождения. Кроме того, их обыденные и хозяйственные отношения были ближе. Ветвь, ведущая от Жандара, представлена была семьями его сыновей и внуков — Жабо, Кара, Каспо, Гябе, Жамбулата, Имулата, Махмута и других, а ветвь, идущая от Жанея, включала семьи двух его сыновей — Альбека и Хоча — и семи внуков.

Тукум Мусукаевых из пос. Орсундак (Чегемское ущелье) состоял из ветвей двух сыновей Мусака — Масхута и Асхата. Внутри этих ветвей со временем образовались семьи сыновей, внуков и правнуков родоначальников этих ветвей. Во второй половине XIX века две семьи из ветви Масхута — Кунья и Тугана переселились из Баксанского ущелья в сел. Гунделен. Имя тукума осталось от общего предка — родоначальника всей «фамилии».

На основании полевого этнографического материала нами была частично восстановлена структура тукума патронимического пос. Глашевского (Черекское ущелье), состоявшего к 1917 году из 36 дворов. Как явствует из легенды, у сына Глаша — Койцу было пятеро сыновей — Айдарук, Ганай, Оразай, Бекир и Картай, которые положили начало пяти ветвям — «атаулам». К сожалению, наш информатор А. Глашев (1888 г. р., сел. Верхняя Балкария) смог вспомнить имена представителей только двух ветвей, которые были ему ближе. Из пяти ветвей состоял и тукум Гадиевых в пос. Зылгы в этой же сельской общине. В первый атаул входили семьи Мырты, Кацо, Бориса и Махмута, во второй семья Жашар-Бека, в третий — Таты, в четвертый — Жамбота и в пятый — Гация⁸³.

⁸¹ См.: М. О. Косвен. Семейная община и патронимия, стр. 100—101.

⁸² Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 75, 77.

⁸³ Информатор Гадиев Маткери Татаевич, 1896 г. р., сел. Хасанья.

Тукум хуламских Созаевых, делившийся на восемь ветвей, занимал восемь кварталов.

К концу XIX — началу XX века значительно расширились и разделились на атаулы тукумы Урусбиевской сельской общины. В этот период в Верхнем Баксане жили семьи трех атаулов Урусбиевых — первого (Бийногера, Шаулуха, Шаухала, Исмаила, Хасанби и Кубади), второго (Асламбека, Хамзата, Исмаила и Чопелеу) и четвертого (Кучука и Исмаила). К 1900 году из четырех атаулов Урусбиевых сохранилось лишь три. В частности, первый атаул — Али, второй — Исмаила и четвертый — Магомета. Атаул третьего сына Чопелеу — Кандаура прекратил свое существование еще в первой половине XIX века.

К началу XX века в Кылды насчитывалось около 15 семей Жаппуевых. Это была не просто группа родственных семей, члены которой не отличали и не выделяли друг друга по степени родства, а сложный структурно родственный коллектив. Так, например, члены семей Омар-Хажии и Дуды знали, что семья Жаппу ближе им по родству, чем семьи Биязурки, Генау или же Бузду, поскольку семья Жаппу из их атаула, а последние — из атаула Жарашты. Степень родства проявлялась во всем: в церемониях проведения праздников, в обыденной жизни, взаимопомощи, поминках и т. д.

✓ Атаулы были различными и по количеству семей. Более 25 семей могло бы быть в атауле Хамзы из тукума Ахматовых (Шашбоват), если бы основная масса его семей не переселилась бы в Думалу (Чегемская сельская община). Гораздо меньше семей входило в атаул Хасана и всего лишь три — в атаул Беза этого же тукума.

На атаульное деление тукумов в Карачае обратил внимание еще в 1902 году Б. В. Миллер. Он писал: «Каждый квартал имеет подразделения, посящие т. н. квартальные клички по имени предка в 5 или 6 приблизительно колене, прямое потомство которого представляет совокупность дворов, тесно прижавшихся друг к другу. Так, напр., фамилия Байрамуковых делится на Деболаров, Даутларов, Кэмэлэров, Зорумлэров и т. д., по имени прадедов и прапрадедов теперешнего поколения, достигшего 30—35-летнего возраста, каждую саклю не трудно отыскать по кварталу и квартальной кличке, все равно как в городах точным адресом служит название улицы и номер дома».

Каждая ветвь состояла из более узкой группы родственных семей — «айырылгъан къарындаш», то есть включала в себя семьи родных братьев. Образно говоря, в эту группу входили семьи, «вышедшие из одного очага» и имевшие непосредственное отношение к семье — их родоначальнице. У аварцев эту группу семей называют «люди, разделившие между собой дом»⁸⁴.

Термин «айырылгъан къарындаш» указывает на то, что до раздела несколько дворов жили одной большой семьей. В «айырылгъан къарындаш» входило столько семей, сколько было делившихся братьев или сыновей, в зависимости от того, какого типа была семья. Если в обычном балкарском тукуме насчитывалось два-три или, в крайнем случае, четыре-пять атаулов, то число «айырылгъан къарындаш» могло доходить до 10-12. Тукум Будаевых в Верхнем Баксане состоял из трех атаулов, «айырылгъан къарындаш» же он включал шесть. Два атаула Курдановых из Губасанты состояли из девяти «айырылгъан къарындаш». По свидетельству очевидцев, родственные отношения в каждом «айырылгъан къарындаш» были гораздо более близкими, чем между атаулами и в тукуме, не говоря уже о «фамилии». Тукум Боллуевых в Гунделене, состоявший из трех семей — Бокура (старший патронимии), Пырхыша и Даута, являлся одновременно и «айырылгъан къарындаш» и тукумом. Дворы их располагались смежно. Семьи Боллуевых после раздела еще как бы находились под влиянием жизни в общем коллективе. Первое время их дворы даже не отделялись заборами. То же самое относится и к гунделеновским Локьяевым, Османовым, Бичекуевым, Жашуевым.

Наконец, самыми мелкими структурными единицами тукума были большие — «уллу юй» и малые — «аз юйюр» семьи⁸⁵. Среднее число членов балкарской большой

⁸⁴ З. Н. Никольская. Пережитки патриархально-родового строя у аварцев. — ТИЭ АН СССР, т. 14. М., 1955, стр. 220.

⁸⁵ Большие семьи в дореволюционной Балкарии представляли собой такие семейно-родственные и хозяйственные коллективы, которые состояли как из родственников нескольких поколений по нисходящей линии, так и из двух поколений по боковым линиям, характеризовались коллективной формой собственности, общим производством и потреблением при деспотическом и в некоторой степени в отдельных случаях демократическом управлении. Малые семьи состояли из родителей и детей (сюда входили неженатые сыновья и незамужние дочери).

семьи в конце XIX — начале XX века составляло в большинстве ущелий 12—14 человек⁸⁶. Семьи Гоглая и Кузгуна из тукума Курдановых (Губасанты) включали в себя первая тринадцать, вторая двенадцать человек. По тринадцать человек имели семьи Атмурзаева Каншау и Боллуева Даута из Гунделена⁸⁷.

Трудно согласиться с мнением К. Г. Азаматова, утверждающего, что в первой половине XIX века большая семья в Балкарии насчитывала в среднем от 25 до 40 человек⁸⁸. Точно так же как нельзя поверить С. Третьякову и В. Клементьеву, что в Сванетии в 30-х годах XX века большие семьи в среднем составляли 40 человек⁸⁹.

В отдельных селах и поселках Хуламского и Безенгивского сельских обществ встречались большие семьи по 15—17 и более человек. Связано это было с тем, что до революции Хуламо-Безенгийское ущелье характеризовалось наибольшей изолированностью по сравнению с другими балкарскими ущельями. Как исключение, в Балкарии существовали и большие семьи — по 30, 50, 70 и даже по 100 человек⁹⁰.

Большая семья Тотука Тотукова из Озаруково (Былым) включала в свой состав семьи девяти женатых сыновей. Численность этого семейного коллектива достигала 62 человек. В семьях Хочуева Чауки и Атмурзаева Тураша из Гунделена насчитывалось в каждой по 30 человек.

В большесемейный коллектив гунделеновца Байды

⁸⁶ Архив КБНИИ, ф. 10, оп. 2, д. 3, тетр. 1—4; А. И. Мусукаев. Из прошлого незабытого. (К вопросу изучения этнографии дореволюционной Балкарии). Нальчик, 1975, стр. 19—20; информаторы Геккиев Донгай Боттаевич, 1888 г. р., сел. Бедык; Созаева Ханифа Таукановна, 1888 г. р., сел. Хасанья; Теппеев Салах Жаммырзаевич, 1913 г. р., сел. Гунделен; Соттаева Жаншет Ачахматовна, 1905 г. р., сел. Лашкута; Сарбашев Абдул Сарбашевич, 1890 г. р., сел. Булунгу и др.

⁸⁷ Информатор Боллуев Исхак Даутович, 1897 г. р., сел. Гунделен.

⁸⁸ См.: К. Г. Азаматов. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1968, стр. 81.

⁸⁹ См.: В. Г. Клементьев. Через Сванетию на Эльбрус. М. — Л., 1930, стр. 53; С. Третьяков. Сванетия. М., 1928, стр. 28.

⁹⁰ См.: С. Ф. Давидович. Восхождение на Эльбрус. — ИВ, т. 28, СПб., 1887, стр. 350; Б. Далгат. Указ. соч., стр. 4; И. И. Иванюков, М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 553; Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, л. 55.

Баншнаева входили: глава семьи Байда и его жена Кёррей; старший сын Исхак, его жена Шаха, их дети Сакнат, Саннат, Халмат, Фатимат, Люба и Али; второй сын Хасан, его жена Зейнаф, их дети Марьям, Тахир, Башир, Шану, Зухра, Резуан и Раузат; третий сын Якуб, его жена Стамшул, их дети Юсуф, Таужан, Исмаил, Кямал, Асият и Хамит; четвертый сын Мусса, жена Айшат, их дети Алим, Аминат и Ахмат. Семья просуществовала до 1923 года⁹¹.

В Балкарии конца XIX — начала XX века имели место двух-, трех-, а иногда и четырехпоколенные большие семьи.

Большие семьи этого периода, называвшиеся как в Балкарии, так и у других народов Кавказа семьями стцовского типа, находились в пережиточном состоянии⁹², несмотря на то, что их удельный вес, например, в Балкарии составлял 39 процентов.

Надо заметить, что большие семьи у других народов Кавказа характеризовались разной степенью распада. Тем не менее, как правильно замечает азербайджанский историк К. Т. Каракашлы, «семейная община еще к концу XIX в. представляла собой общественно-экономическую силу, выступавшую в качестве регулятора в реше-

⁹¹ Информатор Баншнаев Хасан Байдаевич, 1901 г. р., сел. Гунделен.

⁹² *В. Вс. Миллер*. Из области обычного права карачаевцев. — ЭО, 1902, № 1, стр. 24–25; *Ислам Карачайлы*. Быт горских народов Юго-Востока. Ростов н/Д, 1924, стр. 11; *Х. Биджиев, А. Мусукаев*. Большие семьи в Карачае и Балкарии. — Газ. «Ленинское знамя» (на карачаевском языке), 1972, № 92; *Б. А. Калоев*. Агулы. (Историко-этнографический очерк). — КЭС, ч. 3. М. — Л., 1962, стр. 94; *его же*. Осетины. (Историко-этнографическое исследование). М., 1971, стр. 206; *Е. П. Студенецкая*. Кабардницы и черкесы. — В кн.: «Народы Кавказа», т. 1 (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1960, стр. 182; *М. А. Меретуков*. Семейная община у адыгов. — «Ученые записки» Адыгейского НИИ, т. 11. Майкоп, 1970, стр. 232; *М. М. Ихилов*. Большая семья и патронимия у горских евреев. — СЭ, 1950, № 1; *его же*. Материалы этнографии ритуалов у цахур. — КСИЭ, вып. 33. М., 1960, стр. 25; *В. Дж. Итонцивили*. Пережитки семейной общины в горной Ингушетии. — КЭС. Тбилиси, 1968, стр. 205; *С. Ш. Гаджиева*. Кумыки. (Историко-этнографическое исследование). М., 1961, стр. 254; *Я. С. Смирнова*. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины. — КЭС, ч. 1. М., 1955, стр. 17; *Г. А. Гейбуллаев*. О пережитках большой семьи в Азербайджане в XIX в. — «Азербайджанский этнографический сборник», вып. 2. Баку, 1966, стр. 177; *К. Т. Каракашлы*. Из истории общественного строя населения Малого Кавказа. — «Азербайджанский этнографический сборник», вып. 2. Баку, 1966, стр. 33.

нии административно-хозяйственных и других вопросов, возникших в селе и за его пределами»⁹³.

Большие семьи отцовского типа у балкарцев сохраняли некоторые основные принципы классических патриархальных общин, заключавшиеся в присущих им коллективных началах. Хозяйственное единство балкарской семьи удачно выражалось наименованием «уллу юй», что в точном переводе означает «большой дом». Представляя собой единый хозяйственный коллектив, большая семья выступала как обособленная семейно-родственная ячейка, совместно владевшая землей, скотом, орудиями производства, жилыми и хозяйственными постройками, а также разнообразным домашним имуществом.

Характерной чертой больших семей у балкарцев в конце XIX — начале XX века был деспотизм главы семьи — отца⁹⁴. Управление большой семьей, выступавшей носителем родовых пережитков в классовом обществе, находилось в руках старшего в доме мужчины⁹⁵. «Семья эта, — отмечает Ислам Карачайлы, — была патриархальная, и главенство в ней принадлежало деду, отцу, старшему сыну...»⁹⁶

В случае неспособности главы семьи — отца управлять семейным коллективом его обязанности переходили к старшему сыну. В большой семье Абая Чеккеева из Актопрака нередко обязанности «юй таматы» выполнял его старший сын Каммат (в связи с частой болезнью отца). В больших семьях Шуму и Аскера Малкаровых, когда они были заняты или отсутствовали по каким-либо причинам, обязанности «юй таматы» исполняли их старшие сыновья.

В случае смерти «юй таматы» власть в семье механически переходила к старшему сыну; если же семья состояла из братьев, то к одному из них. Преимущество в этом вопросе было на стороне старшего, так как главой семьи мог быть только старший по возрасту. По обыч-

⁹³ К. Т. Каракашлы. Из истории общественного строя населения Малого Кавказа. — «Азербайджанский этнографический сборник», вып. 2. Баку, 1966, стр. 31.

⁹⁴ Архив КБНИИ, ф. 10, оп. 2, д. 3, л. 14.

⁹⁵ См.: Н. П. Тульчинский. Материалы для изучения и решения поземельного вопроса в Нагорной полосе Терской области. — Газ. «Казбек», Владикавказ, 1899, № 488.

⁹⁶ Ислам Карачайлы. Быт горских народностей Юго-Востока. Ростов н/Д, 1924, стр. 11.

ному праву балкарцев, когда умирал «юй тамата» и в доме не было взрослого мужчины, руководство в свои руки брал опекун, назначавшийся общиной, — «эл жамауат» из числа родственников по отцовской или материнской линии, и эта власть сохранялась до совершеннолетия сыновей, к старшему из которых постепенно переходило руководство семьей.

Для Балкарии конца XIX—начала XX века был характерен тип большой семьи с ярко выраженной деспотической властью «юй таматы» — отца⁹⁷. Это были семьи с двумя или с одним из родителей, женатыми и неженатыми сыновьями, незамужними дочерьми⁹⁸. Понятие деспотизм в отношении балкарской большой семьи означает, что «юй тамата» обладал абсолютной властью. Однако термин «деспотизм» подходит не для всех больших семей периода их распада. В частности, у осетин, как верно замечает З. Н. Вансев, «руководство главы семьи было основано на авторитете, принадлежащем старшему по возрасту, и составляло естественную привилегию прадеда, деда, отца или старшего брата»⁹⁹.

Но в Балкарии существовали и такие семьи, для которых был свойствен процесс ослабления власти главы семьи и усиления прав отдельных ее членов¹⁰⁰. Они, как правило, образовывались после смерти главы семьи — отца и состояли из семей неразделенных братьев, имевших более или менее равные права. Эти семьи являлись частной формой отцовской семьи. Их нельзя путать с «братскими семьями», восходящими к демократическим семейным общинам, первичной форме семейной общины¹⁰¹. В старшее поколение древнейшей семейной общины, выделявшейся из родовой группы, входили не только родные, но и двоюродные и троюродные братья. Семьи же из братьев конца XIX—начала XX века, как уже отмечалось, образовывались чаще всего после смер-

⁹⁷ См.: А. И. Дроздовский. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области. — «Медицинский сборник», Тифлис, 1870, № 9, стр. 21.

⁹⁸ Большой мы считаем семью с одним из родителей при условии наличия в семейном коллективе двух женатых сыновей.

⁹⁹ З. Н. Вансев. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1955, стр. 61.

¹⁰⁰ Архив КБНИИ, ф. 10, оп. 2, д. 3, л. 24.

¹⁰¹ Ю. В. Бромлей. Ф. Энгельс и проблемы арханческой формы семейной общины. — В кн.: «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972, стр. 166.

ти главы семьи — отца и состояли только из родных братьев. Главой семьи становился по наследству старший сын умершего, но он не мог уже единовластно, без согласия других братьев распоряжаться судьбой всех членов семьи и ее имуществом, как это делал его отец. «Если большая семья сохраняется под главенством старшего брата, — писал М. О. Косвен, — то характерным образом — только при условии восстановления ее архаических демократических начал»¹⁰².

Однако у балкарцев не стало законом жить «неразделенной семьей», как это было, по словам В. Пфафа, у осетин, у которых «после смерти отца братья оставались всегда в нераздельном владении и хозяйство продолжалось точно так, как оно было завведено при отце. Старшему брату тогда подчинялись все младшие, как холостые, так и женатые, незамужние сестры и вдовы умерших братьев, с их детьми, если таковые бывали»¹⁰³. Поэтому в балкарских семьях в случае разногласий любой из братьев мог потребовать выдела своей части общесемейного имущества и выйти со своей индивидуальной семьей из состава большой семьи. Это нередко и происходило, что делало такие большие семьи менее прочными, чем возглавляемые отцом. Данные полевого этнографического материала говорят о том, что 80 процентов разделов больших семей падало на семьи братьев, оставшихся после смерти отца вместе.

В Балкарии изучаемого периода семей из неразделенных братьев насчитывалось 9—10 процентов. Еще меньше было семей, где после раздела одной семьи продолжали жить родители или один из родителей с кем-либо из сыновей. Совершенно незначительным был процент семей, состоявших из двух или трех брачных пар братьев и опекуна, оставшегося в семье после совершеннолетия опекаемых.

К концу XIX века число разделов больших семей резко нарастает¹⁰⁴. Первая волна усиленного распада боль-

¹⁰² М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа стр. 103.

¹⁰³ В. Б. Пфаф. Народное право Осетии. — ССок, т. I. Тифлис, 1871, т. I, 181.

¹⁰⁴ См. Н. П. Тульчинский. Материалы для изучения и решения поземельного вопроса в Нагорной полосе Терской области. — Газ. «Казбек», Владикавказ, 1899, № 488; «Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования в Нагорной полосе Терской области». Владикавказ, 1908, стр. 38.

ших семей началась после отмены крепостного права на Кавказе, когда с освобождением крестьян земельные наделы переходят к их постоянным владельцам, «а большинство пользовавшихся землею на правах временных собственников лишается права всякого пользования навсегда и остается положительно без земли»¹⁰⁵. Естественно, что большие семейные коллективы без земли существовать не могли, они делились, и отдельные их ячейки переселялись в предгорные районы, образуя новые села. Из подобных поселений впоследствии возникли такие большие селения, как Гунделен и Хасаут.

Переход от феодализма к капитализму сопровождался последовательной ломкой всех старых патриархальных отношений. Новые капиталистические отношения, вторгаясь в народный быт, вызывали массовые разделы больших семей, ослабляли экономическое, общественное и идеологическое единство членов патронимий, вели к окончательному исчезновению пережитков родового быта и распаду коллективов родственных семей, распространению фамильных отношений. Однако, по мнению некоторых наших информаторов, а также отдельных дореволюционных авторов, причины раздела больших семей часто крылись в неуживчивости женщин. К подобному выводу пришли и члены Абрамовской комиссии, отмечавшие, что «благодаря неуживчивости отдельных семей под одним кровом» в Балкарии происходят усиленные разделы больших семей. Наши информаторы свидетельствовали, что в народе даже бытовала поговорка, касавшаяся разделенных семей: «Женщины семьи не поладили». В связи с этим не безразличен тот факт, что почти повсеместно, когда женской половиной семьи начинала руководить старшая невестка, накапливавшиеся семейные противоречия перерастали в раздоры. И в сознании народа укоренилось представление, что основные причины разлада между братьями — ссоры между женщинами и их приданое¹⁰⁶. «На мой взгляд, — говорил информатор А. Глашев, — главные разногласия возникали между невестками, а также между свекровью и невестками». По мнению других наших информаторов, в предреволюционные годы утрачивалось уважение к тра-

¹⁰⁵ Е. З. Баранов. Очерки землевладения в горах — ТВ, 1892 31 января, № 15.

¹⁰⁶ Архив ИВ АН СССР, ф. 8, д. 19, лл. 39 об., 74, 86, 86 об., 89 об.

дициям народа, что также способствовало разделам большесемейных коллективов.

Однако главная причина разделов заключалась в усиливавшемся товарном производстве, создававшем благоприятные условия для развития внутри больших семей частной собственности ее отдельных членов¹⁰⁷. Немалую роль сыграло и распространение в Балкарии и в других районах Кавказа отхожих промыслов¹⁰⁸. А. В. Фадеев писал: «Отходничество ускоряло разложение горской семейной общины и приводило к распаду большой семьи... Вторгаясь в большую семью, частная собственность взрывала ее изнутри»¹⁰⁹.

Развивались противоречия внутри семьи и потому, что каждая индивидуальная ячейка большого семенного коллектива вкладывала неодинаковый труд в производство предметов потребления, хотя все члены семьи пользовались этими благами на равных правах. Поэтому более многочисленная малая семья, чувствуя свое превосходство перед остальными, начала проявлять недовольство. Все чаще в конце XIX века можно было слышать такие выражения, как «Бирле бла егюзю болгъ-андан эсе, кесини танасы болгъан игиди» — «Чем иметь общего быка, лучше — своего теленка» и «Кеси къазаны болгъан — насынылы» — «Счастлив тот, кто имеет свой котел», отражавшие внутреннее состояние больших семей. З. П. Ванеев, исследовавший большую семью в Осетии, заметил, что в невыгодном положении, как правило, оказывался старший брат со своей семьей, и поэтому у осетин имелись случаи, когда старший ставил вопрос о выделении из семьи¹¹⁰.

Истинные причины распада больших семей коренились в условиях общественно-исторического развития, в экономических отношениях балкарского общества. Развивавшиеся производительные силы исключали необходимость жить многочисленными хозяйственными коллективами. Процесс распада больших семей шел на-

¹⁰⁷ См.: М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. 1. М., 1886, стр. 103.

¹⁰⁸ См.: М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. 2. М., 1890, стр. 56.

¹⁰⁹ А. В. Фадеев. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. — ИЧИННИИ, т. 2, вып. 1. Грозный, 1960, стр. 6.

¹¹⁰ См.: З. Н. Ванеев. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1955, стр. 63.

столько интенсивно, что уже в 1884 году В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский отмечали: «Пройдет еще несколько десятилетий, и от этих семейных общин уцелеют лишь немногие, подобно тому, как это имело место в большинстве великорусских губерний».

Но в конце XIX — начале XX века существовал и ряд причин, задерживавших распад больших семей. Одна из них — сопротивление крестьянского хозяйства, основанного на натуральном способе его ведения, наступавшим на него новым социально-экономическим условиям. Серьезную роль в сохранении большесемейных коллективов в Балкарии играла подворная налоговая система. По данным Г. А. Гейбуллаева, изучавшего этот же вопрос в Кубинском районе Азербайджана, разделы больших семей вели к увеличению размеров налогов, падавших на то или иное сельское общество¹¹¹. После раздела большой семьи каждая из вновь возникших малых семей, если она образовала отдельную усадьбу (двор), должна была платить такой же налог, какой приходился на всю большую семью до ее раздела. Это оказывалось не под силу малым семьям. Очевидно, данную сторону семейной жизни имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что многосемейность способствует увеличению благосостояния¹¹².

Разделу больших семей ставились препятствия со стороны государственных властей и представителей господствовавшего класса феодалов — таубиев, для которых было невыгодным экономическое ослабление подвластных им крестьянских хозяйств: большая семья имела больше материальных возможностей платить необходимые налоги.

Стремление царских властей и таубиев искусственно задержать распад крестьянских больших семей вызвало создание различных административных ограничений семейных разделов. При рассмотрении дел о разделах принимались во внимание такие обстоятельства: 1) существует ли основательный повод для разделения семьи; 2) способны ли образующиеся семейства к самостоятельному ведению хозяйства; 3) достаточны ли при-

¹¹¹ См.: Г. А. Гейбуллаев. О пережитках большой семьи в Азербайджане в XIX в. (по материалам Кубинского района). — «Азербайджанский этнографический сборник», вып. 2. Баку, 1966, (стр. 171)

¹¹² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 68, 107.

надлежащие им усадебные участки; 4) будет ли в случае допущения раздела обеспечено исправное поступление числящихся на семье недоимок и текущих окладов по податям, повинностям и другим казенным взысканиям (из документа «Положения о сельских (аульных) обществах, их общественных управлениях и повинностях государственных в горском населении Герской области»)». Дела о разделах больших семей разбирались на сельских сходах обществ или административными властями. Если раздела требовал один из сыновей, а «юй тамата» не давал согласия, то в выигрыше, как правило, оставался последний, так как законодательство было на его стороне.

Таубии, вопреки общему процессу распада больших семей, старались создавать различные искусственные преграды потому, что большие семейные коллективы, более сильные в экономическом отношении, легче справлялись с уплатой налогов и несением обязанностей по отношению к своему таубию. И, кроме того, они отлично понимали, что сохранение больших семей и более широких родственных коллективов способствовало прикрытию классовых противоречий, все активнее затрагивавших, особенно в предреволюционные годы, балкарское общество.

Однако развивавшиеся капиталистические отношения в конце XIX — начале XX века внесли значительные изменения в общественный и семейный быт балкарцев. Основной формой семьи Балкарии становится малая семья — «аз юйюр», состоявшая от 3—4 до 7—8 человек и включавшая в себя два поколения. По своему внутрисемейному укладу и отношениям между членами семьи она почти не отличалась от большой семьи. В ней в значительной степени еще сохранялись патриархальные порядки. Главой семьи был отец, обладавший неограниченной властью.

Таким образом, мы представили все ячейки, составлявшие тукум как общественно-родственную организацию. Изучение структурного деления балкарской патронимии приводит к выводу о том, что это деление возникло из реальных отношений семей разных степеней родства.

Сложными в структурном отношении были патронимии и у других народов Кавказа. По мнению Р. Л. Ха-

¹¹³ ЦГА СОАССР, ф. 11, оп. 5, д. 4288, л. 67.

радзе, патронимия у ингушей настолько разрослась, что трудно даже установить форму перехода одного звена в другое¹¹⁴. Азербайджанская патронимия «эгрэба» в конце XIX века включала в себя меньшие патронимии — овлая, несил и ушаги¹¹⁵.

Балкарский тукум образовывался за счет сегментации семейной общины, а впоследствии и за счет раздела большой семьи. Его нельзя назвать новым образованием, поскольку корни его восходят к периоду раннего средневековья. На наш взгляд, первоначальную форму патронимии в Балкарии в некоторой степени напоминает наиболее близкородственная группа семей, существовавшая здесь в XIX веке, — «айырылгъан къарындаш». Сам термин «айырылгъан къарындаш» — «разделившиеся братья» говорит о том, что патронимии образовывались или из сегментации семейной общины, или из раздела большой семьи. Общее между древнейшей формой патронимии и «айырылгъан къарындаш» конца XIX века в степени родственной близости семей. Так, при сегментации патриархальной семейной общины и разделе большой семьи отцовского типа, т. е. большой семьи позднего периода, в них сохранялись более тесные связи, чем, скажем, в таких родственных формах патронимии, как атаул и тукум. Общественные организации атаул и тукум появились гораздо позднее, и связано это с увеличением числа родственных семей и естественным их отдалением друг от друга в родственных отношениях. Уже к началу XIX века круг родственных семей настолько увеличился, что название патронимии — «тукъум» стало сводиться к «фамии». «Фамия» объединяла людей, живших в разных населенных пунктах, но считавших друг друга родственниками по отцовской линии. Их предок-родоначальник не обязательно должен был быть отдаленным, как иногда считают в литературе. Обнаружив аналогичную закономерность и у других народов, М. О. Косвен писал, что «термины, заимствованные из иранского, арабского и других языков, служащие в своей среде для обозначения родственников вообще, у тех на-

¹¹⁴ См.: Р. Л. Харадзе. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей. — КЭС. Тбилиси, 1968, стр. 177.

¹¹⁵ См.: Г. А. Раджабов. Пережитки сельско-общинного быта в дореволюционном Азербайджане. (Этнографическое исследование по материалам Ширвана). Автореферат кандидатской диссертации. Баку, 1966, стр. 15.

родов Кавказа, у которых они употребляются, обозначают не только патронимию, но эпизодически и более широкую родственную группу»¹¹⁶.

Если в XIV—XV веках члены многих ранних патронимий и «фамилий» еще реально представляли своего родоначальника, поскольку это был их прадед или дед, то в XIX веке они уже знали о своем отдаленном предке исходя из легенд и преданий, а то и вообще забывали даже и рассказы своих дедов и отцов о нем. Этому способствовало не только то, что патронимии и «фамилии» разрастались, но и расселение их в другие ущелья Балкарни, а также в Кабарду и Осетию.

Что касается однофамильцев неродственников, то их в Балкарни встречается очень мало, и образовались они за счет, во-первых, случайного совпадения имен основателей тукумов (Ахкобековы), во-вторых, этнической принадлежности (Чеченовы, Ногайлиевы), а также в связи с заменой патронимического имени слабого тукума именем влиятельной в сельской общине патронимии (Жабоевы, Темукуевы, Урусбиевы).

¹¹⁶ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961, стр. 34.

УПРАВЛЕНИЕ ПАТРОНИМИЕЙ И «ФАМИЛИЕЙ»

Как общественная организация, представлявшая коллектив группы родственных семей, балкарский тукум обладал своими органами управления. Руководили патронимией старший по возрасту, наиболее авторитетный и уважаемый среди родственников и в селе член тукума — «тукъум башы» и старшие представители в родственном квартале — «тийре». Обо всех важных событиях в жизни той или иной семьи тукума они должны были ставиться в известность. С ними принято было советоваться в затруднительных случаях, они являлись судьями в конфликтах между отдельными представителями или семьями тукума. В их домах или рядом со двором, где устраивался тукумный «ныгыш» (место схода, далее — ныгыш), собирался совет патронимии, а нередко и совет членов «фамилли». «У балкарцев, — писал М. О. Косвен, — все важнейшие общие дела патронимии обсуждались и решались в доме самого старшего и влиятельного лица патронимии, под непосредственным его руководством»¹.

На собрании обычно присутствовали все главы семейств патронимии. В зависимости от важности обсуждаемого дела численный состав собиравшихся увеличивался или уменьшался. Главу патронимии у балкарцев не выбирали. Как и в семье, им был старший член тукума. Из принципа старшинства исходили не у всех народов Кавказа. Например, у лезгин, по данным С. С. Агашириновой, главой патронимии выбирали наиболее опытного, энергичного и влиятельного среди родственников человека.

¹ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия, стр. 200.

На патронимических собраниях решались различные вопросы хозяйственного характера, обсуждались дела и проступки членов патронимии, вопросы брака, взаимной помощи, участия в общественных делах села и сельской общины. Во всем этом важную роль играл «тукъум баши» как старший член патронимии, старший по возрасту. «К нему в дом мог прийти любой член патронимии посоветоваться даже о своих внутрисемейных делах»², — отмечает З. Д. Гаглойти.

Так, например, в пос. Кала Чегемской сельской общины в квартале Беппаевых «старшим домом» был дом Темрука Беппаева, уважаемого человека не только в своем «тийре», но и в поселке и вообще в сельской общине. Он считался одним из почетных «стариков» общины. Квартал Беппаевых состоял из четырех «атаулов», в первый из которых входили семьи Гери и Банкул-Хажжи, во второй — Жотая и Какоя, в третий — Тотрука и Бий-Аслана, в четвертый — Темрука, Шувы и Ахшукула. Собиралась ли какая-нибудь из перечисленных семей женить сына или выдать замуж дочь, продать или купить участок земли, отпраздновать семейное торжество, приближался ли общесельский праздник, провинился ли кто-либо из членов тукума или совершил преступление — все это обсуждалось в доме Темрука под его руководством.

Обычай уважения старших — один из древнейших. По словам старожилков, он соблюдался во все времена. В семье балкарца авторитет «юй таматы», даже уже нетрудоспособного и лишенного, по существу, всякой власти, был непререкаем. «Никто в семье не смел противоречить старшему»³, — пишет В. П. Невская. Считалось крайне неприличным пренебречь советом и мнением старшего члена семьи. В жилище «юй тамата» занимал центральное место. В присутствии старшего нельзя было громко разговаривать и смеяться, позволять себе вольностей, младшие по возрасту в его присутствии не могли обращаться к старшим с различными вопросами. Когда

² З. Д. Гаглойти. Очерки по этнографии осетин. Общественный быт осетин в XIX в. Тбилиси, 1974, стр. 80—81.

³ В. П. Невская. Карачаевцы, стр. 31.

⁴ См.: А. Ф. Ляйстер, Г. Ф. Чурсин. География Кавказа. Тифлис, 1924, стр. 327; Н. А. Караулов. Указ. соч., стр. 148; Мориц фон Денис. Кавказ. Путешествия и исследования в горах Центрального Кавказа. ч. 3. Берлин, 1905—1907, стр. 75.

старший вставал из-за стола и выходил из комнаты, присутствующие провожали его стоя. Рядом со старшим стоять можно было только с левой стороны. Встречавшегося по дороге старшего провожали до тех пор, пока тот не разрешал уйти.

Все эти порядки были свойственны и другим народам. «Почитание старших у сванет, — читаем мы у В. Я. Тепцова, — возведено на степень закона»⁵. У ругульцев «пожилых людей не только их дети, но и другие почтительно называют: «отец», «мать»⁶. А. Авксентьев, по рассказу Р. М. Магомедова, приводит следующий пример отношения к старшим жителей селения Кумух в Дагестане: «...встречается молодой человек с незнакомым ему пожилым мужчиной и приветствует его словами: «Здравствуй, брат моего отца!» Встречающуюся пожилую женщину молодежь приветствует обращением: «Здравствуй, сестра моей матери!» В то же время пожилые мужчины и женщины отвечают на эти приветствия словами: «Здравствуй, сын моего брата!» или: «Здравствуй, дочь моей сестры!»⁷

В конце XIX века в некоторых патронимиях в связи с имущественным неравенством отдельных их семей управление стало несколько терять демократический характер. Наиболее разбогатевшие семьи стали занимать центральное положение в тукуме. Тем не менее этот процесс далеко не зашел, и обычай уважения старших сохранился и в наши дни⁸. Как и прежде, старший среди родственников — наиболее авторитетное лицо, с ним нередко консультируются, прислушиваются к его мнению, пожеланиям, просьбам.

Наш информатор Хаждаут Курданов (1900 г. р., сел. Бедык) рассказал, что Курдановы поддерживают близкие родственные отношения, часто встречаются, приезжают к нему, как к главе фамилии, как к старшему. По словам Салиха Алтуева (1877 г. р., сел. Верхняя

⁵ В. Я. Тепцов. Сванетия. — СМОМПК, вып. 10. Тифлис, 1890, стр. 53.

⁶ М. М. Ихилов. Хитинга (Историко-этнографический очерк). — УЗИИЯЛДФ АН СССР, т. 6. Махачкала, 1959, стр. 282.

⁷ А. Авксентьев. Ислам и быт. Ставрополь, 1964, стр. 52—53.

⁸ Архив КБНИИ, ф. 10, оп. 2, д. 3, лл. 29—30, 33—34, 41—47, 57—58, 65, 72, 95, 107, 136, 138; А. И. Мусукаев. Остаточные элементы патронимической организации в современной Балкарнии. — «Тезисы докладов Всесоюзной конференции, посвященной этнографическому изучению современности». М.—Нальчик, 1975, стр. 155.

Балкария), все Алтусовы, живущие в Верхней Балкарии, Верхней Жемтале, Хасанье, Белой Речке, Пальчике, Вольном Ауле, «с искренним и неподдельным уважением относятся к старшему фамилии».

«Глава нашей фамилии Аскербн, несмотря на то, что живет в другом поселке, принимает активное участие в жизни Созасовых. Без него не обходится ни одно событие», — ответила на вопрос о роли старшего фамилии в данное время Кизика Созасва (1915 г. р., Белая Речка). Вот что рассказал по этому поводу житель этого же селения Науруз Гуртуев (1904 г. р.): «Гуртуевых можно встретить в разных населенных пунктах республики. В Кичмалке и Яникое — по две семьи, в Урвани — три-четыре, Герпегеже — 14—15, Белой Речке — 16—17 и т. д. Однако все они знают старшего члена фамилии Соттая, который живет в Герпегеже, и он у них пользуется почетом и уважением».

«Все Заннбековы советуются со мной», — заявил нам глава фамилии Таукан Заннбеков (1882 г. р., Верхняя Жемтала).

Интересен факт из жизни фамилии Мусукаевых, руководителем и главой которой была Батта Мусукаева, умершая несколько лет назад. Наши полевые материалы показывают, что в зависимости от обстоятельств в некоторых фамилиях главами становятся женщины. Все Мусукаевы, независимо от того, где они жили — в Пальчике, Ланкуте, Заюкове, Гунделене, Верхнем Чегеме, Новой Балкарии, так уж повелось, сообщали ей о важных событиях в своей жизни, приглашали в качестве «таматы» на семейные торжества, спрашивали совета, прислушивались к ее мнению.

Сказанное выше относится и к Хахановым, Казисвым, Бабаевым, Бачиевым, Башиевым, Соттаевым, Локьяевым, Сокуровым, Фриевым, Керменовым, Чоттаевым, Узеевым, Жаппуевым, Кучуковым и многим другим, в настоящее время живущим в разных районах Кабардино-Балкарии.

У балкарцев вообще считается крайне неприличным пренебречь мнением, советом, просьбой старшего. Попросил, предположим, старик или просто старший любого младшего из своего села что-то принести, подать или сделать, тот непременно выполнит желаемое.

Как и при существовании патронимии — тукумов, так и в наши дни старший из родственников стремится

передать свой жизненный опыт одному из любознательных молодых родственников, рассказывает историю образования их фамилии, легенду о родоначальнике, родословную и т. д.

Важную роль во внутренней жизни патронимии конца XIX начала XX века играла старшая женщина — «къарт анабыз». Старшей обычно являлась жена «тукъум башы». В случае смерти «къарт анабыз» ее полномочия переходили к следующей по возрасту женщине тукума — «уллу келин». Когда умирал «тукъум башы» и муж последней становился старшим в патронимии, «къарт анабыз» ее считали уже официально. К старшей тукума обращались женщины с различными просьбами, за советами по поводу хозяйственных, семейных и других дел. Во время праздников или торжественных событий «къарт анабыз» всегда была хозяйкой проведения того или иного мероприятия. То же самое наблюдалось и у шапсугов, одного из адыгских племен, у которых старшая женщина патронимии называлась «бысым гуацэ» — «княгиня дома». К ней обращались все женщины патронимии за советом; она была главной распорядительницей в любой семье во время свадьбы, похорон, поминок; советчицей при выборе жениха и невесты; у нее нередко собирались вместе все женщины патронимии, пекли пироги и ели за общим столом⁹. У ингушей старшая женщина пользовалась большим почетом и уважением не только среди женщин, но и среди молодых мужчин¹⁰.

Поскольку селения и поселки вместе со своими тукумами и семьями включались в сельские общины¹¹ — «эл жамауат», они подчинялись определенному сельскому правлению. Основных сельских обществ в Балкарии было пять¹², если не считать Гунделена, Кашкатау, Чижок-Кабак, Хабаза, образовавшихся после крестьян-

⁹ См.: М. О. Косвен. Семейная община и патронимия, стр. 27

¹⁰ См.: Б. А. Калоев. Ингуши. — В кн.: «Народы Кавказа (из серии «Народы мира. Этнографические очерки») т. I М., 1960 стр. 384.

¹¹ См.: Е. П. Кушева. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, стр. 172; Архив КБНИИ, ф. 10, оп. 2, д. 3, лл. 45, 49.

¹² См.: «Терский календарь на 1898 г.», вып. 7. Владикавказ, 1899, стр. 102—104; Н. Д. Гаибов. О поземельном устройстве горских племен Терской области. Исторический очерк. Тифлис, 1905 стр. 280.

ской реформы¹³. В 1903 году И. П. Белокопский писал: «В Нальчикском округе пятьдесят четыре степных кабардинских общества и пять обществ горных»¹⁴.

Появление сельских общин относится к XV—XVI векам, к периоду окончательного распада родового строя, когда на базе складывавшихся экономических отношений определенных групп населения в Черекском, Хуламском, Безенгийском и Чегемском ущельях возникли общества, социальные интересы которых требовали создания органов управления той или иной группой людей, выделения территорий и установления на основе выработанных уже норм общегития определенных законов.

Во главе каждого ущелья становились наиболее зажиточные, многочисленные и сильные тукумы. Как правило, это были первопоселенцы. Вполне вероятно, что их предки являлись представителями родоплеменной знати. По мнению Ф. Энгельса, именно эти люди снабжались определенными полномочиями и зачаточной государственной властью¹⁵. В дальнейшем эти тукумы выделялись, образуя эксплуататорские сословия. «Все это, — совершенно верно замечает З. Н. Вансеев, — не имело характера организованной принудительной системы, но само собой проявлялось в повседневной жизни общества»¹⁶.

Каждая сельская община имела определенное место схода — ныгыш, представлявшее собой площадь, наиболее удобную для общесельских собраний. На ныгышах проходила вся общественная жизнь горцев. И. Леонтьев прямо так и писал: «Деятельность общества проявляется, главным образом, во время сельских судов» (автор имел в виду сходы. — А. М.). Семи-восьмидесятилетние старики еще помнят, в каком месте их селений находилась ныгыш и каким он был. Так, информатор С. Хапаев (1893 г. р.) из Гунделена рассказал, что ныгыш в их селении представлял собой обыкновенную площадку, обложенную с одной стороны большой величины камнями без всяких строений и навесов. Благодаря местным жи-

¹³ См.: «Документы по истории Балкарии, 40—90-е гг. XIX в.». Составитель Е. О. Крикулова. Нальчик, 1959, стр. 243.

¹⁴ И. П. Белокопский. На высотах Кавказа. Путевые заметки и наблюдения. — ВЕ, кн. 6. М., 1903, стр. 684.

¹⁵ См.: Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 183.

¹⁶ З. Н. Вансеев. Средневековая Алания. 1959, стр. 108.

телям автору удалось найти, обследовать и в некоторых случаях сделать зарисовки ныгышей во многих, ныне необитаемых, поселках Балкарии (Кёкташ, Жуунгу, Нижний Чегем, Фардык, Нижний Ишканты, Зылгы, Курнаят, Тотур, Тёбен-эл, Шаурдат, Кам, Озень и др.). Ныгыш Чегет-эл считался большим ныгышем Черекской сельской общины. Он был устроен в начале села у реки (Черек), прямо на дороге. Рядом располагались мечеть и базар. Первыми дворами от ныгыша в сторону села были дворы Огурлу Габолаева и Крыма, Захота и Бичока Кабардуковых. В удобном для всех жителей поселка месте находился ныгыш Тура-Хабла. Он занимал более или менее ровную площадку, обложенную камнями, между кварталами Маммеевых, Аккуловых, Таукеновых. В Фардыке ныгыш был устроен в северной части села между кварталами Чокаевых, Баллиевых и дворами Хучинаева Али и Жангуразова Каншау. В Курнаяте ныгыш располагался в верхней части села у скалы рядом с мечетью, окружали его дворы Хазгериевых и Саракуевых; в Нижнем и Верхнем Кюннюмах — справа от дороги на небольших горизонтальных «пяточках». Первый между кварталами Занибековых и Жангуразовых, второй — Мечукаевых, Бакуевых и Запкишиевых.

В работе «По истокам Кубани и Терека» В. Я. Тепцов писал, что в сходах участвовали и имели право голоса мужчины «по достижении 15 лет и старцы до 90 лет». В действительности же, в сходах могли участвовать мужчины начиная с 25 лет, а право голоса имели не просто старшие любого возраста, а главы семейств. Женщины в подобного рода мероприятиях участия не принимали. На собраниях обсуждались важные вопросы для всей сельской общины: административные, об общественных повинностях, оплате налогов и др. В круг функций сельских сходов некоторых предгорных сел входило распределение общественных земель, вынесение решения о времени начала полевых работ и другие хозяйственные вопросы, затрагивавшие интересы этих сел.

Большую роль в жизни сел и, в частности, на общесельских собраниях, кроме членов сельского правления, играли почетные старики из разных сел и поселков сельской общины.

В период военной опасности на ныгыше создавалось народное ополчение. В мирные и обыденные дни мужчины проводили здесь свободное время, обменивались но-

востями обсуждали различные дела, касавшиеся их сельской общины и соседей, области, говорили о сельскохозяйственных работах, урожае, погоде и обо всем том, что затрагивало интересы крестьянской жизни. Люди, собиравшиеся на ныгышах, как-то само собой, делились по возрасту: столетние старики сидели рядом, мужчины 40—50 лет образовывали отдельную группу, а 25—35-летние держались в стороне от более старших. Возрастной признак играл немаловажную роль во взаимоотношениях между людьми и у других народов Кавказа¹⁷. На ныгышах проводились спортивные состязания, выступали певцы и музыканты, устраивались народные танцы. Общесельские ныгыши балкарских обществ были известны многим соседним народам¹⁸.

¹⁷ См.: Л. М. Варданян. Традиционные мужские возрастные группы у армян (конец XIX — начало XX вв.). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1975; см. же: Пережиточные формы собрания и игры у армян. — «Вестник общественных наук» АН Армянской ССР, 1972, № 5.

¹⁸ См.; С. О. Шахмурзаев, А. И. Мусукаев. Сельская община. — Газ. «Коммунизмге жол», 1974, 21 сентября (на балк. яз.).

около десятка, и каждый из них состоит из 20 — 30 дворов. Наибольшие из этих аулов: Коспарты, Мухол, Курдаят (Курнаят. — А. М.), Кундюм (Кюнньюм. — А. М.) и Шканты (Ишканты. — А. М.). Кроме того, есть несколько еще меньших поселков, заключающих в себя не более как по 5 или 10 дворов»¹.

Селения и поселки по своей величине были весьма разнообразны и действительно находились друг от друга на небольшом расстоянии. Один из авторов по этому поводу замечал: «Кунумы (Кюнньюмы. — А. М.) и Ишканты кажутся одним, разбросанным по обеим берегам реки селом»². Такая скученность поселений была характерна для многих горных районов Кавказа. Так, Коста Хетагуров в своем этнографическом очерке данный факт считает «выдающейся особенностью горной Осетии»³. На процесс формирования и планировку балкарских населенных пунктов непосредственное влияние оказывали уровень развития производительных сил, географические условия, топография местности. При этом местные жители при заселении того или иного района обязательно учитывали возможные условия для занятия хозяйством.

Любому, впервые попавшему в балкарское село, сразу же бросится в глаза то, что оно пересекается небольшими речушками. М. А. Иванов, побывавший в Баксанском ущелье в 1902 году, писал: «С оглушительным грохотом из бокового ущелья вырывается горный поток Курхужан (Гирхожан. — А. М.) и, пересекая дорогу, пенными каскадами спадает в Баксан». Тут же, по словам автора, «гнездились» поселок из 44 дворов. В поселке и вокруг него небольшими квадратами или полосами виднелись пахотные и сенокосные участки. Аналогичное описание балкарских поселений можно встретить в работах других дореволюционных исследователей и путешественников. В связи с этим вызывает сомнение утверждение Н. Ф. Такоевой, автора раздела «Балкарцы» в книге «Народы мира. Этнографические очерки», о том, что «в прошлом балкарские селения (эл) располагались в местах, малоудобных для хозяйственного пользова-

¹ Н. Я. Динник. Поездка в Балкарию. — ЗКОИРГО, кн. 14, вып. 1. Тифлис, 1890, стр. 119. Н. Я. Динник несколько ошибался, поскольку поселков в это время в ущелье насчитывалось более 20.

² М. М. Ермоленко. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1928, стр. 74.

³ Коста Хетагуров. Быт горных осетин. (Этнографический очерк). Сталинир, 1939, стр. 5.

ния». Вернее и точнее будет сказать, что ограниченность пригодных для хозяйства земель заставляла балкарцев строить жилища на каменистых местах. Именно на это обратил внимание М. З. Кипиани: «Горцы живут весьма тесно. В видах экономии в земле, постройки их воздвигнуты на самых неудобных для хлебопашества местах». Малоземелье наблюдалось и в Дагестане, где «горцы старались строиться в местах, с хозяйственной точки зрения не представляющих ценности (крутые склоны, скаги и др.)»⁴. Однако в Балкарии не встретишь ни одного поселения, которое находится в зоне обвалов и лавин. Особенно интересно в этом отношении расположение сел и поселков с учетом снежных обвалов и лавин в Чегемском ущелье.

На расселение балкарцев, особенно в XIII—XVI веках, оказывали большое влияние оборонительный фактор и ориентация поселений. Примерами оборонительных сооружений служат Малкар-кала, Зылгы и Курнаягский замок в Верхней Балкарии, Верхне-Чегемское городище в Чегемском ущелье, Усхур, так называемая башня Жабоевых⁵ и Хулам в Безенгинском и Эльжюрту в Баксанском ущельях⁶. Что касается ориентации, то нужно заметить, что горцы предпочитали селиться на южных солнечных склонах, что связывалось как с ритуалами и обрядами язычества, так и с экономической жизнью народа: обработкой шерсти, сушкой мяса, сыра,

⁴ М. З. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. — УЗИЯЛДФ АН СССР, т. 10. Махачкала, 1962, стр. 266.

⁵ В литературе совершенно неверно называют башню в районе разрушенного одноименного патронимического поселка Жабоевской. Она не могла принадлежать Жабоевым, поскольку родоначальник этого тукума-патронимии появился на свет позднее, чем была построена сама башня. Поселок Жабоевский — явление вторичного образования патронимических поселений в Балкарии вообще. Создание его относится к третьему-четвертому поколениям от нас: Тебо — Оразай — Лабо — Капойт — Жабо (основатель тукума). Патронимическое имя Жабоевых восходит к Жабо, а он, как рассказывает легенда, родился через полгода после разграбления башни и уничтожения ее обитателей. Легенда также повествует о том, что Жабо родился от женщины — жены одного из хозяев башни. Она во время нападения находилась у родственников в Черекском ущелье Став совершеннолетним, Жабо возвратился в Хуламское ущелье и поселился рядом с башней, положив начало новому Жабоевскому поселению.

⁶ См. И. М. Мизиев. О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев. — В кн.: «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 244—245

сена, дров т. д. Исключая планировку, приспособляясь к физико-географическим условиям местности, горцы Северного Кавказа все же никогда не строили жилищ лицевой стороной на север⁷. У осетин, балкарцев, пишет Л. А. Чибиров, — «в большинстве случаев жилище обращено на юг, восток или же на юго-запад»⁸.

Улиц в балкарских аулах почти не было⁹, ибо дома строились не по определенному плану, а соответственно рельефом местности. Сообщение между домами происходило за счет узких проходов и нешироких тропинок, по которым могла проехать горская повозка. Недостаток земли, изрезанность территории, а также обычай родственников жить компактно создавали скученный и беспорядочный тип поселения.

Архитектурная форма жилищ и хозяйственных построек больших семей в Балкарии представляла единое монолитное сооружение. Все постройки одной семьи или нескольких родственных больших семей, например в Верхнем Кюннюме или Глашевском, находились как бы под одной крышей. Такие дворы назывались «башы жабылгъан арбаз» — постройки с крытым двором. Напоминали они собой П-образное жилище, сложившееся, на наш взгляд, на поздней стадии развития больших семей. Жилища, как правило, располагались в глубине двора, обнесенного каменным забором. Такая форма планировки двора больших семей в основном была характерна для всех ущелий Балкарии. Балкарские жилища и усадьбы имели много общего с жилищами и усадьбами других горских народов Северного Кавказа, живших по соседству. Татарский (балкарский. — А. М.) двор, подобно осетинскому, представляет собой ряд построек, плотно соприкасающихся одна с другой, читаем мы у известных ученых, больших знатоков балкарского быта И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского.

Усадьбы и жилые постройки таубиев количественно

⁷ См.: А. И. Исламмагомедов. Поселения и жилища пахуров в XIX—XX вв. — «Дагестанский этнографический сборник», вып. 1. Махачкала, 1974, стр. 76; «Материальная культура аварцев». Махачкала, 1967, стр. 100.

⁸ Л. А. Чибиров. К вопросу о поселениях южных осетин — «Известия Юго-Осетинского НИИ», вып. 11. Цхинвали, 1962, стр. 278.

⁹ См.: Н. В. Поггенполь. По ледникам Дигории и Балкарии. — ЕРГО, вып. 5 М., 1906, стр. 36; Н. Линник. Эльбрус. — «Природа и охота», т. 2. М., 1880, стр. 2; С. Давидович. В горах Кавказа. Путевые впечатления. — «Охота». М., 1893, октябрь, стр. 28.

и качественно отличались от крестьянских. Усадьба таубия обычно занимала наиболее удобное место в селении, а жилища были добротными, но сам принцип постройки был одинаков для всех и во всех селениях Балкарии. Часть балкарских поселков (Зарашки, Глашевский, Шыкы, Верхний Кюнньюм) состояла из ряда небольших кварталов пристроенных друг к другу жилищ, которые со стороны напоминали многоступенчатую лестницу. Путешествовавший по Кавказу в конце прошлого века С. Давидович в своих заметках писал, что сакли лежат одна над другой, как черепицы на крыше, без всякого промежутка. Крыша сакли служит в то же время двором для соседей, живущих выше. То же самое читаем у М. И. Ермоленко, побывавшего в Балкарии в 1929 году: «Нередко соседи верхнего ряда саклей пользуются крышей сакли нижнего владельца как местом прохода вниз». Ошибочность такого представления впервые была отмечена Д.-М. С. Габиевым, исследовавшим лакские жилища¹⁰.

Человеку, впервые приехавшему в балкарское село, не знакомому с бытом, законами, психологией и жизнью народа, трудно было разобраться в казавшемся с виду «хаосе» домов и построек. Коста Хетагуров образно описал в этом отношении осетинские аулы: «В аулах вы не найдете ни улиц, ни дворов, не определите, какому хозяину принадлежит та или другая крыша или стена. Вы видите окошечко сакли, но без проводника не найдете ее дверей. Ярусы так перепутаны между владельцами, что вы, желая, положим, попасть к своему знакомому во второй этаж, можете предварительно очутиться на крыше третьего этажа...»¹¹ Но при знании адатов народа, его обычаев оказывается, что крыша нижележащего дома, если это была крыша не родственной семьи, не могла быть двором для вышележащего дома. А вот небольшой промежуток, который находился между крышей и вышележащей постройкой, использовался в качестве двора. Его-то ошибочно и принимали за крышу нижележащего двора.

Внешний вид других поселков характеризовался, как уже отмечалось, полутеррасностью. Больше половины

¹⁰ См.: Д.-М. С. Габиев. Эволюция лакского жилища (XVIII—XX вв.). — КЭС, вып. 4, М., 1969, стр. 152.

¹¹ Коста Хетагуров. Быт горных осетин. (Этнографический очерк). Сталинир, 1939, стр. 36.

балкарских населенных пунктов располагалось на более ровной местности.

Ввиду недостаточности пахотной земли в условиях высокогорья местные жители в течение веков разработали специфическую форму поселения и строительства жилищ. Традиционные жилища балкарцев встречались вплоть до 40-х годов XX века в селениях Гунделен, Кызген, Муккулан, Булунгу, Орсундак, Чылмас и др. Во многих покинутых ныне поселках Балкарии до настоящего времени сохранились в разрушенном состоянии дореволюционные жилища балкарцев.

Центральным жилищем семьи был «уллу юй» — «большой дом». Он являлся средоточием всей внутренней жизни семьи. Интересным примером такого жилища в Верхнем Чегеме было жилище Ахмана Кулнева. Э. Б. Бернштейн, проводивший его измерения, отмечал, что жилище Кулиева отличалось значительными размерами как по площади внутреннего пространства (64 квадратных метра), так и по высоте (более 5 метров)¹².

По свидетельству информаторов, основные события в жизни семьи: различные семейные торжества, всякого рода жертвоприношения, а также поминки — все это связывалось с этим домом. В конце XIX — начале XX века балкарские жилища типа «уллу юй» отдельно почти не встречались. Вместе с хозяйственными постройками и комнатами для индивидуальных пар они представляли единый строительный комплекс. Нами были проведены измерения жилищ в ныне заброшенных поселках Верхнем Кюннюме, Глашевском, Зарашкы, Шыкы, Жабоевском, Бопу, Быкмылги, Жора, Кызген, Чылмас, Абдуллаевском и других, в результате чего мы пришли к выводу, что размеры «уллу юй» в конце XIX — начале XX века составляли в среднем 18—20 квадратных метров. Бывали жилища и до 25—30 квадратных метров. Обратимся к конкретному материалу. До раздела семьи Исмаила Чочаева, который произошел, по словам его сына Ю. Чочаева, в 1901 году, она состояла из 46 человек. Пятеро братьев отца со своими семьями жили в отдельных комнатах («отоу»), которые были пристроены к «уллу юй». Основную часть свободного времени вся

¹² См.: Э. Б. Бернштейн. Народная архитектура балкарского жилища. — МНС. Нальчик, 1960, стр. 198.

Схематический план размещения населенных пунктов Хуламской и Безенгиевской сельских общин в конце XIX — начале XX века (схема 8)

семья проводила в центральном жилище¹³. Аналогичным было жилище Гогую Жабоева. Оно так же, как и жилище Исмаила Чочаева, делилось невидимой чертой на две части — мужскую и женскую. Кроме того, здесь имелось два очага: в центре жилища и пристенный. В доме была кладовая — «гуму»; на задней стене — полки для вещей; имелся угол, куда на первое время помещали невесту. Здесь проходила вся трудовая жизнь женщины семьи, проводились общесемейные празднества¹⁴. Естественное вызревание и дифференциация малой семьи в недрах большой во второй половине XIX века сопровождались тем, что к центральному жилищу («улли юй») стали пристраивать небольшие помещения («отоу») для малых семей¹⁵. Подобные сооружения встречались в этот период и у осетин, карачаевцев, кабардинцев и других народов. В. Пфаф писал об осетинах: «Он (сын. — А. М.) рано женится и со дня вступления в брак занимает с женою и семейством отдельное помещение на отцовском дворе. Если нет свободного помещения, то на дворе строят вновь для него дом или саклю»¹⁶. Анализируя известные археологические данные по Балкарии, мы пришли к выводу, что в XIII—XVI веках жилища для отдельных брачных пар строили рядом, еще не пристраивая к центральному жилищу семьи¹⁷.

О наличии в прошлом нескольких изолированных построек в качестве жилища одной семейной общины говорит и аварский этнографический материал¹⁸.

Средневековые жилища были незначительными по размерам. На основании этого В. А. Кузнецов делает вывод о том, что основной формой семьи являлась малая

¹³ Необходимо отметить, что «улли юй» семьи Исмаила Чочаева отличалось своими большими размерами от центральных жилищ других односельчан.

¹⁴ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, л. 69 об., 70.

¹⁵ Полевые записки автора 1974—1975 гг.

¹⁶ В. Пфаф. Народное право осетин. — ССок, т. 1. Тифлис, 1871, стр. 189.

¹⁷ См.: И. М. Мизиев. Позднесредневековые поселения и жилища балкарцев и карачаевцев. — «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР». Тбилиси 1971, стр. 204; *сго же*. О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев. — В кн.: «Кавказ и Восточная Европа в древности», стр. 245—246.

¹⁸ См. А. Исламгаomedов. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX—XX вв. — УЗИИЯЛДФ АН СССР, т. 14. Махачкала, 1965, стр. 263.

и что «остаётся неясным отношение данных индивидуальных семейных жилищ к большой патриархальной семье...»¹⁹. Автор, очевидно, не учитывает, что члены одной семейной общины могли жить брачными парами в индивидуальных небольших помещениях таким образом, что три-четыре или пять-шесть подобных помещений, располагавшихся рядом друг с другом, составляли дома одной семейной общины.

С течением времени поселения отдельных семейных общин перерастали каждое в патронимическое поселение, из которых уже вырастали полигенные населенные пункты, что вело за собой необходимость в установлении границ села, а затем группы сел и поселков и сельской общины. Рост численности населения привел к сокращению свободных земель, а это, в свою очередь, к тому, что новые дома, жилые и хозяйственные постройки стали пристраивать к центральному жилищу. В конце XIX — начале XX века каждый двор обычно имел столько «отоу», сколько было в семье женатых мужчин. Отдельные ячейки всего жилого комплекса, примыкая друг к другу и составляя как бы единое целое строение, в то же время были изолированы друг от друга, имея отдельные ходы снаружи.

Изучение расположения жилищ, характеризующих общественную и экономическую жизнь семьи, свидетельствует о том, что в селах Верхней Балкарии домов с жилыми пристройками («отоу») было около 39 процентов, Средней Балкарии — 38. Уже этот признак дает возможность установить удельный вес больших семей, поскольку жилых пристроек в малых семьях почти не было. Кроме того, данный материал послужил отправным пунктом при определении численного состава большой семьи (мы исходили из количества «отоу»).

Никакими особыми архитектурными элементами «отоу» друг от друга не отличались. В «отоу» хранились постельные принадлежности и вещи, находившиеся в личном пользовании данной малой семьи, стояли сундуки с приданым невестки. Стены обычно занавешивались войлочными коврами. «Отоу» отличались от центральных жилищ — «уллу юй», во-первых, размерами и, во-вторых, тем, что имевшийся там очаг предназначался только для обогрева комнаты. Одна из «отоу» у бал-

¹⁹ В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, стр. 214.

карцев, как правило, служила комнатой для гостей. Отдельные помещения имели женатые мужчины старшего поколения, а их неженатые сыновья и незамужние дочери жили в «уллу юй», так как при разрастании больших семей не всегда хватало отдельных комнат.

Вышеописанный комплекс балкарского жилища представляет собой явление относительно позднее, знаменуя начало выделения из большой семьи малой. В конце XIX — начале XX века, отмечает А. И. Робакидзе, большая семья отцовского типа теряет, как видно, характерную для нее прочность, что проявляется в разрушении единства жилой площади²⁰. Эволюцию балкарских жилищ удалось проследить Э. Б. Бернштейну на примере домов Ачи Биязирова в сел. Кала и Таукана Хочуева в Хуламо-Безенгийском ущелье.

Балкарские жилища с хозяйственными пристройками и сооружениями огораживались каменными заборами, представляя собой ограждения из естественных камней, сложенных без использования связующего раствора, высотой до 1,2—1,5 метра. Дворы обычно располагались в родственных кварталах — «тийре», которые в совокупности представляли поселок или село.

Балкарские аулы именовались в основном по названию той местности или реки, где они находились. М. А. Иванов приводит наименования притоков реки Баксан — Тютю-суу, Иткол, Кыртык, Чылмас, которые были даны соответствующим поселкам. По мнению В. П. Кобычева, тот факт, что селения и поселки обычно старались расположить у рек, речушек, родников, нашел отражение и в названиях многих населенных пунктов Северного Кавказа²¹. Патронимический поселок чаще назывался по фамилии, которая жила в нем (Жабоевский, Глашевский, Ахматовский, Байдаевский). Встречались поселки, которые носили имя одной из нескольких родственных семей, хотя в них жили и другие тукумы (Урусбиево, Озаруково).

Ниже поселков располагались пахотные участки («сабаны»), по сторонам и выше их — сенокосные угодья («биченлики»). В этом отношении населенные

²⁰ См.: А. И. Робакидзе. Форма поселения в Балкарии. — «Материалы по этнографии Грузии», вып. II. Тбилиси, 1960, стр. 100.

²¹ См.: В. П. Кобычев. Города, селения, жилища. — В кн.: «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.)». М., 1968, стр. 91.

пункты Балкарии, как и многих других горных районов Северного Кавказа, отличались от плоскостных районов Кабарды и Осетии тем, что земельные угодья, исключая приусадебные участки, располагались в основном вне села. В общем владении сел и поселков находились при-сельские выгоны, часть лесов, некоторые из отдаленных пастбищ и реки.

В настоящее время балкарцы живут в селениях и поселках, расположенных у подножия гор. Внешний облик сел резко отличается от прошлого. Ушли в историю скученно-террасовидные типы поселений. Для современных балкарских сел (Верхняя Балкария, Безенги, Гунделен, Советское, Верхняя и Нижняя Жемтала и др.) характерна улично-квартальная планировка поселения. Но вернемся к концу XIX — началу XX века.

Характерным признаком патронимии как организации, без которого немыслимо ее существование, является компактность и общность территории. Естественно, что разрастание родственных семейных коллективов влекло за собой превращение отдельных дворов в кварталы села, заселенные несколькими (от 2—3 до 10—15) семьями, носившими общее семейно-патронимическое наименование. В рассматриваемый период в балкарских, так же как и в карачаевских, селах в основном был распространен поквартальный порядок расселения семей патронимии — тукума. К первой четверти XX века пос. Орсундак (Чегемская сельская община), расположенный на правом берегу р. Орсундак, состоял из девяти кварталов. Прямо у впадения р. Орсундак в р. Чегем находился квартал Доттуевых численностью в пять дворов. Небольшая улочка переходила в квартал Ачсевых (5—6 дворов). Точно так же от них отделялись кварталы Эльбаевых (7—8 дворов, располагался севернее квартала Жеттеевых) и Мусукаевых (4 двора, южнее Жеттеевых). Эти кварталы можно считать скученными. Далее, по направлению к верховью р. Орсундак, занимая более обширную территорию и отделяясь оврагами и пологими склонами, один за другим следовали кварталы Баразовых (4 двора), Теппеевых (6—7), Чегембаевых (4) и Гыллыевых (3—4).

Поквартально располагались тукумы в сел. Булунгу (также Чегемская сельская община), которое в основном занимало правый берег р. Чегем, если не считать несколько дворов Байсултановых, разместившихся па

Схематический план размещения населенных пунктов Чегемской сельской общины в конце XIX — начале XX века (схема 9)

лвом. Первыми домами по-над речкой были дома Маки-
товых (справа от речушки Булунгу-суу), Аккизовых,
Таппасхановых и Кюйгеновых, представлявших собой до
1918 года один тукум. За дворами Макитовых находи-
лись ныгыш и мечеть, от которых отходило несколько
улочек, отделявших кварталы Атакуевых, Жарашуевых,
Аккаевых, Аннаевых, Геттуевых, Сарбашевых, Этезовых,
Кулиевых и еще один квартал Аккизовых.

В Хуламо-Безенгийском ущелье, на месте уже раз-
рушенного пос. Хулам (Холам), с помощью нескольких
старожиллов, ныне живущих в сел. Безенги (Бызынги),
нами был восстановлен схематичный план этого населен-
ного пункта, куда входили кварталы Созасевых, Бози-
евых, Гуртуевых, Ольмезовых, Махиевых, Чигириных,
Жантуевых, Аппоевых, Таймаскуловых, Кайгермазовых,
Бабаевых и др. Свособразным было расположение квар-
талов в пос. Шики (Шыкы). От центра села, где был
устроен ныгыш, отходило несколько небольших улиц,
которые по порядку занимали тукумы Хочусевых и Ана-
евых, Гаевых, Шавасевых, Айшаевых, Солтановых и Уя-
новых, Мечиевых. Ниже квартала Уяновых, за р. Шыкы-
суу, жили Кучменовы.

В поселке Курму (Баксанское ущелье) по течению
р. Баксан в ряд располагались четыре двора Гулиевых,
пять-шесть дворов Гызыевых, четыре-пять Хаджиевых,
три двора Ачабовых, три-четыре Моллаевых, два-три Ах-
матовых. Подобным образом располагались дворы в Те-
генекли Холамовых, Залихановых, Хаджиевых, Бекка-
евых.

Аналогичное явление наблюдалось и у других наро-
дов Кавказа²². «В Черноморской Шапсугии, в области
древнего расселения адыгов, — сообщает Э. Л. Кодже-
сау, — аулы состоят из родовых кварталов, или ущелий,
каждый из которых населял особый род...»²³ О Карт-
Джюрте, одном из карачаевских сел, Г.Ф. Чурсин писал:
«Как и остальные аулы Большого Карачая, Карт-Джюрг
состоит из целого ряда отдельных кварталов, разбросан-

²² См.: И. С. Шукин. Материалы для изучения карачаевцев. — «Русский антропологический журнал», 1913, № 1, стр. 21; М. О. Кос-
вен. Программа для собирания сведений о патронимии и структуре
рода. — КСИЭ, вып. 13. М., 1961, стр. 21—22; Л. А. Чибиров. Осетин-
ское народное жилище. Цхинвали, 1970, стр. 28.

²³ Э. Л. Коджесау. Патронимия у адыгов. — СЭ, 1962, № 2,
стр. 116.

ных иногда довольно далеко друг от друга»²⁴. Исследователь осетинской патронимии З. Д. Гаглойти замечает: «После раздела братья по возможности строили свои дома вокруг отцовского дома, и таким образом образовывался новый квартал («сых»)»²⁵.

Образованию родственных кварталов способствовали как раздел больших семей и компактное расселение вновь создававшихся дочерних семей, так и характерный для Балкарии «хуторской» тип поселения²⁶.

В конце XIX — начале XX века патронимические кварталы в отдельных селах, особенно образовавшихся после крестьянской реформы 1867 года, начали терять свою однородность. Постепенное ослабление экономических связей родственных коллективов тукумов соответственно вело к усилению распада патронимических кварталов. Развитие новых общественно-экономических отношений, способствовавших изменению производительных сил и вступивших в конфликт со старыми производственными отношениями, со старой коллективной формой организации труда, усиленный прирост населения, сопровождавшийся сокращением свободных земель на территории патронимии и сельской общины, являлись в изучаемый период основными причинами распада патронимий и родственных кварталов.

Информатор З. Этезов вспоминает, что в пос. Гюдюрю в квартале Гелястановых жила семья Жазаевых, а в квартале Трамовых находились два двора Газаевых²⁷.

В пос. Нижний Ишканти Уммаев Кучук жил со своей семьей в квартале Ксанаевых (главы семейств Ксанаевых Бай-Мырза, Кашу, Кудай, Киче и Омар); Таулуев Мухай и Сарбашев Зашау занимали часть квартала Бегиевых, состоявшего из десяти дворов; семьи Шохая и Жетера Апшаевых — часть квартала Этчсевых, Шаулуховы Цопай и Юсуп — Кудаетых. Многодворный ту-

²⁴ Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай. — ИКОИРГО, т. 23, № 3. Тифлис, 1915, стр. 251, В. М. Сысоев насчитывал в Карт-Джюрте 12 кварталов, Учкулане — 14, Хурзухе — 9, Джазлыке — 7.

²⁵ З. Д. Гаглойти. Очерки по этнографии осетин. Общественный быт осетин в XIX в. Тбилиси, 1974, стр. 74.

²⁶ См.: «Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования в Нагорной полосе Терской области». Владикавказ, 1908, стр. 39; Н. Тульчинский. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа, стр. 10; Евг. Баранов. Очерки из жизни горских татар Кабарды. — ТВ, 1894, № 141.

²⁷ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, л. 17.

кум Цикановых включал семьи Магомета и Хасима Хозаевых; среди Теттуевых жили Тамук и Магомет Езюковы; в квартале Дугоевых находились дворы Мазана и Даута Тышхановых, в квартале Мелюхаевых — Цраева Жумаку.

В Нижнем Кюннюме двор Чувоковых располагался на территории квартала Гериевых; в чужом квартале жили и Сабанчисвы.

Два двора Чепкенчиевых в Тотуре занимали часть квартала Ольмезовых (Ельмезовых). В этом же селе был один смешанный квартал, где жили Туарчиевы (2—3 семьи), Махисвы (3 семьи) и Созаевы (3—4 семьи).

Более глубоко процесс распада патронимии зашел в Гунделене. В этом селе до революции, по словам А. Жанатаева, в их квартале жили Сарбашевы, Кетенчисвы, Энеевы, Батиевы, а также семья Батоки Мусукаева. Были и смешанные кварталы. Один состоял из семей Улаковых, Атмурзасвых, Баласвых и Ораковых, другой — Эльмурзаевых, Чепкенчиевых, Барасбиевых, Чечёковых, Татчасых, Доттуевых, Гуляевых и Малкандуевых и т. д.

В квартале Гулиевых в Верхнем Баксане — центре Урусбиевской сельской общины жили Байзуллаевы. Смешанные кварталы встречались и в других балкарских селах.

Информаторы свидетельствуют о том, что в конце XIX — начале XX века родственные семьи многих тукумов жили разбросанно — в разных местах одного селения или в других селениях своего ущелья или соседних, а также в Кабарде, Осетии, Карачае. Это явление, по всей вероятности, объясняется, во-первых, тем, что в данный исторический период семья выступает как более самостоятельная в экономическом отношении ячейка общества, во-вторых, нехваткой земли в патронимическом квартале и селе и, в-третьих, характером взаимоотношений людей в том или ином населенном пункте.

Переселение семьи или нескольких семей тукума, атаула и т. д. в другие кварталы села или в другие села отрывало их от тукумного коллектива, разъединяло в хозяйственном и идеологическом отношениях.

Однако если поселение родственных семей в разных местах одного села еще как-то сохраняло родственные связи — они посещали патронимические собрания, оказывали друг другу материальную и моральную помощь,

выражавшуюся в форме взаимопомощи и родственной солидарности, то расселение по другим селам и районам Кавказа, можно сказать, окончательно выделяло их из «старого тукума». А разобщение всех семей тукума (предположим, их было 3—4) означало прекращение существования патронимической организации. И, кроме того, «жизнь в разных местах, — пишет З. Д. Гаглойти, — практически не могла уже обеспечить родственную взаимопомощь и взаимную защиту родственников»²⁸.

Те же Цраевы из Верхнего Ишканти были гораздо ближе между собой, чем с Цраевыми, жившими уже в те годы в Нижнем Ишканти; Гузиевы в Тура-Хабла с фардыковскими; Сарбашевы в Нижнем Ишканти с Сарбашевыми в Сауту; Таукеновы в Тура-Хабла с Таукеновыми в Чегет-эл и Фардыке.

Если актопракские Чеккесевы поддерживали родственные связи с гунделеновскими Чеккесевыми, то с Кушховыми из Лечинкая, которые являлись выходцами из гунделеновских Чеккесевых, уже они не имели никаких отношений. В свою очередь, Чеккесевы из Гунделена были далеки от Чеккесевых из Нижнего Чегема, гораздо позже, чем гунделеновские Чеккесевы, отделившиеся от первоначального тукума в Актопраке.

Так случилось и с Шекеровыми, расселившимися из Беттургу (Чегемская сельская община) в Гюдюргию и Яникой, Габоевыми из Жуунгу, которые выехали в Нижний Чегем, Яникой и Кенже. Хотя и Шекеровы, и Габоевы поддерживали родственные отношения, но каждое из их подразделений представляло новый тукум-патронимию.

Первоначальным местом жительства Трамовых считается село Эльтюбю. К 90-м годам XIX века их там было четыре двора (глава патронимии — Маммет и главы семейств — Мухаммат, Кара и Гапо). Затем Маммет с семьей переехал в Гюдюргию, а его потомки Баттал, Асланток, Али и Хажи-Мырза — в Яникой.

Байдаевы к концу XIX века жили в Койсюрюльгене, а две их семьи в Кызгене (Харуна — из трех человек и Байды — из семи); Гулиевы — в Верхнем Баксане и Кызгене; Залихановы — в Верхнем Баксане, Гирхожане

²⁸ З. Д. Гаглойти. Очерки по этнографии Осетии. Общественный быт осетин в XIX в. Тбилиси, 1974, стр. 77.

и Эльбрусе; Тиловы — в Итколе (три двора) и Губасанты (шесть-семь дворов).

Патронимия Жазасевых сначала жила в Каме. Затем две их семьи переехали в Нижний Чегем, а по одной — в Гунделен и Былым. С образованием Яникоя несколько семей переехали в это село. Хуламские Хаировы переселились в Гунделен и Кызбурун, балкарские Дадуевы — в Жемталу и Хасанью и т. д.

Расселение, отсутствие общего квартала у родственных семей, переехавших в другие населенные пункты, вело к ослаблению их близких родственных отношений. Были случаи, что с образованием новой патронимии, если, в особенности, она меняла патронимическое имя, ее связи — экономические, общественные и идеологические — со «старой» окончательно порывались. Так, в 1785—1787 годах представитель тукума Мизиевых — Бегн уехал сначала в Чегет-эл (Черекская сельская община), а затем — в Нижний Ишканти, где образовался тукум Бегневых, насчитывавший перед Октябрьской революцией 10 дворов. Между тукумом Мизиевых и образовавшимся из него тукумом Бегневых родственные отношения не поддерживались. Прекратились также, например, родственные отношения между Гедуевыми из Нижней Жемталы и Акшаяковыми из Советского.

Отдельные исследователи территориальный признак как условие единства родственных семей не считают первостепенным. Тем не менее патронимия как управляемая организация не могла существовать, если семьи, входившие в нее, были разобщены территориально. У балкарцев есть такая пословица: «Кто вдали от глаза, тот далеко от сердца». Н. И. Воробьев писал о казанских татарах, что у них «ближайший сосед пользовался большим правом и уважением, чем даже родственник, но живущий вдали»²⁹.

Нельзя, очевидно, согласиться и с тем, что патронимия может состоять из нескольких «меньших патронимий», т. е. быть сложной. Если бы это было так, то в одной патронимии должно было бы быть несколько домов старших членов патронимии, а члены каждой группы родственных семей должны были бы подчиняться нескольким главам всей родственной патронимии. На нач

²⁹ Н. И. Воробьев. Казанские татары. Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань, 1953, стр. 140.

взгляд, в патронимии выделялись лишь структурные элементы, но не «меньшие патронимии».

Патронимия могла, и это наблюдалось часто, дать начало одной или нескольким новым, получившим развитие в других селах Балкарии, а также в различных районах Кабарды, Карачая, Осетии, Грузии, и наоборот. Безенгивские Аттоевы (их родоначальник из Грузии) положили начало балкарским Геккиевым и Боттаевым, карачаевским Чотчасевым, поселившимся в Хурзуке, кабардинской патронимии Копашаровых и грузинской Кахиани.

Из тукума Узденовых вышли патронимии Маммашевых, Аппасвых, Шанасвых, Сыгынчиевых, Загаштоковых и Махараевых. Терболатовы из Карачая поселились в Чегемском ущелье, отсюда одна из семей уехала в Гунделен, дав начало новому тукуму — Чепкенчиевых. Хуламхановы, считающиеся выходцами из Дигории, образовали упоминавшуюся выше кабардинскую патронимию Гедуевых, из которых появилась снова балкарская патронимия — Акшаяковых. Произошло это так: представитель одного из атаулов (Дугая) Хуламхановых Уккай (Керим) уехал в Кабарду, взяв себе патронимическое имя от деда Геду, который был сыном родоначальника атаула — Дугая. Потомки Уккая впоследствии оказались в пос. Кашкатау под патронимическим именем Акшаяковых.

Кундухов Атаби, покинув Дигорское ущелье, поселился в Мухоле (Черекская сельская община). Потомки в качестве патронимического имени взяли его имя,

первого из поселенцев их патронимии. Буквально через три поколения члены патронимии — Шашко с младшим сыном Гаго перебрались в Нижний Хулам, изменив свое патронимическое имя на Бабаевы.

Бежавший из Грузии вместе с женой крепостной крестьянин Лобжанидзе нашел убежище в Нижнем Кюннюме. Свирепствовавшая в ущелье чума оставила в живых только их сына Амырхана, которого местные жители прозвали Жапп-Бекком, что значит крепкий, выносливый. Историю своего тукума рассказал нам житель Верхней Жемталы Занибеков Таукан Карамзасвич (1882 г. р.).

От одной из ветвей грузинских Кипиани родился тукум Соттаевых³⁰. Нам было выяснено имя человека, положившего начало этому тукуму, — Лиуан³¹. Карачаевские Джабаевы, переселившись сначала на Баксан (Джабаевы), а потом в Чегем, стали Жашакуевыми. Магреловы, ныне живущие в Советском, — выходцы из грузинских Магреловых. Родоначальника их фамилии, впоследствии названного Тебо, неизвестный человек ребенком продал таубиям Абаевым, объяснив, что мальчик украден у Магреловых в сел. Онкалак. Двое братьев-осетин Керменовых из Христиановского — Телсис и Мацю — по причине кровной мести бежали в Кашкатау (пос. Советский).

Тукум Ольмезовых в Хуламе задолго до революции после раздела большой семьи Наку Ольмезова выделил братьев Магиля и Хажмахо, один из которых поселился в Баксанском ущелье, другой — на Урвани. К 1917 году патронимия урванских Эльмесовых (Ольмезовы) состояла из четырех малых семей — Касполата, Хамжиды, Темболата и Магомета.

Примерно в 1887 году в весьма преклонном возрасте со своей большой семьей Хулам покинул Жюжю Кучменов. Как говорят информаторы, эта семья не смогла «ужиться» со своими князьями Суюнчевыми. Жюжю

³⁰ См.: М. З. Кипиани. От Казбека до Эльбруса. (Путевые заметки о нагорной полосе Терской области). Владикавказ, 1884, стр. 17; А. И. Рооакидзе, Р. Л. Харидзе. К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимосвязях. — МНС. Нальчик, 1960, стр. 147.

³¹ Грузинское происхождение этой фамилии подтверждается и тем, по мнению лингвиста Дж. П. Кокова, что имя Лиуан — фонетически измененный вариант имени Леван (Дж. П. Коков. Вопросы адыгской (черкесской) антропонимики. Нальчик, 1973, стр. 74).

добился разрешения и обосновался в Шалушке. К 1922 году в селе Кучменовых насчитывалось 11 дворов. Все они считали себя уже кабардинцами.

Не меняя патронимических наименований, кабардинскими патронимиями стали Шакмановы, осетинскими — Карасвы и Байсены. Шакмановы из Хуламо-Безенгийского ущелья (Ортабай)³² и Чеченовы из Гунделена (Кесай) живут в Урвани; Кулневы из Чегемской сельской общины (Казы), Ахматовы (Ахметовы) из Шашбовата (Гули), Сабанчиевы из Верхнего Кюншума (Тобаш) поселились в Заюково.

В Центральном государственном архиве КБАССР хранится документ «Репорт начальника Горского участка начальнику Кабардинского округа о самовольном переселении жителей Черекского участка», говорящий о том, что в 1867 году в Нижнюю Жемталу и Зарагич переселились оттуда Бегиевы, Уяновы, Казиевы, Маметовы, Башлаевы и многие другие. Действительно, в наши дни в этих селах живут их потомки — Бегиевы, Маметовы, Уяновы, Уянаевы (Озермеговы), Байсены, Дюгерлневы, Хаиркизовы, Бозиевы, Сокуровы, Кушханашовы.

В балкарских селах, особенно поздних по образованию, нередко наблюдалось, что тукумов было больше, чем кварталов, и наоборот. Невозможность построить в своем квартале дом из-за земельной тесноты приводило к тому, что какой-либо свободный участок в селе занимали две-три семьи из разных патронимий. Представители состоятельных тукумов покупали в соответствии со всеми законами адатов балкарцев дома и приусадебные участки в кварталах чужих тукумов, что также способствовало окончательному утверждению соседского принципа поселения.

Многие семьи из Хуламо-Безенгийского и Чегемского ущелий переселились в районы Хасаньи, Белой Речки, Яникоя, в Баксанское ущелье. Так, в квартале гунделеновских Жанатаевых, выходцев из Бопу Чегемской сельской общины, обосновались орсундаковцы Мусукаевы, верхнеактопраковцы Энеевы, Кетенчиевы и Батисы из этой же Чегемской сельской общины. В Гунделе́не поселились также Кожакеры и Жолчуевы из Бопу, Биязаровы и Дебикасы из Кала, Хуртуевы, Куршаевы, Акбула-

³² В скобках указаны имена первых представителей этих патронимий, переселившихся в новые населенные пункты.

товы и Шахмурзаевы из Кёкташа, Тептесвы, Бичеловы, Теукасы, Элекусы и Жулабовы из Верхнего Актопрака, Беппаевы из Кама.

Несмотря на то, что в конце прошлого века кварталы усиленно распадались, в некоторых случаях локальность в пределах родственной группы «айырылгъан къарындаш» сохранилась и до сегодняшнего дня. Например: в родственных группах семей Тохаевых в Хушто-Сырте, Аппаевых, Ахкобековых и Ташасхановых в Верхнем Чегеме, Газасвых и Гелястановых в Яникое, Томаевых в Лашкуте, Биттуевых и Маммеевых в Верхней Балкарии, Хуламхановых в Безенги.

Родственные кварталы разделялись между собой естественными границами, т. е. речушками, оврагами, пологими склонами, небольшими улочками. Балкарские селения и поселки имели разное количество кварталов. В одной и той же Чегемской сельской общине пос. Кам состоял из трех кварталов (дворов Жазасвых, Эттесвых и Беппаевых), Нижний Актопрак — из восьми (Шекеровых, Аккаевых, Беккиевых, Жаммырзасвых, Гочияевых, Шахмурзаевых, Бичекуевых и Баваевых), Гюдюрдю — из шести (Гижгиевых, Трамовых, Гелястановых, Тохаевых, Газасвых и Жазасвых), Беттургу — из трех (Шекеровых, Аккаевых и Беккиевых), Бопу — из трех (Жанатаевых, Жолчуевых и Кожаковых) и т. д.

С ослаблением родственных связей принцип локального поселения постепенно утрачивал свое организующее значение, и переселение отдельных родственных групп или семей за пределы патронимического квартала или поселка принимало большие размеры, т. е. становилось уже вполне закономерным. Тем не менее компактное поселение родственных семей, хотя бы в пределах группы семей разделенных родных братьев, можно наблюдать и сегодня в Верхней Балкарии, Безенги, Верхнем и Нижнем Чегемах, Верхнем Баксане, Жемтале и некоторых других³³. В Верхней Балкарии смежными дворами живут Атабисвы, Глашевы, Османовы, в Верхнем Чегеме — Аппаевы, Атакуевы и Мусукасы, Верхней Жемтале — Занибсковы, Алтуевы, Занкишневые и Мусуковы, Лашкуте — Томаевы, Гунделене — Атмурзаевы, Улаковы и Текуевы.

³³ Архив КБНИИ, ф. 10, оп. 2, д. 3, тетради 1, 2, 3, 4.

В конце XIX — начале XX века моногенные поселения в Балкарии бытовали в виде патронимических поселков. В Черекской сельской общине такими поселками считались Глашевский, Башиевский (Зарашки), Биевский, Темукуевский³⁴ и Азаматовский, в Хуламской и Безенгисевской — Жабоевский и Чабдаровский (Жилу), в Чегемской — Байсултановский (Кюлюм-Жангы), Жарильги, Иличири (Геграевский), Молаевский и Бичеловский, в Урусбиевской — Ахматовский (Шашбоват), Байдаевский (Койсюрюльген), Соттаевский (Кызыл-Кёз), Малкаровский (Муккулан), Геккиевский (Эльжурту), Теваевский (Тютю) и др.

Для всех известных в конце XIX века патронимических поселков Балкарии характерно то, что они выросли из полигенных поселений и являлись поздними по своему образованию. Нетрудно определить примерно время и последовательность возникновения патронимических поселков, имея под рукой генеалогическую схему фамилии-основательницы этого населенного пункта.

Но в Балкарии однофамильные поселения существовали и в более ранний период истории, когда в виде отдельных населенных пунктов были распространены выделившиеся из родовых групп семейные общины. В одной из своих работ Ф. Энгельс писал, что поселения в те далекие от нас времена «...состояли не из сел, а из больших семейных общин, включавших в свой состав несколько поколений, занимавших под обработку соответствующую полосу земли и пользовавшихся окружающими пустотами вместе с соседями как общей маркой»³⁵. Процесс этот, как свидетельствуют археологические данные, распространился с XIII века³⁶. С татаро-монгольским нашествием в среду жившего в горных ущельях нынешней Кабардино-Балкарии местного населения, где расселение происходило уже как по родовым группам, так и отдельными поселениями семейных общин, т. е. для которых, по всей вероятности, был характерен началь-

³⁴ В Темукуевском поселке жили Темукуевы, которые не имели ничего общего с коспартинскими Темукуевыми. Родоначальник Темукуевых — Темука, младший сын Наршау (Наршаевы), явился основателем тукума Темукуевых.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, ч. 1, стр. 169.

³⁶ См.: Н. М. Мизиев. Позднесредневековые поселения и жилища балкарцев и карачаевцев. — «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР». Тбилиси, 1971, стр. 204.

ный этап феодализма³⁷, попали значительные чужеродные элементы — разбитые татаро-монголами половцы и часть плоскостных алан.

Хотя мы и не имеем никаких источников, свидетельствующих о социально-экономической жизни тогдашнего населения горных ущелий, но можем предполагать, что она не намного отличалась от таковой в плоскостной Алании, которая находилась на стадии активного распада первобытно-общинных отношений.

Из немногочисленных родовых групп³⁸ выделились поселения семейных общин. Не приходится возражать против предположения З. Н. Ванеева, что осетинские общества, а значит и балкарские, сложились в общих чертах после татаро-монгольского нашествия³⁹. Выделявшиеся семейные общины располагались на небольшом расстоянии, что в дальнейшем, при их разрастании, приводило к полигенному поселению. Аналогичный процесс образования полигенной формы поселения убедительно прослеживается по лезгинским этнографическим и археологическим материалам⁴⁰. Но в XVIII—XIX веках ввиду нехватки земли и тесноты в полигенных поселениях происходил, собственно говоря, вторичный процесс образования патронимических сел и поселков. Они опять занимали места на небольшом расстоянии друг от друга. В связи с этим можно сказать, что основная масса населенных пунктов балкарских сельских общин, известных в конце XIX — начале XX века, являлась отселками нескольких крупных сел.

В литературных источниках об одном из таких патронимических поселков — Ахматовка — упоминается в работе Б. Далгата «Поездка к Чегемским ледникам (Центрального Кавказа)». По его мнению, однофамильные

³⁷ См.: В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, стр. 197; «История Северо-Осетинской АССР», т. 1. М., 1959, стр. 51—84.

³⁸ См.: Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 359; Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964, стр. 17; В. А. Кузнецов. Указ. соч., стр. 207.

³⁹ См.: З. Н. Ванеев. Средневековая Алания. Сталинград, 1959, стр. 88.

⁴⁰ См.: М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана — «Материалы по археологии Дагестана», т. 1. Махачкала, 1959, стр. 198; С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX—начале XX века. — УЗИИЯЛДФ АН СССР, т. 3. Махачкала, 1959; *еб же*. Патронимия у лезгин. — УЗИИЯЛДФ АН СССР, т. 14. Махачкала, стр. 315.

поселки в Балкарии образовывались путем последовательных разделов разросшихся семей. Отделившиеся семьи поселялись на свободных местах из-за отсутствия свободных земель как на территории патронимии, так и всего поселка. «Не лишено интереса, — пишет он, — проследить за образованием таких поселков. Какое-нибудь семейство свободного населения, проживающее в большом ауле, размножается и, не имея возможности жить в одном доме, принуждено бывает жить в разных домах или же выселиться из аула в окрестности его, где и устраивается; последнее предпочитается ради сохранения рода, вернее, семейной общины...» И далее: «По недостатку земли за последнее время Чегем стал выселять из своей среды колонии или выселки». Таким же образом произошло образование однофамильных поселков Губасанты и Кылды (Баксанское ущелье), которые обязаны своему появлению переселением из Хуламо-Безенгийского ущелья разделившихся семей Тилсовых и Жаппусовых, живших сначала в Верхнем Баксане.

Подобное объяснение мы находим в этнографических очерках «Народы Кавказа»: «Так как земли было мало, то от разросшихся аулов отпочковывались отселки, находящиеся часто далеко от основного поселения»⁴¹.

Патронимические поселки в Верхней Балкарии образовывались также за счет зимних пастбищ, на которых отдельными тукумами строились зимовники, впоследствии превратившиеся в место постоянного жительства. К настоящему времени из всех этих поселков в Балкарии остался один — поселок Байдаевский.

Таким образом, естественное развитие больших семей, увеличение числа поколений, расширение родственных кварталов приводили к изменению плотности населения и территориальному обособлению вновь выделившихся семей, т. е. к появлению выселок. Патронимические поселки конца XIX века, — без сомнения, позднего образования; их нельзя путать с родовыми поселениями Балкарии далеких от нас веков⁴². А. Х. Магомедов относительно Северной Осетии писал, что сохранение до позднейшего времени на ее территории одно-

⁴¹ *Н. Ф. Такоева*. Указ. соч., стр. 282.

⁴² По словам С. А. Токарева, в Балкарии и Карачае до недавнего времени сохранялись родовые поселения (см.: С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 270).

фамильных селений не является свидетельством существовавших в указанный период родовых общин (даже в стадии распада)⁴³.

В предреволюционный период родственный состав семей в патронимических селах нарушался. Так, в жаппуевском поселке (Кылды) к 1916 году жили не только Жаппуевы, но и семьи Тебуевых — Тебу и его сыновей Хаджи-Мырзы, Маила и Хаджи, Картлыковы из Чегемской сельской общины, Тебердиевы и две семьи Чеченовых — Мурата и Кешу.

К гулиевскому поселку Кызген подселились Курдановы и два двора Байдаевых (главы семейств Байда и Харун), к байзуллаевскому (Чылмас) — Борчаевы, к этезовскому (Гирхожан) — Чеченовы (Жашу, Болат, Шёштар и Кожак).

Под напором социально-экономического развития общества родственные отношения уступали место соседским, место родственного принципа поселения занимал соседский, территориальный.

⁴³ См.: А. Х. Магомедов. Сельская община у осетин. — «Ученые записки» СОИИИ, т. 28, вып. 2. Орджоникидзе, 1968, стр. 329.

ОСТАТОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЕДИНСТВА ТУКУМА

Характерной и определяющей чертой патронимии как единого общественно-экономического коллектива в первоначальной стадии ее развития была экономическая общность ее семейных общин.

Во времена первоначальных захватов земель ими сначала владели семейные общины, затем образовавшиеся из них патронимии. Земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь и хозяйственные постройки принадлежали семейным общинам патронимии. Землей ее члены пользовались коллективно: сообща обрабатывали свои участки и делили урожай в соответствии с количеством людей в той или иной семье. С развитием патронимии, увеличением числа семей данной родственной организации участков, принадлежавших патронимии, уже было недостаточно. Теперь приходилось их отвоевывать у природы, расчищая новые земли из-под камней и леса. В работе принимали участие все члены патронимии, но вновь созданными участками пользовались уже ее отдельные структурные группы. Именно с этого времени вновь расчищенная земля переходит не в общий земельный фонд патронимии, а в собственность выделявшихся из семейных общин дочерних семей. В связи со спецификой местности в землевладение балкарцев уже на ранних этапах развития патронимии начинают проникать частнособственнические тенденции, кстати сказать, невозможные при родовом строе. Это еще раз говорит о том, что патронимии не являются продуктом первобытно-общинной формации.

Постепенно инициатором отвоевания земельных участков становились отдельные семейные общины, при

непосредственном участии всех членов патронимии, и превращенная в годную для обработки земля переходила в нераздельное владение этих семейных общин и их потомков. В конце XIX века еще наблюдалось сохранение традиции расположения земельных участков родственных семей, особенно «айырылгъан къарындаш», смежно. На эту закономерность обратила внимание С. Агаширинова и у лезгин. О том, что раньше патронимия владела общими пахотными землями, писала она, свидетельствует и тот факт, что во всех лезгинских селениях земли, которые принадлежали отдельным семьям тукума, в большинстве случаев расположены рядом или по соседству.

С окончательным утверждением больших семей отцовского типа их земельные участки при разделе братьев или сыновей делились между ними на равные доли земли, которая переходила в их постоянную собственность, но которую тем не менее без ведома родственников они не могли ни продать, ни подарить.

Таким образом, земли в Балкарнии, в отличие от Кабарды, где они вначале подвергались периодическим переделам и лишь впоследствии закрепились за отдельными семьями, принадлежали семейным общинам, очищавшим и подготавливавшим к обработке земельные участки, затем членам патронимии, которые обрабатывали и пользовались ею совместно.

О былой экономической общности балкарской патронимии в конце XIX века свидетельствует и такой факт: несмотря на то, что движимое и недвижимое имущество делилось между дольщиками, нередко наблюдалось, что отдельные орудия сельскохозяйственного производства оставались общими для группы семей.

✓ Общность патронимических земель в прошлом нашла проявление и в сохранении топонимических названий в балкарских ущельях: «Гелляланы жерле», «Кючюкланы жерле», «Бекмырзаны жери», «Къудайланы жайлыкъ» и т. д.

Материалы обследования Э. Б. Бернштейном балкарских жилищ и поселений указывают на то, что после сегментации семейных общин общим оставался скот и в связи с этим — хозяйственные интересы отдельных семей. Он считает, что, хотя каждый из выделившихся членов семейных общин имел свой очаг, все они были тесно связаны друг с другом, образуя единый, постоянно раз-

раставшийся массив под одной кровлей, состоявший «из целого лабиринта крытых коридоров, с рядом жилищ по сторонам, чередующихся с пространствами, отводимыми для содержания скота».

С развитием патронимической организации, появлением «фамилий» экономическое единство семей постепенно утрачивалось, сохранялась лишь частичная связь. Например, в конце XIX века существовала как частная, так и общественная форма собственности на землю. П. А. Гаврилов писал: «Все земли в районе горских обществ составляют собственность или целого общества или частного лица»¹.

Более близко к решению этого вопроса подошел Н. А. Караулов, отмечавший, что «земли принадлежат по большей части княжеским фамилиям, но есть и во владении сельских обществ»². Он первый из дореволюционных авторов пришел к выводу, что земли в Балкарнии в основном принадлежали князьям — таубням и зажиточным тукумам, остальные же пользовались ими на арендных правах. Убедительный пример тому — Баксанское ущелье. Семьи, обосновавшиеся в Баксанском ущелье вместе с Чопелеу Урусбиевым, заняли участки, оставшиеся от населения, жившего здесь до них. Уже их третьему поколению — внукам — для расширения своих пахотных и сенокосных полей, а также семьям, поселявшимся в ущелье в это время, приходилось очищать себе участки из-под леса. С течением времени явилась потребность в пашнях и сенокосах, замечал по этому поводу М. И. Иванов, и их надо было получить за счет того же леса, с которым, конечно, не церемонились: его рубили и попросту выжигали, а затем уже площадки очищали от камня и удобряли.

На основании документа «Список дворов Урусбиевского общества, имевших отдельные участки земли в пределах общества»³, можно заключить, что тукумы первопоселенцев Жаппуевых, Геккневых, Тиловых, Курдановых, Ахматовых, Соттаевых, Гулиевых и т. д. в конце XIX века имели свои собственные участки, остальные же жители общества или приобрели их за определенную плату, или же арендовали. Переселившиеся в

¹ П. А. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. — ССокГ, вып. 2. Тифлис, 1889, стр. 13.

² Н. А. Караулов. Болкары на Кавказе. — СМОМПК, вып. 38. Тифлис, 1908, стр. 134.

³ ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 156, лл. 134—135 и об.

свое время в Баксанское ущелье вместе с Чопелеу Урусбиевым семья получили здесь столько земли, сколько имели в Безенги, не имея при этом обеспечивавшую его. Вообще же в Балкарии основная масса крестьян пользовалась земельными участками на арендных правах⁴.

По словам Е. З. Баранова, специально занимавшегося изучением экономического состояния балкарского населения, «в каждом обществе (сельском. — А. М.) найдется довольно таких жителей, которые не имеют никакой земельной собственности...»⁵. Несколько позже об Урусбиевской сельской общине И. Леонтьев писал: «У большинства урусбиевцев нет собственных участков для посевов... По причине такого положения крестьяне должны арендовать землю у бывших своих господ, таубиев»⁶.

По данным П. А. Гаврилова, исследовавшего «поземельный быт горских племен Северного Кавказа», земельные угодья в Балкарии «величиною от 600 кв. сажень до нескольких сотен десятин распределялись между 720 владельцами»⁷.

Такое положение на Северном Кавказе создалось после отмены крепостного права, когда царское правительство, проводя здесь крестьянскую реформу, учло тот факт, что на «окраинах» России ему нужна будет опора, которая бы являлась проводником необходимой ему политики. Исходя из этого были приняты меры «к максимальному удовлетворению интересов горских феодалов»⁸.

Большинство участков, являвшихся собственностью крестьян или взятых ими в аренду, были незначительными по размерам и разбросаны по ущельям⁹. Следы этих участков можно наблюдать и в наши дни в местах заброшенных сел. Основная масса крестьянских семей — каракишей, обладая клочками пахотной и покосной земли, попадала в поземельную зависимость от таубиев,

⁴ ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 862, л. 16 и об.; д. 767, л. 55 и об. и др.

⁵ Е. З. Баранов. Очерки землевладения в горах. — ТВ, 1892, № 14, стр. 3.

⁶ И. Леонтьев. Поездка к Баксанскому леднику. — СМОМПК, вып. 22. Тифлис, 1897, стр. 139—140.

⁷ П. А. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа. — ССОКГ, вып. 2. Тифлис, 1869, стр. 13.

⁸ В. К. Гарданов. Социально-экономические преобразования. — В кн.: «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.)». М., 1968, стр. 8.

⁹ См.: «Записки Кавказского общества сельского хозяйства». Тифлис, 1869, № 4, стр. 95.

так как эти земельные участки не давали минимальных средств для существования. Купить необходимое количество земли в связи с дороговизной крестьянину было не под силу¹⁰. В Урусбиевском обществе, по сообщению В. Я. Тепцова, десятина пахотной земли стоила 1000 рублей, сенокосной — 500 рублей¹¹. В Балкарской сельской общине «стоимость одной десятины пахотной или покосной земли, требующей удобрения и орошения, доходит от одной до двух тысяч рублей»¹². В связи с этим крестьяне арендовали земельные участки у таубиев и зажиточных слоев населения¹³. Свидетельство тому — широко бытовавшая в Балкарнии такая форма аренды, как ортак, суть которого состояла в том, что лицо, нуждавшееся в земельном участке, арендовало его за $\frac{1}{3}$ или $\frac{2}{3}$ урожая и при этом обязывалось следить за ним, орошать, удобрять, очищать от камней и наносов во время ливней. В ортак обычно отдавали землю, если у хозяина не хватало рабочих рук обрабатывать этот земельный участок. К такому методу использования своих земельных участков пришлось прибегнуть таубиям, лишившимся после крестьянской реформы своей основной рабочей силы¹⁴. Срок ортака мог равняться одному или двум сезонам, а иногда и нескольким¹⁵.

В балкарских обществах существовал и такой вид аренды, как бегенда. Однако он претерпел определенные изменения и больше использовался зажиточными слоями населения как средство обогащения. Владелец земли отдавал участок односельчанину или любому представителю сельской общины за какую-то плату до возвращения арендной суммы. Если до отмены крепостного права бегенда не имела срока, сделка могла продолжаться десятки лет и земельный участок оставался «за первоначальным хозяином и его потомками»¹⁶, то в конце

¹⁰ См.: *Горец*. Горцы Пальчикского округа. — Газ. «Каспий», 1898, № 240, стр. 3; *его же*. Надельные осетины. — Газ. «Каспий», 1905, № 109, 11 июня, стр. 3.

¹¹ См.: *В. Я. Тепцов*. По истокам Кубани и Терска. — СМОМПК, вып. 14. Тифлис, 1892, стр. 133.

¹² *М. К. Абаев*. Указ. соч., стр. 3.

¹³ См.: *Е. З. Баранов*. Очерки землевладения в горах. — ТВ, 1892, № 15, стр. 2.

¹⁴ См.: *Н. П. Тульчинский*. Пять горских обществ Кабарды. — Тер. сб., вып. 5. Владикавказ, 1903, стр. 214.

¹⁵ См.: *В. Кудашев*. Исторические сведения о кабардинском народе, стр. 266.

¹⁶ *М. К. Абаев*. Горские аграрные вопросы. (Историческая справка). — Газ. «Каспий», 1905, № 109, 11 июня, стр. 3.

XIX — начале XX века залогодержатели всяческими ухищрениями — увеличением размеров ссуды, требованием уплаты выкуна теми же вещами или денежными единицами, что выплачивались ими, и т. д. — добивались отказа хозяев от своих земельных участков. Достаточно сказать, что, по данным Абрамовской комиссии, 50 процентов земель таубнев находилось «в неоплатных долгах»¹⁷. Таким образом, бегенда в данный период была одним из средств обогащения кулаков и зажиточной части населения.

Таубни стремились свои более или менее большие участки дробить на части и сдавать в ортак нескольким хозяевам. Арендовали их чаще всего представители одного тукума, а еще точнее — атаула и «айырылгъан къарындаш». Так, Абдуллаевы Шогай, Махмут и Жарахмат арендовали «биченлики» и «сабаны» в местности Кыртык. Естественно, что каждый из них пользовался определенной частью арендуемого участка. Махаю же, Байрамуку, Иссе и Муссе Абдуллаевым принадлежали на арендных правах земли в районе Курму. Каждая из этих групп семей обрабатывала землю сообща, оказывая друг другу взаимную помощь.

Условия аренды были различными. Жители сел. Кам Чегемской сельской общины Жазаевы, Эттеевы и Бепнаевы, арендовавшие «сабаны» и «биченлики» у Малкаруковых, Басиятовых и Маммашевых, платили по договоренности скотом или деньгами. Информатор И. Г. Геккиев (1905 г. р., сел. Жанхотеко) рассказывает, что основная масса крестьян в Урусбиевской сельской общине «брала участки в ортак за половину урожая». За $\frac{2}{3}$ урожая сдавал в ортак свои земли гунделеновцам Атажукки.

Таубни наделяли своих бывших подвластных крестьян землей при условии выполнения ими, кроме основных требований, определенных повинностей, как правило, выраженных в натуральной форме, а иногда и в денежной, по отношению к владельцу. Земля, отведенная таубнем члену своей сельской общины, находилась в наследственном пользовании последнего. Продать землю он имел право только после того, как на это давал разрешение таубий. Если семье крестьянина по той или иной причине приходилось переселяться в другое ущелье, земля

¹⁷ Н. П. Тульчинский. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области, стр. 305.

могла перейти к другой родственной ему семье, но опять-таки при условии выполнения ею повинностей, назначенных таубисем. В случае отказа нового хозяина выполнять повинности или отсутствия родственников данной крестьянской семьи земля снова возвращалась таубию. Правами условного владения землей пользовались каракиши, ясакчи и чагары.

Общинных пахотных и сенокосных участков в Балкарии почти не было¹⁸, если не считать предгорных сел, образовавшихся после отмены крепостного права. Е. З. Баранов писал: «Уже по одной неравномерной величине пахотных участков и их крайней количественной ограниченности можно предположить, что общинной собственности не только всего селения, но и отдельного поселка они составлять не могут»¹⁹.

Земли делились на пахотные («сабан»), сенокосные («биченлик») и пастбищные («жайлык»). Что касается первых двух видов земель, то они были собственностью семейных коллективов²⁰. «Сабаны» и «биченлики» были более и менее качественные. К первым относились такие участки, которые находились в районе поселений и усиленно орошались и удобрялись, ко вторым — которые располагались в менее благоприятных местах. Качество земли определялось и урожайностью того или иного участка. «Сабаны у нас, — говорил Габоев Гитчеу Уппысвич (1881 г. р., сел. Нижний Чегем), — делились минимум на три группы. Лучшие из них — глинистые или черноземные, и располагались они рядом с селом, вторые — с теми же в основном качествами, но подалее от села и третьи — типичные для горной местности».

Семейная собственность предполагала монопольное право семьи на те или иные земельные участки. У балкарцев частная собственность на землю возникла из трудовой заимки семьи, обработавшей занятый участок. Прежде чем воспользоваться пахотным участком, его расчищали от камней, два раза в году вспахивали, усиленно удобряли и поливали. По словам Н. П. Тульчинского, горцам — первым поселенцам и их последующим поколениям — не было присуще понятие о собственности

¹⁸ См.: *И. Акинфиев*. Поездка к Эльбрусу в 1896 г. — «Естествознание и география», М., 1897, апрель, стр. 16.

¹⁹ *Е. З. Баранов*. Очерки землевладения в горах — ТВ. 1892. № 14, 31 января, стр. 2.

²⁰ См.: *П. П. Надеждин*. Кавказский край. Природа и люди, изд. 2-е. Тула, 1895, стр. 202.

на землю, не подвергнувшуюся обработке трудом человека. По установившемуся издавна обычаю, только такие земельные участки считались собственностью их хозяев, так как каждый клочок земли ими был взят у природы, как говорят, «с бою». Поэтому-то пахотные и сенокосные участки переходили по наследству от поколения к поколению. В таких случаях балкарцы говорили: «аталадан къалгъанды» — «остался от отцов». Нельзя согласиться с мнением И. И. Иванюкова и М. М. Ковалевского, писавших, что собственность на землю в Балкарии стала появляться во второй половине XIX века.

Считавшиеся неотъемлемой собственностью больших и малых семей земельные участки были неприкосновенны, и посягательство на них считалось равносильным преступлению. «Таково воззрение горцев на мелкие участки, — писал Г. К. Мартиросиан, — превращенные упорным и тяжелым трудом в культурные земли. Вся семья знает, где лежит каждый камешек на своей земле. Границы этих участков отчетливо знают не только взрослые мужчины и женщины, но и дети»²¹.

Характерной особенностью для Балкарии было то, что все земельные участки и пастбища имели свои собственные названия. «Фамиии» Урусбиевых принадлежали такие участки, как «Джигат», «Камук», Малкаруковым — «Былым», «Кала-кол», «Сакашил», «Жангыбау», Шакмановым — «Хары», Айдеболовым — «Кырка-ла», Этезовым — «Зырдыгат», Ахматовым — «Кая-Баши», Трамовым — «Ургок», Махневым — «Далькам», Жаникасым — «Сегешты», Рахаевым — «Укку». По сообщению Ахмата Глашева (1888 г. р., сел. Верхняя Балкария), в недвижимое имущество семьи Уразая Глашева, в которой жил информатор, входили следующие «сабаны», «биченлики» и пастбища: «Уллу бут сабан», «Терек тюбю», «Зыркых», «Пытан» и др.

При разделе большой семьи пахотные и сенокосные участки, представлявшие большую ценность, старались поделить между делящимися поровну. Этот порядок распределения земли также подтверждает наличие в прошлом патронимической собственности на землю. Интересен был процесс раздела земли большой семьи, состоявшей из братьев. Несколько почетных жителей аула или близких старших по возрасту родственников

²¹ См.: Г. К. Мартиросиан. Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928, стр. 65.

из числа наследников выбирали того, кто должен был разделить землю на соответствующие числу наследников равные части. Делящий землю получал свою долю последним.

В селениях, где производились периодические земельные переделы, земли распределялись в соответствии с количеством дымов в данном населенном пункте.

После отмены крепостного права освобожденные от зависимости крестьяне и в особенности совсем безземельные стали селиться во вновь формирующихся в предгорной зоне селах. В 70-х годах XIX века более 450 дворов балкарцев образовали в предгорных районах населенные пункты Гунделен, Кашкатау, Хасаут, Хабаз, Нижний Чегем, Янкой.

Каждому из образуемых сел государство выделяло определенное количество земли, и те из крестьян, которые получили соответствующий пай, попали в число коренных жителей. В этих селах производились переделы земли. Отдельные дворы обладали лишь временным правом пользования землей. В районах, где земли подвергались периодическим переделам, наследование земель не практиковалось, «поскольку все земли села составляли общинный фонд»²².

Сельскохозяйственные работы члены общины начинали одновременно. Существующий порядок землепользования требовал установления конкретных сроков пахоты, сева, уборки урожая. Решал эти вопросы старшина вместе с почетными стариками. Распределение «сабанов» и «биченликов» происходило подымно и осуществлялось посредством жеребьевки. Так, в районе Янкой пахотной земли было около 800 гектаров. Ее передел производили ежегодно подымно, без учета количества человек в семье. Каждой семье — члену Чегемской сельской общины принадлежал пай. «Таких паев насчитывалось более тысячи», — рассказывает Габоев Гитчеу из Нижнего Чегема. Разделу не подлежала приусадебная земля. В Янкое, по согласованию со старшиной, мог поселиться любой приезжий, но участок из общинной земли получал только чегемец, поскольку эта земля принадлежала Чегемской сельской общине.

Каждая отдельная семья сельскохозяйственные работы производила самостоятельно. После снятия урожая

²² В. П. Невская. Карачан в пореформенный период. Ставрополь 1964, стр. 147.

все индивидуальные участки превращались в общинные выгоны для скота. Пользоваться этими выгонами опять-таки имели право те домохозяева, которые владели хотя бы небольшим клочком пахотной земли, писал Е. З. Баранов, имея в виду, что пользование осенними пастбищами было доступно только членам общины.

Необходимо заметить, что царская администрация с самого начала образования сел выделяла им определенное количество земли без учета того, что население с каждым годом может расти как за счет новых поселенцев, так и за счет разделов большесемейных коллективов. Землей сельское правление наделяло только «коренных» общинников, т. е. жителей конкретного ущелья, переселявшихся на новое место жительства. Однако размеры наделов при этом сокращались, и община выступала препятствием в стремлении больших семей к разделу. Поэтому-то пахотной земли было далеко недостаточно, из числа пришельцев оказывалось много безземельных. А во всей Балкарии в общей сложности к началу XX века насчитывалось, как отмечает В. К. Гарданов, 30 процентов безземельных крестьянских хозяйств.

В балкарских селах, так же как и в карачаевских, возникших в 60—70-х годах XIX века, всех тех, кто поселялся в них после их образования и раздела земли, относили к разряду «иногородних» и не считали членами сельской общины.

В 1916 году Конак Бачиев женился на дочери Чочука Жантуева, не имевшего сыновей. Жантуев Чочука считывал, что с выделением молодых из семьи они получают свой пай земли. Однако односельчане воспрепятствовали этому и потребовали через сельское правление выселения Бачиева Конака за пределы сельской общины. Но в общине существовало правило, согласно которому купивший приусадебный участок через два-три года при содействии старшины в областном управлении мог добиться разрешения быть принятым в сельскую общину. Так было с Огурлу Бабаевым, приобретшим участок земли с небольшим строением у Энеевых в местечке Тапшин. Байрамук Бабаев из Чегемской сельской общины считался в Гунделене временно проживающим пять лет²³.

Однако большинство «иногородних» из числа чегемцев, баксанцев и балкарцев, хотя и жили в Гунделене, в

²³ ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 494, л. 109.

состав гунделеновской сельской общины не входили, продолжая оставаться членами тех сельских общин, откуда они выехали. Возвращаться же назад не было никакого смысла из-за отсутствия там свободной земли. Не всегда имели землю и те, кто был причислен к новому обществу. Да и сама процедура причисления была весьма сложной. Чтобы получить увольнительный приговор от того общества, где переехавший жил раньше, требовалось не только ходатайство общественного схода о причислении его к новому сельскому обществу, но и наличие таких требований, как: 1) не быть под судом и следствием; 2) не иметь земли и 3) общественных и денежных задолженностей²⁴.

Во вновь образовавшихся селах некоторые из «иногородних» проживали временно с целью аренды земли. Они по-прежнему считались коренными жителями своих обществ и там же оплачивали налоги.

Пахотные и сенокосные участки в горах Балкарнии не только тщательно обрабатывались и удобрялись, но и интенсивно орошались²⁵. Но, например, в Черекском ущелье, «где пашни находились на склонах гор»²⁶, и в Гунделене, где не было достаточных водоемов²⁷, земли поливались изредка. Вообще здесь орошение отсутствовало. Поля балкарцы начинали орошать ранней весной. В каждом поселке выбирался «поливщик» — «сугъарычу». От рек и небольших речушек отводилась целая сеть канавок — «илипин», которые нередко тянулись по несколько километров. Воду для орошения семьи получали по очереди.

«Сабаны» и «биченлики» Жаппуевых, располагавшиеся по притокам речушек Джалалу-кол и Кылды-башы, орошались в следующем порядке: один день вода направлялась на участок Омара, другой — Муссы, третий — Жетера. Поочередно свои «сабаны» орошали из р. Кызген Гулиевы Гамай, Чоппан, Исса, Гергок-Хажы.

Поливные пахотные и сенокосные земли жителей Шыкы находились у берегов р. Шыкы-суу. Большинство

²⁴ ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 2, д. 53, лл. 57, 58 и об., 78 и об.; оп. 1 д. 173, лл. 35, 36, 39; д. 929, л. 3 и об. и др.

См.: *Н. П. Ращевский*. Из Алагира в Пальчик через Дигорию. Штудувек, в Балкарно.— ЕРГО, вып. 2. М., 1904, стр. 120; *Н. Акинфиев*. Поездка к Эльбрусу в 1896 г., стр. 16.

²⁶ *Н. П. Тульчинский*. Пять горских обществ Кабарды, стр. 161.

²⁷ Этнографическая экспедиция КБНИИ в Баксанский район 1975 г.

же «биченликов» этого поселка располагались выше населенного пункта, за кварталами Анаевых, Гаевых и Шаваевых, и считались неполивными. Поскольку земли семей-однотукумцев были смежными, то получалось, что три-четыре дня (в зависимости от того, сколько насчитывалось семей в тукуме) поливал свои участки один тукум, затем другой, третий. Обычно больше всего, — свидетельствуют старожилы, — вода задерживалась на участках Шаваевых (семьи Жансоха, Аслан-Гери, Шохая, Мыну — «тукъум башы», Канамата, Ахмата, Дуллы) и Анаевых (семьи Уммо, Бахсанука, Кука — «тукъум башы», Хамзата, Ногая).

В 1870 году Н. Ф. Грабовский сообщал, что ему приходилось видеть в Баксанском ущелье интересные ирригационные устройства, сделанные «на довольно значительной высоте»²⁸. Автор настоящей книги в 1970 году обследовал правый берег р. Баксан в районе Тырныауза — р. Гирхожан-суу, где действительно на склонах ущелья обнаружил остатки искусно сделанных желобков, устроенных на естественных опорах — уступках склонов.

Что касается общинной собственности, то в Балкарии она была представлена отдельными отдаленными пастбищными участками и присельскими выгонами. Последние не отличались богатством растительности. Весьма удачным определением им служит приводимая Н. П. Тульчинским народная поговорка: «Колос от колоса — не слышать человеческого голоса». По описанию Е. З. Баранова, присельские выгоны были еще меньше, чем пахотные земельные участки, и, кроме того, «загромождены камнями и покрыты скудной травой и мхом». На них могло пастись «только самое ограниченное количество скота и рабочих ишаков, содержащихся при домах». Такие небольшие выгоны имелись в каждом поселке и составляли поселковую собственность. Располагались они рядом с селом на склонах гор, по руслам речушек, в оврагах, на лесных полянах.

С увеличением числа населения в балкарских сельских обществах многие их пастбищные угодья были захвачены наиболее сильными семьями и патронимиями

²⁸ Н. Ф. Грабовский. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа. — ССокГ, вып. 3. Тифлис, 1870, стр. 8.

и впоследствии объявлены частной собственностью²⁹. Так было и у карачаевцев, у которых с развитием скотоводства и «сосредоточением большого количества скота у отдельных лиц и летние пастбища непременно переходили в руки крупных скотоводов»³⁰.

К концу прошлого столетия, как видим, в балкарской патронимии и «фамилии» господствовала частная собственность отдельных родственных семейных коллективов. В XIX веке возник спор и из-за леса. Тем не менее во всех сельских обществах коллективными оставались присельские выгоны, леса (кроме Урусбиевского общества), реки и некоторые пастбища.

Хотя образовавшиеся при разделах большесемейных коллективов дочерние семьи становились самостоятельными хозяйствами, они в то же время продолжали сохранять между собой некоторые черты экономической общности. Экономическое единство патронимии и «фамилии» конца XIX — начала XX века выражалось в сохранении института взаимопомощи. Эта черта, писал М. О. Косвен, особо стойко бытовала у народов Кавказа даже тогда, когда патронимия испытывала уже глубокий распад. Организация крестьянского хозяйства велась как большими семьями, так и производственными коллективами, включавшими несколько семей, часто это были родственные семьи патронимии или «фамилии»³¹. Институт взаимопомощи у балкарцев и других народов Кавказа имел исключительное значение³².

²⁹ См.: *Н. Я. Динник*. Горы и ущелья Терской области. — ЗКОИРГО, кн. 13, вып. 1. СПб., 1881, стр. 5.

³⁰ *Ф. Д. Эдиева*. Формы землевладения и землепользования по обычному праву карачаевцев в первой половине XIX в. — «История горских и кочевых народов Северного Кавказа», вып. 1 Ставрополь, 1975, стр. 53.

³¹ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8. д. 29, лл. 12 об., 14 об., 19 об.

См.: *А. М. Ладыженский*. Алаты горцев Северного Кавказа. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1946, стр. 478; *А. С. Токарев*. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 270, 276; *А. И. Першиц*. Указ. соч., стр. 177; *М. О. Косвен*. Патронимия и ее роль в истории общества, стр. 3; *Е. С. Зевакин*. Лакцы. — В кн.: «Народы Кавказа» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. 1, стр. 499; *его же*. Лезгинцы. — В кн.: «Народы Кавказа», т. 1, стр. 514; *Г. А. Гушев*. О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане. — «Азербайджанский этнографический сборник», вып. 2. Баку. 1966, стр. 20—22; *Б. А. Калоев*. Ингуши. — В кн.: «Народы Кавказа», т. 1, стр. 384; *Г. Ф. Чурсин*. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, стр. 27.

Усиливавшийся распад больших семей в этот период заставлял образовавшиеся малые семьи, более слабые в экономическом отношении, объединяться в производственные коллективы. Производственная взаимопомощь чаще всего касалась группы родственных семей «айырылган къарындаш» и атаула, хотя общественное и идеологическое единство сохранялось в пределах тукума. Так, Абдуллаевы, представители атаула Махая, арендовавшие земли в Курму, обрабатывали свои участки коллективно. Однако при сельскохозяйственных работах могли объединяться и представители разных атаулов, если их «сабаны» и «биченлики» располагались рядом. Это относится к другим представителям Абдуллаевых — семьям Шогая, Махмута и Қанамата, арендовавших участки на Кыртыке. Весь тукум Газаевых (пос. Быкмылги, Чегемская сельская община), состоявший из трех атаулов Газаевых³³, пользовался участком Сакал-тюбю. Здесь были и пахотные и сенокосные земли. Сначала Сакал-тюбю поделили на три части. Со временем, после второго раздела, в тукуме Газаевых первый участок состоял уже из четырех частей, второй — из двух, а третий остался без изменений. Представители этого тукума сообща обрабатывали землю, но урожай каждого участка доставался его хозяину. Каждая семья прорабатывала почти одинаковую работу, поскольку все участки были равными. Гаевы из пос. Шыкы все вместе (мужчины семей Байрама, Дура, Бешли, Сокура, Хантюка и Кучо) косили поочередно друг другу сено на принадлежавших им «биченликах» («Эрда гырдын», «Мижан шаудап», «Юч таш» и «Къала»).

В трудных экономических условиях сельской жизни того времени крестьянам приходилось объединяться по три-четыре семьи для ведения сельскохозяйственных работ — «сабан жыйын». Это давало возможность той или иной семье восполнить недостаток в рабочей силе, сельскохозяйственном инвентаре или рабочем скоте путем взаимной ссуды. Так, в Эльтюбю для обработки своих земельных участков объединялись представители трех фамилий: Осман Шахмурзаев (отец нашего информатора С. Шахмурзаева), Нану Кучуков и Исхак Келеметов. Первый давал двух быков и двух работников, второй — соху и одного работника, третий — двух быков и соху. В таких трудовых объединениях участвовали Кулиевы —

³³ Газаевы жили и в Эльтюбю.

Мырзакул, Атаби, Шува, Ахман и Дока. В Коспарты объединялись Мокаевы с Наршаовыми, Аттасаовы с Цоцуевыми, Бозиевы с Козиевыми и т. д. В производственные коллективы входило разное количество семей; при этом нередко учитывались трудовые и материальные возможности семьи. Происходило объединение на разное по своей продолжительности время; в зависимости от договора обрабатывалось соответствующее количество земельных участков и так же делился урожай. Принцип организации производственных коллективов в общих чертах был одинаков во всех ущельях Балкарии. Сами же балкарцы говорят, что в каждой сельской общине и даже в каждом селе были в этом плане свои порядки, приводя при этом поговорку: «Хар элни кьой союу башха» — «В каждом селе барана режут по-своему».

Патриархально-общинные традиции находили свое отражение в Балкарии и в совместном выпасе овец и формах пользования пастбищами. Принцип коллективной организации труда в выпасе скота был наиболее устойчив и эффективен, так как в конце XIX — начале XX века в горах Балкарии насчитывалось очень мало общинных пастбищных участков³⁴ и те были не самые лучшие; все остальное принадлежало таубням и жилищным слоям населения. Платили за пастбища, на которых производился выпас, в зависимости от числа овец, принадлежавших каждому из компаньонов. Члены патронимии Абдуллаевых арендовали пастбища исходя из деления ее на атаулы. В одной отаре на пастбищах «Турукълу» пасли своих овец глава тукума Махай, семьи Байрамука, Иссы и Муссы, представлявшие один атаул. Семьи второго атаула пасли скот в районе Кыртыка на «Арт-къала», третьего — на «Туарчы-кош». Единственный представитель четвертого атаула Шогай присоединял свой скот к стаду соседей на пастбище «Тауден». Многочисленная патронимия Гулневых арендовала пастбища в Тызыле.

Трудовые сообщества организовывались не на равных правах, поскольку имущественная дифференциация семей патронимии и отдельных тукумов в селе в этот период значительно усилилась. Наиболее распространенной в организации выпаса овец была форма, при кото-

³⁴ Е. З. Баранов. Очерки из жизни горских татар Кабарды — ТВ, 1895, № 21, стр. 2.

рой экономически слабые хозяйства присоединяли свои отары за определенную сумму к отаре наиболее зажиточной семьи, или чужой патронимии, или таубия. Для выпаса скота, отмечается в этнографических очерках «Народы Кавказа», объединялись вместе три-четыре двора, которые часто были вынуждены арендовать земли у таубнев и кулаков.

Общинные пастбища эксплуатировались с учетом принципа их коллективного пользования, и такой порядок сохранялся до революции. Элементы коллективной организации труда в Балкарии более устойчиво проявлялись в выпасе скота, чем в земледелии, что объясняется захватом таубиями пастбищ. При складывавшихся новых отношениях уже имела место эксплуатация богатыми семьями бедных внутри патронимии. Всякого рода производственные товарищества (по выпасу овец, обработке земли, сенокосению), как мы видели, образовывались балкарцами по признаку как родственных связей, так и соседских отношений.

Наряду с взаимопомощью, строившейся на родственных началах (патронимических), в Балкарии в рассматриваемое время существовала взаимопомощь, основанная на территориальном принципе (соседская взаимопомощь). Но эта последняя, по сравнению с помощью в пределах патронимии, в которой должен был принимать участие каждый родственник, не была строго обязательной³⁵. Формы взаимопомощи в Балкарии были самыми разнообразными: на пахоте и уборке урожая, при постройке нового дома, при женитьбе и на похоронах, во время междусельских работ (например, при строительстве мостов, создании оросительных систем, устройстве дорог).

У балкарцев была распространена также односторонняя коллективная помощь. Она оказывалась, например, разорившимся семьям или вдове с малолетними деть-

³⁵ Интересен в этом смысле пример тукума Гулиевых. Несмотря на то, что их «сабаны» «Жагъа», «Тендар сабан», «Хажн сабан», «Жыл жаны» и «биченлики» «Буруу биченлик», «Жагъа тюз» и другие располагались в разных местах, а порою и на довольно-таки больших расстояниях, все члены тукума оказывали друг другу взаимную помощь. Большую роль здесь играли родственные отношения и солидарность, связывавшие одиотукумцев многообразными нитями. Односельчане же и члены «фамилии» были менее связаны и менее зависели друг от друга.

ми³⁶. В. П. Невская отмечает, что в случае несчастья с одним из родственников весь род должен был оказать пострадавшему помощь. Полевые материалы также подтверждают тот факт, что при разорении одной из семей аула ее имущество восполнялось за счет помощи родственников и соседей. Помощь была сугубо добровольной, в особенности со стороны соседей, и, как говорят информаторы, «люди исходили из мотивов совести».

Родственники оказывали активную помощь друг другу в выплате калыма. Данный институт восходит к первобытно-общинному строю, когда за невесту выплачивалась определенная сумма, поскольку считалось, что род девушки вместе с ней теряет рабочую единицу, и это вознаграждение расценивалось как возмещение материального убытка рода. В конце XIX века уплата калыма сопровождалась соблюдением обрядов, предписывавшихся религией. Калым превратился в акт продажи и купли невесты. Его размеры зависели от сословной принадлежности и материальной обеспеченности жениха и невесты³⁷. Рассматривая круг плательщиков калыма, однотукумцы учитывали степень родства представителей тукума. Получателем калыма в обязательном порядке был глава семьи — отец или старший брат. Если же у девушки не было ни отца, ни братьев, указывает К. Г. Азаматов, то калым доставался ближайшему родственнику девушки (мужчине) или же ее опекуну (воспитателю).

Коллективную помощь оказывали обычно и тогда, когда необходимо было выполнить ту или иную работу в сжатые сроки и если одна семья не в состоянии была с ней справиться. В связи с этим широкое распространение имела традиция трудовой взаимопомощи «изеу», в которой участвовали как мужчины, так и женщины. Мужчины помогали при постройке дома, хозяйственных сооружений, стрижке овец и т. д., а женщины — при обработке шерсти, изготовлении бурок, войлоков и других изделий, процесс производства которых требовал определенного числа рабочих рук. Такая помощь основывалась на добровольных началах, но в обществе было

³⁶ См.: *Ислам Тамбиев*. О родах и сословно-феодалных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации. — Ж. «Революция и горец», Ростов н/Д, 1931, № 12 (38), стр. 94.

³⁷ См.: *Умар Алиев*. Карачай. Историко-этнографический и культурно-экономический очерк. Ростов н/Д, 1927, стр. 119.

принято, что в данных мероприятиях обязательно должны были принимать участие все его члены. Взаимопомощь «изеу» начиналась с того, что какая-либо семья объявляла родственникам и соседям о решении начать ту или иную работу и что она просит помочь ей в этом. После окончания работы хозяева и их ближайшие родственники должны были накормить всех обедом. Помогая соседям, люди знали, что если им когда-либо потребуется помощь, то она тоже им будет оказана.

У народов Кавказа существовала и такая форма помощи, как взаимные одолжения. По словам А. Х. Магометова, «общинник к своему соседу приходил, не допуская мысли, что ему могут отказать в просимом... пренебрегавший этим обычаем жил среди своих односельчан на положении отверженного»³⁸.

К сожалению, эти благородные традиции народа, в частности различные формы взаимопомощи, господствовавшая верхушка Балкарин, как и других соседних народов Кавказа, использовала в своих корыстных целях — в целях эксплуатации крестьянского населения³⁹. Относительно даргинцев, например, в этнографических очерках «Народы Кавказа» отмечается, что вследствие значительной имущественной дифференциации все совместные работы и виды взаимопомощи имели в большей мере односторонний характер.

Обычай «изеу» в новом качестве — взаимопонимания и добрососедских отношений — восстановился в нашем социалистическом обществе. Информатор Таукан Занбеков из Верхней Жемталы рассказал, что, когда его сосед Хаждаут Моттаев начал строительство нового дома, к нему на помощь пришли все родственники, живущие в селе, и соседи: Хаждаут Жангуразов, Аубекир Бегиев, Рамазан Кудыев, Мурадин Занкишев и многие другие. Мужчины закладывали фундамент, поднимали стены, делали крышу, а женщины обмазывали стены, малярничали, занимались внутренней отделкой жилища. Взаимопомощь при строительстве домов, хозяйственных построек широко распространена в селах Балкарин. В 1972 году, собирая полевой этнографический материал в сел. Верхний Баксан, мы выявили сохранив-

³⁸ А. Х. Магометов. Сельская община у осетин. — «Ученые записки» СОНИИ, т. 28, вып. 2. Орджоникидзе, 1968, стр. 337.

³⁹ См.: А. Алиев. Даргинцы. — В кн.: «Народы Кавказа» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. 1, стр. 479.

ную форму взаимопомощи в заготовке сена. Эти работы, как правило, затеваются в свободное время—субботные или воскресные дни. Практикующиеся в горах «изеу» основываются на добровольных началах. Обычно они заканчиваются весельем, угощением, радостным отдыхом среди близких. Родственники и соседи помогают друг другу в радости и в горе: родился ли ребенок, женился ли кто из односельчан, заболел или умер.

Судя по информации Салиха Алтуева (1877 г. р.) из Верхней Балкарии, А. Тепшеева (1887 г. р.) из Безенги, И. Сарбашева (1885 г. р.) из Булунгу, К. Бозиева (1882 г. р.) из Герпегежа, Атабиева (1915 г. р.) из Кенже, Д. Геккиева (1888 г. р.) из сел. Бедык, Г. Гулиева из Верхнего Баксана и других, родственники и соседи оказывают друг другу, особенно нуждающимся, материальную помощь в виде денег и подарков.

В изучаемый период в Балкарии в качестве пережитка былой хозяйственной и экономической общности существовала форма совместного пользования дорогостоящими средствами производства. Патронимическая собственность на поздней ступени развития патронимии предполагала совместное владение лишь второстепенными и дорогостоящими средствами производства⁴⁰. Патронимия в конце XIX — начале XX века отличалась от большой семьи тем, что обладала лишь частичной общепатронимической собственностью. По мнению А. И. Робакидзе, «ограничение общей собственности патронимии лишь второстепенными средствами производства суживало рамки ее общности в сфере хозяйственных интересов. Этими основными чертами патронимии отличается, с одной стороны, от рода, с другой — от большой семьи»⁴¹. В Балкарии к таким дорогостоящим средствам производства относились мельницы⁴², несмотря на то, что они, так же как и в Чечено-Ингушетии и в Осетии, поражали «своей малостью и простотой конструкции»⁴³. Мельницы представляли собой незамысловатые строения из камня или из дерева, высотой обычно до 2 м 10 см и шириной до 1 м 75—80 см. Их крыши, как и в

⁴⁰ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 34 об., 35.

⁴¹ А. И. Робакидзе. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа, стр. 95.

⁴² А. Мусукаев. Прошлое народа. — Альманах «Дружба», Нальчик, 1971, № 4, стр. 116—117.

⁴³ Коста Хетагуров. Быт горных осетин. (Этнографический очерк). Сталинград, 1939, стр. 15.

жилищах, были плоскими. По своему устройству балкарские мельницы были аналогичны мельницам соседних северокавказских народов. Приведем описание ингушской мельницы, данное Н. Ф. Грабовским. Он отмечал, что внутри мельницы находятся «два жернова, один из которых (верхний) вращается на оси, прикрепленной к сколоченному крестообразно из двух досок колесу, приводимому в движение струей воды, бьющей под пол мельницы, где находится и колесо. Так как горцы при водопроводах к мельницам не имеют обыкновения делать шлюзы, то жерновое колесо находится в постоянном вращении»⁴⁴. Пропускная способность такой мельницы равнялась 6—10 пудам зерна в день.

Еще более простыми по устройству были мельницы в Хуламе и Безенги. Так, в частности, мельницы Гуртуева Османа, Гиляхова Шавая, Гергокова Базы и других, расположенные по течению ручья Шаудар-суу, представляли собой средних размеров бочки из ольхи. Их жернова приводились в движение струей воды, бьющей с напором через вставленный в отверстие бочки рог.

Мельницы строили или на основных реках, отводя от них небольшие рукава, или на притоках этих рек в районах сел и поселков. Так, к 1917 году на р. Гунделен функционировали мельницы Чочаева Умбулата, Маммева Шувай-Хажы, патронимическая мельница Локьяевых и другие; на ее притоках: Юрдю-суу — Жашуева Гёргёка, Туарчиева Айдебола и т. д.; Гирхожан-Шаудан — Кочкарова Конака, Байказиева Ачау и Жашуева Амангельды.

В Баксанском ущелье на р. Баксан располагались мельницы Гулневых Калея и Мухаммата; на ее притоках: Чылмас-суу — Теммоева Бий-Мырзы, Быллым-суу — Кудыева Мурая, Губасанты-суу — Тилова Исхака.

В Чегемском ущелье на р. Чегем действовали мельницы Жаникаева Ильяса, Эдокова Омар-Хажы, Жарашуева Кау, Хочуева Биту, Чимаева Алико и на ее притоках: Суулу-кол — Макитовых Дулака и Али-Бека, Жара-суу — Гижгнева Жаная, Жуунгу-суу — Жабелова Али и Чимаева Шахты, Кёкташ-суу — Акболатова Туая, Кийнкчи-суу — Эльмурзаевых Окуба и Шавая.

⁴⁴ Н. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа. — ССокГ, вып. 3 Тифлис 1890, стр. 3—4.

По Череку Хуламо-Безенгийскому стояла мельница Чабдаровых (Наная), на небольших его притоках и родниковых речках — Жабоевых Хажии и Созая, Гиляхова Шавая, Гергокова Базы, Гуртуева Шамапла, Махисва Чичу, Гуртуева Османа и Гуртуева Житю.

На р. Черек в исследуемое нами время находились мельницы Мисирова Магомета, Койчуева Иссы, Жангуразова Бориса, Гажаева Еуака и на ее притоках: Ишкерт-ты-суу — Хыбнева Гоная, Цраева Жумаку, Тышханова Юсуфа, Мусуковых Конак-Хажии, Кадыра и Казии, Курнаят-суу — Саракуевых Батала, Шыртана и Жабута.

Мельничным делом в Балкарии занимались мужчины, в основном осенью и весной. Мельницы — «тирменле» могли принадлежать всему тукуму, одной его ветви — атаулу, в зависимости от того, кем она была построена: родоначальником тукума или его потомками, а также и частным лицам — отдельным домохозяевам.

Так, в пос. Койсюрюльген к 1917 году функционировала одна мельница, построенная Арыком — внуком Биту, родоначальника тукума Байдаевых. Ею пользовались на равных правах семьи его сыновей — Зекерии, Жашко и Чотая, тогда как остальные члены тукума, в частности семьи двоюродных братьев Мусурата, Хажии, Дыдыя, Таукая, Айдарука, Солтана и др., только за определенную плату.

Патронимическими считались мельницы на речушке Курунту-суу. Они были построены основателем тукума Глашевых — Койцу. После раздела семейной общины на пять дочерних семей мельницы перешли в их пользование. К началу XX века круг родственных семей, обладавших правом на эти мельницы, расширился до 36. Мельница Гузоевых из Тура-Хабла принадлежала семьям родных и двоюродных братьев — Шамиля, Сулеймена, Гелястана, Кучука, Исмаила, Рамазана и Мыта.

Две патронимические мельницы — Гаевых и Кучменовых — работали на р. Шыкы-суу. Первая принадлежала ветви Глау, т. е. только одному атаулу, второй же атаул — Итте, состоявший из семей Сокура, Бешли, Дура и Байрама, пользовался ею на правах односельчан. Мельница Кучменовых являлась общепатронимической частной собственностью всех семей тукума Кучменовых (семей Абдуллы, Ибрагима, Харуна, Каншау и Маске).

Патронимические мельницы эксплуатировались род-

ственными семьями (дольщиками) поочередно, продолжительность времени устанавливалась в зависимости от числа последних. Так, каждая родственная семья Гузиных и Казневых в Тура-Хабла пользовалась своими мельницами понедельно.

Доход от использования мельницы другими семьями зависел от количества переработанного зерна. В конце XIX — начале XX века патронимических мельниц было очень мало, так как в связи с усилением имущественного неравенства и постоянным строительством новых мельниц нарушался принцип патронимического пользования ими. Более сильные в экономическом отношении семьи либо строили новые мельницы, либо откупали права владения ими у родственников семей, которые в дальнейшем пользовались этими мельницами уже за плату, измерявшуюся «ёнчеу аякъ», мерой веса, равной 20 кг (за каждые 20 кг платили 2 кг зерна).

К 1917 году в Балкарском сельском обществе патронимических мельниц насчитывалось 9, семейно-личных — 26, в Урусбиевской сельской общине соответственно — 7 и 24, Чегемской — 2 и 26, Гунделеновской — 3 и 18, в Хуламском и Безенгневском обществах — 1 и 11. Как видно, процесс распада патронимической организации в Балкарии зашел весьма далеко. Мельницы в 1917 году в основном принадлежали частным лицам. Очень редко было так, чтобы мельницей владел весь тукум, т. е. «фамилия» или патронимия. Обычно если мельница считалась патронимической, то принадлежала одному какому-нибудь атаулу или разделенным братьям.

О хозяйственном и экономическом единстве балкарского тукума в прошлом свидетельствует и существование в изучаемый период таких институтов родового строя, как право родового выкупа и право предпочтительной покупки. В случае продажи имущества, принадлежавшего одной из семей тукума, большие права на его покупку, по законам горцев, имел родственник — член «фамилии». При этом особо учитывались близость родства и соседство. При продаже земли, замечает В. П. Невская, уздень должен был вначале предложить ее родичам и соседям, которые имели предпочтительное право на покупку, и только в случае отказа последних можно было продать землю на сторону.

Существенное значение в Балкарии имел порядок, связанный с правом родового выкупа, проявлявшегося в

том, что проданное имущество одной из семей тукума могло быть выкуплено ее родственниками. Однако это разрешалось в том случае, если последние предварительно не были оповещены о продаже⁴⁵. В случае, если продажа состоялась, но кто-либо из родственников хозяина имущества предъявлял протест против совершенной сделки, мотивируя тем, что не был оповещен о ней, имущество возвращалось с условием выплаты той суммы, за которую оно было куплено. Аналогичное право распространялось и на соседей. Соглашение состоялось, писали И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский, имущество продано, и все же каждый из домочадцев мог помешать бесповоротному владению им со стороны покупателей — для этого достаточно выплатить покупную цену. Такое право принадлежало не одним родственникам, но и соседям, жителям одного аула. То же самое было зафиксировано в 1908 году членами Абрамовской комиссии: «Каждый из членов семьи может выкупить обратно имущество, возратить покупателю уплаченную им сумму».

Во время продажи земли неродственнику, в особенности человеку из другого села, продававший землю обязан был представить покупателю в качестве свидетеля поручителя⁴⁶ из числа своих старших родственников. Цель данного акта — дать гарантию, что ни продавец, ни его родственники не потребуют после совершения сделки проданного имущества обратно.

В докладной записке от 28 мая 1886 года Временного отделения Нальчикского горского словесного суда старшему помощнику начальника Нальчикского округа сообщалось о продаже пахотного участка Амирханом Шакмановым из Хуламского ущелья своему односельчанину Ибрагиму Муллаеву за 400 рублей. Несмотря на то, что продажа состоялась в присутствии свидетелей и при предварительном оповещении всех родственников хозяина земли, братья Амирхана — Мимбулат, Таукан и Шакман возбудили дело о перекупке проданного участка. Горский суд вынес справедливое решение, закончив дело в пользу Ибрагима Муллаева.

Особую роль данный юридический институт играл в

⁴⁵ Архив КБНИИ, ф. 10, оп. 2, д. 3, л. 34.

⁴⁶ По обычному праву балкарцев поручительство передавалось по наследству (свидетельства большинства информаторов).

конце XIX — начале XX века, когда в процессе распада больших семей и патронимий в родственные кварталы стали проникать чужие семьи. Для избежания этого члены тукума сообща покупали дом и усадьбу семей, переселившихся в другие места, или продавали их наиболее близким людям, например родственникам по материнской линии или членам «фамилии» из других сел и ущелий. Указанные выше правовые нормы приобретали юридическую силу в том случае, если продаваемое или покупаемое имущество являлось наследственным. Как видим, институты родового выкупа и предпочтительной покупки преследовали целью сохранение патронимической и фамильной собственности, а это значит, что и данных форм организации людей.

В Балкарии в конце прошлого столетия сохранялось право родственных семей на выморочное имущество. Патронимические и фамильные отношения играли важную роль при наследовании имущества. Если у умершего не было прямых наследников, то имущество переходило к членам группы «айырылгъаи къарындаш» и т. д.

С данным порядком был связан обычай левирата («келинин алгъан» — «жениться на невестке»), являющийся одной из форм раннего брака, имевший широкое распространение как у балкарцев, так и у других народов Северного Кавказа⁴⁷ и перенятый, вероятно, у их непосредственных предков алан и кыпчаков — половцев⁴⁸. Заклучался он в том, что жена умершего оставалась в семье мужа, через год-полтора выходя замуж за его младшего неженатого брата⁴⁹. Верную характеристику этому обычаю дал М. М. Ковалевский, писавший, что,

⁴⁷ См.: М. Ковалевский. Первобытное право. Род. Вып. 1. М., 1886, стр. 61.

⁴⁸ См.: Г. Ю. Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. — ИСОНИИ, т. 12. 1948, стр. 112; Гагстгаузен. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями, ч. 2. СПб., 1857, стр. 130.

⁴⁹ Сравни: у киргизов и казахов левират принимал такие формы, что не имело значения, женат младший брат или нет (см.: Н. П. Диренкова. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. — «Сборник этнографических материалов», № 2. Л., 1927, стр. 14). На наш взгляд, эта форма левирата древнее (см.: С. М. Абрамзон. Об обычаях левирата и сорората у киргизов и казахов. — В кн. «Основные проблемы африканистики». М., 1973, стр. 58—61).

«участвуя в платеже калыма, семья не соглашается потерять во вдове рабочую силу, приобретенную на ее собственные средства. Вместо того чтобы тратиться на покупку невесты для холостого члена, она предпочитает обвенчать его на вдове и тем самым достигнуть сразу обе цели: рождения потомка, способного продолжить семейный культ, и сохранения полезной для семьи работницы»⁵⁰.

Информаторы трактуют этот обычай несколько иначе. Так, в семье Игукула Кумукова, о которой нам уже приходилось говорить, до него главой семьи был Шиню, его старший брат. «Очень много людей насчитывала наша семья,— рассказывает Масхут Шинюевич Кумуков. — Отец умер, когда мы были еще несовершеннолетними. Мать одна не справилась бы с хозяйством и воспитанием детей. На тукумном собрании посоветовались и решили младшего брата отца Игукула женить на нашей матери».

Когда умер Клыч Малкаров из Нижнего Чегема, сообщает Эттеев Али Чотуевич, в его семье остались три сына и одна дочь. Хозяйство семьи было слишком слабым, и им самим не прокормиться, если бы его младший брат Касым не женился на вдове Абул.

Левират имел место в Яникое, Гунделене, Кызгене, Кызыл-Кёзе и других селах Балкарии.

Нельзя утверждать, что левират у балкарцев был строгим законом. Деверь не обязательно должен был жениться на вдове, но обладал этим правом. Что касается вдовы, то она могла в любое время отказаться от этого брака, аргументируя тем, что она не желает осквернять память мужа, или своим возрастом, или тем, что своих детей она желает воспитывать сама. В случае отказа вдовы выйти замуж семье назначали опекуна из числа родственников (однофамильцев) до совершеннолетия ее сыновей. При женитьбе младшего брата на вдове дети умершего приобретали покровительство дяди, воспитывали их теперь младший брат отца и мать, однако основная цель, преследовавшаяся левиратом,— это избавление семьи от расходов, связанных с женитьбой,

⁵⁰ М. М. Ковалевский. Некоторые архаические черты семейного наследственного права осетин. — «Юридический вестник», т. 19. М., 1885, стр. 323.

и стремление тукума сохранить имущество семьи, которое с уходом невестки могло попасть в чужой тукум. Младший брат тоже был заинтересован в таком браке, поскольку имущество умершего брата переходило к нему. Надо заметить, что родители вдовы нередко предъявляли свои претензии, желая выдать замуж дочь за представителя другой патронимии или «фамилии», чтобы еще раз получить калым.

Пережитком коллективной собственности балкарского тукума можно считать также такой порядок, по которому члену этой родственной организации позволено было в случае необходимости брать займы у любого другого ее члена сено из стога, коня для поездки и т. д., причем даже не спрашивая на это разрешения хозяина. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский писали, что у балкарцев всякие родственники, аталыки и кунаки, не спросившись хозяина, уводили к себе лучшую скотину, что, по местным понятиям, не считалось воровством.

Интересные наблюдения приводит В. Я. Тепцов. По его словам, любой житель села в случае необходимости мог воспользоваться пасшейся на присельском пастбище лошадью. «По миновании надобности» лошадь возвращалась на то место, откуда была взята. Более того, путник, воспользовавшийся пасшейся на пути лошадью, мог ее оставить в одном из сел по пути своего следования, а жители этого села обязаны были в ближайший срок вернуть лошадь хозяину.

✓ Не менее важным свидетельством существования арханчески коллективной собственности тукума на скот являлась патронимическая и фамильная тамга или тавро — «тукъум тамгъа»⁵¹. «Тамгой на Северном Кавказе и в Закавказье называют знак собственности, налагаемый хозяином-скотоводом на свой скот — овец, коров и особенно лошадей, для отличия стада одного хозяина от стада другого»⁵².

✓ Общеизвестно, что таврение скота и нанесение ему отличительных меток (знаков) характерно было для многих народов, занимавшихся скотоводством, и, в частности, для балкарцев, у которых первое носило название «тамгъа уруу», второе — «эн салыу». Тавро представляло

⁵¹ Тюркское слово «тамга» означает «выжигание».

⁵² В. П. Пожидаев. Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент. — «Ученые записки» КБНИИ, т. 4. Нальчик, 1948, стр. 240.

Тамги (схема 11)

собой небольшой знак длиной 20—22 см и шириной 14—16 см. На схеме 11 приведены изображения тамг следующих балкарских патронимий: 1 — Абаевых, 2 и 30 — Айдаболовых, 3 — Ахматовых, 4 — Афашоковых, 5 — Барасбиевых, 6 — Глашевых, 7 — Гулиевых, 8 — Динаевых, 9 — Жанхотовых, 10 — Жеттеевых, 11 — Келеметовых, 12 — Кучуковых, 13 — Малкаруковых, 14 — Мамашевых, 15 — Мысакаевых, 16 — Соттаевых, 17 — Тебердиевых, 18 — Темуккуевых, 19 — Теппеевых, 20 — Урусбиевых, 21 — Хаджиевых, 22 — Чочаевых, 23 — Шакмановых, 24 — Суншевых, 25 — Мамукаевых, 26 — Асановых, 27 и 35 — Шахановых, 28 — Мырзантовых, 29 — Аппаевых, 31 — Наршаовых, 32 — Зокаевых, 33 — Башиевых, 34 — Туменовых, 36 — Хуболовых, 37 — Трамовых, 38 — Шаваевых, 39 — Боттаевых. К концу XIX века в Балкарии уже встречались и семейно-личные тамги. У балкарцев и карачаевцев известно «множество форм ушного «мечения» («эн», «энле»), патронимических и семейно-личных меток («энчи тамгъа») ⁵³. Тамги и метки балкарских патронимий и «фамилий» довольно разнообразны. Разделенные семьи иногда создавали свои тамги и отличительные знаки. Это делалось за счёт прибавления к старым тамгам различных черточек, смещения элементов двух или трех тамг, встречавшихся в общине, и, наконец, придумывались совершенно новые тамги, как это сделали, например, Малкаровы Шуму и Солтан, переселившиеся из Урусбиевского общества в Нижний Чегем. Но в основном все члены «фамилии» пользовались первичной патронимической тамгой. В Балкарии были случаи, когда одной княжеской тамгой пользовалось все село. Так, жители Верхнего Чегема использовали тамгу Барасбиевых, Актопрака — Малкаруковых, Карасу — Суншевых (Сююнчевых), Хулама — Шакмановых. По всей вероятности, это связано с сохранением явных пережитков не только патронимической организации, но и первобытно-общинного строя. Кроме того, крестьяне исходили из следующего: поскольку таубиевские тамги были известны даже за пределами Балкарии, больше гарантии, что их скот никто не тронет.

Данные нашего полевого материала дают возможность установить, что балкарские тамги имели много

⁵³ См.: *Н. М. Шаманов*. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX — начале XX вв. — КЭС, вып. 5. 1972, стр. 83.

общего не только с кыпчакскими и аланскими, но и с тамгами других народов Северного Кавказа, что свидетельствует как об этногенетических взаимосвязях с первыми, так и о культурных взаимоотношениях со вторыми. Отличительные метки «эн салыу», принадлежавшие в прошлом семьям каких-либо тукумов, используются некоторыми представителями этих «фамилий» и в наши дни⁵⁴.

⁵⁴ Полевой материал автора 1974—1975 гг.

ПАТРОНИМИЧЕСКАЯ И ФАМИЛЬНАЯ ЭКЗОГАМИЯ

Если хозяйственное единство членов тукума находилось в состоянии далеко зашедшего распада патронимической организации, то общественные взаимосвязи родственных семей, проявлявшиеся в таких вопросах, как экзогамия, плата за кровь и гостеприимство, сохранялись в более целостной форме.

Обычное право балкарцев и многих других народов Кавказа категорически запрещало брак между родственниками, независимо от того, в каком родстве они находились; кровосмешение считалось тяжким преступлением. «Если кто-нибудь нарушал закон экзогамии, — пишет Х. М. Думанов, — то его подвергали телесным наказаниям; он прогонялся из рода и патронимии, его лишали всех прав»¹. Так, например, старшим поколением осуждался брак между Чопраем Тохаевым и женщиной из тукума Куршаевых (Кекташ). Их родство отделялось пятью поколениями. Через некоторое время между этими тукумами экзогамия была нарушена повторно: ровесник Чопрая Тохаева Ёзюр Куршаев женился на дочери Мохая Тохаева, двоюродного брата Чопрая. В связи с этим был создан совет всей фамилии Тохаевых, в состав которого входили Куршаевы и Карглыковы. Он постановил сурово наказывать тех, кто в дальнейшем нарушит брачный запрет. С тех пор браки между членами этих патронимий и членами «фамилии» больше не наблюдались.

Экзогамия у балкарцев по отцовской линии была абсолютной, т. е. соблюдалась во всех поколениях. Однако если тукум со временем делился на несколько родствен-

¹ Х. М. Думанов. Некоторые вопросы изучения большой семьи и патронимии у адыгов. — «Вестник» КБНИИ, вып. 4. Нальчик, 1970, стр. 80.

ных, новых, с другими наименованиями, то, как показывает наш материал, в этом случае экзогамия ограничивалась 6—7-м коленом, в фиктивных видах родства — 3—4-м². Убедительным тому доказательством являются генеалогии Сарбашевых, Карчаевых и Мисировых, родоначальником которых являлся Муху. В шестом поколении тукумов Сарбашевых и Карчаевых встречались женщины из тукума Мисировых. Конкретно, это — жены Азата и Гапалау Сарбашевых и Али, Мухаммата, Локмана и Азнора Карчаевых.

По материнской линии вопрос экзогамии решался несколько иначе: в одной и той же ветви какого-либо тукума в разных поколениях женами не могли быть представительницы одной родственной патронимической группы.

У отдельных кавказских народов патронимия могла быть и эндогамной, т. е. браки практиковались между родственниками. Лезгины предпочитали браки между детьми двух братьев (ортокузенный брак)³. Пример большой семьи у азербайджанцев, в рамках которой имели место кузенные браки, приводит Г. А. Гейбуллаев: «Невесты принадлежали к той же родственной группе, что и женихи»⁴. Такие браки объясняются экономическими причинами: имущество данной семьи в форме приданого не переходит в другую семью и, кроме того, сохраняется рабочая сила.

Фамильная экзогамия существует у балкарцев и по сей день. Чувство тукума, говорил У. Б. Алнев на сессии, посвященной проблеме происхождения карачаевцев и балкарцев, в г. Нальчике в 1960 году, в сознании карачаевцев и балкарцев развито сильно. И сейчас осуждаются браки между носителями одной и той же фамилии, хотя они и не имеют никакого родства. В Карачае и Балкарии этому придавалось большое значение. Б. В. Миллер отмечал, что в 1898 году в Карачае собралась на родственную сходку представители одной фамилии, потомки Шат-Бека, кизилбекского князя, члены тукумов Хублевых, Хачировых, Биджиевых и Хасановых,

² Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 76, 79, 85, 85 об., 95

³ См.: С. С. Агаширинова. Патронимия у лезгинов. — УЗНИЯ.ЛДФ АН СССР, т. 14. Махачкала, 1965, стр. 320.

⁴ Г. А. Гейбуллаев. О пережитках большой семьи в Азербайджане в XIX веке. (По материалам Кубинского района). — «Азербайджанский этнографический сборник», вып. 2. Баку, 1966, стр. 179.

где «рассуждали о том, чтобы не брать и не выдавать друг за друга девушек». В 1916 году Малкаров Али-Хажии созвал в Муккулане (патронимическом поселке) на фамильный ныгыш всех Малкаровых, на котором обсуждались подобные вопросы. Совсем недавно, уже в наше время, в пос. Советском собирались представители фамилии Ульбашевых (1300 человек). Но у балкарцев в этом плане встречается одно небольшое отступление, связанное с тем, что в Балкарии бывают случаи, когда одну фамилию носят люди, не имеющие никакого родственного отношения друг к другу, и старшие поколения их, односельчане, помнят, когда и при каких обстоятельствах ими была перенята фамилия. Так, к примеру, Темукуев Хусей (1897 г. р., сел. Хасанья) рассказал, что в их селе был зарегистрирован брак между Темукуевым и Темукуевой. Действительной представительницей тукума Темукуевых была невеста — дочь Темукуева Таусултана. Жених же, хотя и носил фамилию Темукуевых, на самом деле представлял тукум Мокаевых, до революции живших в Мухоле.

Браки запрещены между представителями разных фамилий — в прошлом выходцев из одного тукума. Это относится, например, к Чочаевым, Цораевым и Мизиевым, поскольку основателями тукумов были родные братья Чочай, Цора и Мза. Не могут вступать в брак Лелюкаевы и Бийногеровы из Шаурдата, Эфендиевы из Верхней Балкарии, Верхнего Баксана и Юсуповы из Хулама, Чигыровы и Хапрованы, Махиевы и Жантуевы из Хуламо-Безенгийского ущелья, Джабаевы (Джабоевы) и Жашукаевы из Баксанского и Чегемского ущелий, Герузовы и Уяновы из Чегег-эл, Токлуевы, Аппоевы и Кадыровы, Хуламхановы и Гедуевы, Темукуевы и Хуболовы и т. д.

Близкими родственниками считаются Уянаевы из Советского (Кашкатау) и Кушховы из Аушигера. Уянаевы положили начало кабардинской патронимии Кушховых. Кушховы, живущие ныне в Лечинкасе, не имеют никаких родственных отношений с аушигеровскими, но не могут породниться с Чеккеевыми из балкарского села Гунделен, поскольку ведут свое начало от одного из членов тукума Чеккеевых — Жандара, переселившегося в Лечинкай еще до революции. Среди фамилии Кушховых, весьма распространенной, много неродственников. Нами были опрошены Кушховы всех сел Кабардино-Балкарии

В результате оказалось, что корни каждой патронимии Кушховых восходили к различным карачаевским, осетинским и балкарским патронимиям и «фамилиям». Так, Кушхов Нух Казиевич (1900 г. р., сел. Залукокоаже) рассказывает, что его дед Огурлу, фамилия которого до него не дошла, был родом из Карачая, а в Залукокоаже его называли Кушховым. Кушхов Таля Аюбович (1909 г. р., сел. Сармаково) говорит: «Мой прадед Салих Докшуклары — из Хурзука в Карачае, приехал в Сармаково, чтобы учиться в медресе. Здесь и остался. Поскольку он был карачаевцем, его называли Кушховым. В Сармаково у него родились трое сыновей — Эльбездоко, Якуб и Шахбан. Внуки его — Мазан, Аюб (мой отец), Зубер, Мудар, Хапаго, Ампи и Шафия». Карачаевские по происхождению патронимии Кушховых в Малке, Камлюко, Псынадахо, Заюково, балкарские — в Вольном Ауле, Кенже, Шалушке, Баксане, Залукокоаже и других селах, осетинские — в Верхнем Лескене, Ерокко, Лескене Втором, Нижнем Череке и в других населенных пунктах Урванского и Терского районов.

Одна из ветвей балкарских Мырзаевых является продолжением патронимии Жаболиевых из Аушигера. Балкарские и аушигерские Токумаевы также являются родственниками. Исхак Токумаев из Курнаята, переселившись в конце XIX века в Аушигер, положил начало кабардинской патронимии Токумаевых. Жабоевы, балкарцы и кабардинцы, — выходцы из одного патронимического поселка Жабоевского Хуламо-Безенгийского ущелья. Точно так же брачный запрет наложен хуламским и шалушкинским Кучменовым, безенгийским и аушегерским Чочаевым, хуламским и урванским Шакмановым, Ольмезовым и Эльмесовым, гунделенским и урванским Чеченовым, Созаевым из балкарских сел и кабардинским Созаевым из Псыгансу.

Брак между родственниками, как уже отмечалось, во все времена сурово порицался общественным мнением и наказывался судом, вплоть до изгнания из общества и лишения гражданских прав. Запрещался брак и между лицами, связанными другими видами родства. Балкарцы признавали не только физическое родство, но и фиктивное. Так, например, строго соблюдалось молочное родство — «сют жууукъ»⁵. И. И. Ива-

⁵ Архив ИЭ АН СССР, ф. 8, д. 29, лл. 97 об., 100 об., 108 об.; Архив КБНИИ, ф. 10, оп. 2, л. 3, л. 33.

нюков и М. М. Ковалевский писали, что не может быть брака между родом кормилицы и родом вскормленного ею. «Татары» (балкарцы) знают на этот счет поговорку, по-видимому заимствованную ими у осетин: молоко идет так же далеко, как и кровь, т. е. «родство по кормилице в тех же степенях, что и кровное». «Нельзя жениться на девушке из рода (патронимии. — А. М.) молочной матери», — подтверждает В. Я. Тенцов. Во время посещения Верхнего Баксана в 1897 году П. Леонтьев также обратил внимание на этот обычай, существовавший у урусбиевцев. В частности, он описывает такой случай: его проводник, встретившись в центре села с девушкой, не являвшейся его однофамилицей, разговаривал с ней так, будто она была его сестрой или близкой родственницей. Поинтересовавшись, кто эта девушка, И. Леонтьев выяснил, что она дочь кормилицы ребенка из семьи этого человека. Не могут, например, вступать в брак потомки Бек-Мырзы Кульбаева и Тазрета Айдаболова, которого кормила грудью Ханике Кульбаева, жена Бек-Мырзы.

Обычным правом был наложен запрет на брачные отношения между лицами из семьи аталыка и эмчека. В конце XIX — начале XX века в Балкарии имело место аталычество, практиковавшееся в основном в княжеском сословии⁶. Своих детей таубии отдавали, как правило, бывшим подвластным крестьянам — каракишам в своем селе или соседнем. Аталыков из других сел, сельских общин, соседних народов — кабардинцев, осетин, грузин — балкарцы избегали. Если в более отдаленные времена обычай аталычества был связан с воспитанием хорошего тона поведения, то в конце XIX века — с желанием представителей эксплуататорских классов избавиться своих жен от лишней физической нагрузки. Крестьяне, в свою очередь, благодаря этому обычаю приобретали со стороны таубиев поддержку и в случае необходимости защиту. Приведем несколько примеров аталычества в Балкарии. Ольмезова Кунук Дукаевна и Текеева Шахбиче Омаровна (обе 1895 г. р., сел. Хасанья) рассказали, что в годы их молодости в Безенги Хаюка Хвламханова и Жигалай Текеева воспитывали сыновей Далхата и Науруза Сююнчевых — Тенгиза и Хамбия. Еще до

⁶ См.: В. Кудашев. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1911, стр. 264.

рождения ребенка человек, желавший взять его на воспитание, предлагал будущим родителям свои услуги. С рождением ребенка, после того, как ему давали имя, аталык, чтобы отпраздновать это событие, с подарками отправлялся к родителям своего будущего воспитанника. Родители не должны были навещать своего ребенка и вмешиваться в его воспитание в новом доме. Как только ребенку исполнялся год, устраивался праздник показа его жителям селения или поселка, которые, по обычаю, должны были его одаривать, а через некоторое время — праздник в честь «первого шага». На празднике «первого шага» выявляли склонности воспитанника, делая это следующим образом: около ребенка клали различные предметы, начиная от книги и кончая чабурами, и наблюдали, что больше ребенка привлекает. Отсюда делали вывод, кем он будет, когда вырастет. С шестилетнего возраста его, как и остальных ребят семьи, начинали приучать к труду, но делали это очень осторожно, не перегружая и постоянно следя, чтобы ничего не случилось. Совершеннолетие воспитанника ознаменовывалось торжественным возвращением его домой. И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский писали, что молодой князь в сопровождении воспитавшего его лица в торжественной процессии возвращался к своим родителям. С этого времени между обоими родами возникала родственная связь, и воспитанник, или эмчек, лишался права вступать в брак с кем-либо из семьи аталыка.

Известны случаи аталычества и в среде крестьянских сословий. В Беттургу Шекерова Канидат Гачиевна воспитывала Беккиева Солтана. Мальчик находился у нее в течение пяти лет, после чего она с подарками — одеждой для родителей, несколькими бараками и бычком — торжественно вернула его домой⁷. С тех пор члены семьи Канидат Шекеровой и Солтана Беккиева считаются близкими родственниками, приравнивающимися к однотукумцам. В Чегеме Айшат Малкарова воспитывалась у Гелястановой Жулдуз, Элькан Таукенов — в одной из семей Кучуковых и т. д.

Родственные отношения устанавливались между семьями-кровниками при их примирении, если одна из семей отдавала на воспитание другой своего ребенка («къан эмчек»).

⁷ Эта процедура называется «эмчек улан».

Родственные отношения при аталычестве и в последнем случае не ограничивались только брачным запретом. Воспитанники становились как бы членами новых патронимий и «фамилий» и должны были принимать участие в мероприятиях, проводившихся тукумами воспитавших их семей⁸. Нередко бывало так, что воспитанник настолько привыкал к своим новым родителям, что и в дальнейшем, после возвращения домой, считал их ближе.

Брак у балкарцев запрещался до седьмого колена также между представителями семьи, где молодой проводил первые дни после женитьбы, — «болуш юй» и семьи жениха, семьи «аначы» и семьи принятого ею ребенка. И естественно, что в условиях классового неравенства балкарского общества важным фактором при вступлении в брак являлось социальное происхождение жениха и невесты⁹. По словам В. Я. Тепцова, несмотря на то, что многие княжеские роды обеднели и «упали на степень обыкновенных смертных... князь не решится жениться на дочери каракиши, как не решится и дочь свою выдать за каракиши». Тем не менее в Балкарнии наблюдались случаи вступления в брак представителей зажиточных семей тукумов крестьянских сословий и таубиев. Отступления, как верно замечал В. Кудашев, делались редко и преимущественно относительно женщин. Дочь можно было выдать за человека низшего происхождения, особенно если она не обладала красотой или же жених был из весьма состоятельной семьи. Примером может служить женитьба Исы Темукуева на дочери князя Аслан-Гери Абаева из Верхнего Кюнньюма.

⁸ См.: А. М. Ладыженский. Очерки социальной эмбриологии. — ЗСККГНИИ, т. 1. Ростов н/Д, 1928, стр. 168.

⁹ См.: В. Я. Тепцов. Указ. соч., стр. 171; И. Леонтьев. Указ. соч., стр. 134. После официальной отмены крепостного права «фактически сословные перегородки между группами сохранились до самой Октябрьской революции» (В. П. Невская. Карачай в пореформенный период, стр. 147).

ПЕРЕЖИТКИ КРОВНОЙ МЕСТИ

Обычай кровной мести возник еще в первобытно-общинную эпоху и был известен всем современным народам. Если в древние времена он соответствовал принципу «око за око, зуб за зуб», то со временем суть его изменялась. У балкарцев с ослаблением кровно-родственного союза тукума месть была заменена системой выкупов «къан алгъан», выражавшихся вначале в натуральной, а затем и в денежной форме. Кровная месть в Балкарнии и Карачае потеряла силу, очевидно, во времена позднего средневековья. Но случаи кровной мести в Балкарнии известны и в конце прошлого столетия. Б. В. Миллер писал: «По крайней мере, предание представляет себе окончание родовой вражды не в форме бесконечного обоюдного истребления членов враждующих родов, иногда в течение нескольких поколений, а обязательно в форме немедленного вмешательства князей, как представителей высшей власти, умиротворяющих врагов и сводивших их на выкуп»¹. Примеры свидетельствуют о том, что обычай кровной мести бытовал во всех слоях населения. Основной причиной кровной мести было убийство, но к ней могли привести и оскорбление, прелюбодеяние, отказ от брачного договора. Мстить за смерть мог любой член семьи, патронимши, друг, побратим, кунак, сосед, односельчанин и т. д.

И все же, как правильно замечает Е. З. Баранов, специально занимавшийся изучением быта и законов обычного права балкарцев, «кровомщение в горах не принимает таких широких размеров, какие оно принимает у ингушей, чеченцев и осетин, и его нетрудно пред-

¹ Б. В. Миллер. Указ. соч., стр. 13.

упредить, склонив кровников к примирению»². Действительно, кровная месть в Балкарии не имела такого распространения, как у других народов Кавказа. У табасаранцев законы адата допускали «кровную месть за личную обиду, убийство или ранение, нарушение общественного порядка и т. д. В случае убийства адат обязывал умертвить убийцу или кого-либо из родных»³. Бичом дореволюционной Чечни была кровная месть, тянувшаяся годами и приводившая к истреблению большого числа людей⁴. Кровная месть у балкарцев к этому времени уже заменялась системой выкупов. Они руководствуются, отмечал С. Ф. Давидович, своим обычным правом или адатом, по которому всякое преступление может быть «погашено» примирением, и только если последнее не состоится, виновный передается в руки властей. Всякое примирение предполагает выплату потерпевшей стороне известной денежной пени; в делах о кражах она равняется двойной цене похищенного. Даже умышленное убийство не подлежит преследованию, если родственники убитого помиряются с убийцей. Но в этих случаях размер пени доходит до 1500 руб.

Балкарцы не делали различий между случайным и преднамеренным убийством. Так, на свадьбе Теммоева Чотая в Верхнем Баксане во время спортивных игр Хаджиевым Чочаем случайно был убит член тукума Байдаевых. Хаджиевы тем не менее отдали семье пострадавшего в качестве выкупа кошару с овцами. В Черекской сельской общине в местечке Гожук (район Кашкатау) непреднамеренно, по причине неаккуратного обращения с оружием, сын Айдаболова Азнора — Таттюка убил своего молочного брата (и те и другие жили в Коспарты). Анзор Айдаболов отдал семье пострадавшего сенокосный участок.

При выплате денежной компенсации немаловажную роль играло социальное положение потерпевшего и виновного, т. е. отношение их к тому или иному сословию. В конце XIX — начале XX века, по данным нашего материала, мстителями, если случалась кровная месть, в

² Е. З. Баранов. Очерки из жизни горских татар Кабарды ТВ, 1894, 21 декабря, № 149, стр. 2.

³ М. М. Нхилов. Табасаранцы. — В кн.: «Народы Кавказа», т. 1 стр. 525.

⁴ См.: Б. А. Калоев. Чеченцы. — В кн.: «Народы Кавказа», т. 1, стр. 366.

основном являлись члены семьи и родственной группы «айырылгъан къарындаш», но в отдельных случаях могли быть и представители атаула или тукума — патронимии и «фамилии». В платеже выкупа участие принимали все члены тукума, так как, например, за убийство назначалась такая «цена крови», которую одна семья, даже родственная группа «айырылгъан къарындаш» не всегда могла без ущерба для хозяйства выплатить. Свою долю в выкуп вносили и родственники по материнской линии, но не все, а представлявшие лишь атаулы отцов матери и жены виновного.

Народные законы балкарцев все же предусматривали возможность столкновений на почве кровной вражды. Пока между родственниками убийцы и пострадавшего не произошло обряда примирения, последние могли мстить первым.

Со стороны сельских властей предлагалось родственникам убийцы переселиться в другую часть села, другое село или сельскую общину. Считалось обязательным избегание встреч с представителями патронимии и «фамилии» пострадавшего. Наш информатор, в прошлом жительница Нижнего Кюннюма, Амнат Ж. рассказала: «Однажды один из мальчиков нашего тукума смертельно ранил соседского мальчика, своего родственника. И нам, пока продолжалась вражда («жаурукъ»), приходилось обходить их квартал, избегать встреч с их родственниками. И именно я несколько раз при такой вот встрече сворачивала в сторону».

Попытки к примирению с тукумом пострадавшего родственниками другой стороны предпринимались по истечении определенного срока. И не всегда с одного раза удавалось уладить взаимоотношения. Успех примирения во многом зависел от мотива убийства, характера его, авторитета в сельской общине тукума виновного, сословной принадлежности и т. д. После уплаты выкупа — «къан алгъан» тукум убийцы устраивал угощение для членов патронимии пострадавшего. И с целью окончательного примирения патронимий семья виновного по договоренности могла взять на воспитание ребенка («къан эмчек») из семьи убитого, и наоборот⁵.

У лезгин после общей процедуры примирения кров-

⁵ ЦГА КБАССР, ф. 24, оп. 1, д. 317, л. 10.

ники выдавали замуж дочерей или женили сыновей на девушках из патронимии кровников⁶.

Каждый представитель патронимии воспринимался не сам по себе и не только как член той или иной семьи, а как представитель родственной организации, тукума — патронимии и «фамилии». Родственные узы, многочисленность тукума, его сила играли определяющую роль в жизни народа, отдельной личности в том общественном положении, какое занимал член патронимии, «фамилии». Жительница сел. Янкой Шекерова Кандидат Гачиевна (1865 г. р.) говорила: чем влиятельней в селе и жамауате были родственники, чем их насчитывалось больше и расселены они были в различных селах, тем увереннее чувствовал себя каждый из них. Почти то же мы читаем в воспоминаниях лакца Абдуллы Омарова, отмечавшего, что «многочисленность тухума составляла весьма важное и лестное значение для горца в его обществе, потому что он постоянно нуждался в прежние времена в защите себя и ближних против других своих соплеменников»⁷, и в статье А. В. Комарова «Адаты и судопроизводство по ним»: чем сильнее тухум, тем большим уважением и безопасностью пользуются принадлежащие к ним члены. Это, по мнению одного из авторов конца XIX века, касалось всех народов Кавказа. «Чем многочисленнее, сильнее, богаче род,— писал он,— тем во внешних отношениях больше значения приобретает каждый член рода. Ему есть на что опереться, чем защититься, потому что патриархальные понятия требуют, чтобы род защищал интересы своего родича всеми средствами, даже кровью и жизнью своих членов»⁸.

Обида, оскорбление, унижение члена патронимии или «фамилии» воспринимались каждым родственником как свои собственные, и это внутренне обязывало к оказанию помощи и защите пострадавшего. Тем не менее одну-двумя очень строго подходили к поведению и образу жизни своих родственников. В 1918 году в Гунделене произошла кража. Трое человек из разных тукумов украли у односельчанина корову, зарезали ее и спрятали в пещере. Воров обнаружили и, нагрузив на них украден-

⁶ См.: С. С. Агаширинова. Патронимия у лезгин.— УЗИИЯЛДФ АН СССР, т. 14. Махачкала, 1965, стр. 320.

⁷ А. Омаров. Как живут лаки.— ССокГ, вып. 3. Тифлис, 1870, стр. 2—3.

⁸ А. Лолов. Очерк быта кавказских горцев.— СМОМПК вып. 14. Тифлис, 1892, стр. 4—5.

ное, привели к сельскому правлению к столбу позора «тахан», где они должны были простоять в течение дня. Все без исключения родственники виновных не только не старались защитить, а, наоборот, выступали с обличением преступников. А родственники Магуна Узденова из Урусбиевской сельской общины, не раз попадавшего на краже, кроме того что осудили, потребовали через сельские власти выселения его как неисправимого из общины. На патронимическом собрании Ахматовых из Шашбовата был осужден Жансох Ахматов, убивший во время ссоры из-за «биченлика» Таукана Ахматова. Прляняв во внимание, что Жансох вообще отличался злым нравом, плохим поведением, хулиганскими поступками, по поводу которых не раз жаловались «тукъум башы», и тот факт, что он не раскаялся, даже не пришел на собрание старейшин, а спрятался в другом селе, глава патронимии от имени совета старейшин официально заявил сельским властям, что родственники отказываются от поручительства за виновного и требуют его осуждения⁹. По сообщению З. Д. Гаглойти, строго обходились с нарушителями общественного порядка осетины.

Публичному посрамлению подвергались завистники, сплетники, неверные жены. Известна даже поговорка, свидетельствующая о мере наказания, применявшегося к последним. «Эл эшек атха миндирсе» — «Если село посадит верхом на ишака». Провинившуюся сажали на ишака и возили по селу, а односельчане били ее в это время облепиховыми ветками и т. д.

Родственная солидарность и общественное единство патронимии и «фамилии» проявлялись также в участии их членов в обеспечении безопасности. В случае военной угрозы действовал «принцип полной мобилизации», т. е. все мужчины общества считали своим долгом и обязанностью встать на защиту своей земли. В газете «Каспий» мы читаем: «Каждый мужчина из таубиев, узденей и эмчеков должен был иметь оружие и коня и по первому зову «олня» явиться готовый к войне с неприятелем, а в мирное время мужчины упражнялись в стрельбе и верховой езде». Сигналом к началу войны служил черный флаг как флаг войны — «къуугъун байракъ», на котором были изображены пересекающиеся кинжал со стрелой.

⁹ Если раньше убийц и тяжело провинившихся людей изгоняли навсегда или на определенное время из общества, то в предреволюционные годы их передавали государственным властям.

ГОСТЕПРИМСТВО

Являвшееся древним обычаем кавказских народов и унаследованное от родового строя, гостеприимство определяло общественную взаимосвязь семей балкарской патронимии и их соседей. Родился обычай в отдаленные от нас времена, когда в борьбе за существование первобытным людям трудно было обойтись без взаимной помощи. Передаваясь из поколения в поколение, обычай гостеприимства не перерос в добродетель, а остается долгом. О гостеприимстве жителей балкарских сельских общин писали С. Давидович, А. Соборнов, В. Ф. Новицкий, С. Я. Голубев, В. Конопасевич, Н. Крыленко, Г. Мерцбахер и многие другие исследователи и путешественники².

Примерно в те же годы М. П. Белоконский писал:

¹ См.: Л. Н. Люлье. О гостеприимстве у черкес. — «Кавказ», 1859, № 7; А.-Д. Г. Очерки горских народов. — «Военный сборник», т. 11. СПб., 1860, стр. 299; М. Черный. Горские евреи, стр. 6—9; Н. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа, стр. 5; К. Ф. Сталь. Этнографические очерки черкесского народа. — «Кавказский сборник», т. 21. Тифлис, 1900, стр. 138; В. М. Сысоев. Карачай. — СМОМПК, вып. 43. Тифлис, 1913 стр. 57.

² См.: С. Давидович. В горах Кавказа. (Путевые впечатления). — «Природа и охота», М., 1893, стр. 26; А. Соборнов. У Эльбруса — «Всемирный путешественник», М., 1898, № 6, стр. 81; В. Ф. Новицкий. В горах Кавказа. — ИКОИРГО, т. 39, вып. 2, 1903, стр. 103; С. Я. Голубев. Экскурсии по Центральному Кавказу — ЕРГО, вып. 10 М., 1914, стр. 11; В. Конопасевич. Безенги — Чемем — Джайлык-башы. — ЕРГО, вып. 10 М., 1914, стр. 78; Н. Крыленко. На горных высотах. — В кн.: М. М. Ермоленко. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1928, стр. 98; Г. Мерцбахер. Из высокогорных районов Кавказа, ч. 1. Лейпциг, 1901, стр. 350 (на немецком языке).

«...при встречах балкарцы в громадном большинстве случаев улыбаются и любезно приветствовали нас»³.

Большим позором у балкарцев считалось отказать гостю в приеме, и кто это делал, покрывал позором не только себя и свою семью, но и всю «фамилию», где бы ни жили ее члены. А честь для балкарца, как и вообще для горца, была высшим судом совести. «Бизге не да болсун, тукьумну намысы тас болмасын» — «Пусть с нами случится любая беда, лишь бы тукум не лишился своего намыса» (намыс — честь, уважение), — говорят в Балкарнии. Гость, по словам А. Лилова, лицо не только близкое, но и священное, неприкосновенное. Когда дело касалось гостеприимства, не различали ни друзей, ни врагов, ни бедных, ни богатых, ни возраст, ни пол.

Гостя принимали в любое время дня и ночи, оказывая ему всевозможное внимание и заботу. Ему должны были предоставить убежище, если угрожало преследование кровной мести. «Отказать в помощи нуждающемуся — значит поступиться своей честью» — гласит древний балкарский закон. «Адаты не велели выдавать гостей» у чеченцев, осетин, кабардинцев, карачаевцев, ногойцев, абазинцев.

Идущего по балкарскому селу приездего, да и своего односельчанина, сидевшие около дворов люди приветствовали вставанием, работавшие во дворах или рядом с двором отрывались от дела и старались уделить гостю необходимое внимание. В 1904 году Н. В. Поггенполь, сделав с группой товарищей переход через перевал из Сванетии, писал, что после утомительного путешествия в Урусбиевском к ним проявили «очень много внимания и чуткости»⁴. Посетивший в 1930 году Балкарнию Ф. М. Перебийнос сообщал: «...они провожают меня до самой верхней тропы, заботливо указывая мне дорогу, снова и снова прощаются со мной и стоят долго, смотря вслед... Такое гостеприимство меня не удивило. Балкарцы, вообще говоря, чрезвычайно внимательны к гостю»⁵.

В центре основного селения ущелья обычно было управление, где, как правило, встречали гостей всем аулом. Если же последние являлись в чей-либо дом, то они бы-

³ М. П. Белоконский. На высотах Кавказа. Путевые заметки и наблюдения. — ВЕ, кн. 6, стр. 692.

⁴ Н. В. Поггенполь. Через Сванетию в долину Баксана — ЕРГО, вып. 2. М., 1904, стр. 102.

⁵ Ф. М. Перебийнос. Указ. соч., стр. 42.

ли гостями хозяина дома и всей «фамилии». Гостей принимали или в особом доме, или в комнате, называемых «къонакъ юй» или «къонакъ отоу»⁶. П. А. Караулов отмечал, что у каждого «мало-мальски обстоятельного» балкарца есть особая комната, куда может «заехать всякий приезжий». У основной массы крестьянского населения кунацкими были комнаты «отоу» — пристройки для женатых пар. Поэтому-то П. А. Караулов и другие авторы писали, что кунацкую имела каждая семья, независимо от ее материального благосостояния. В отличие от балкарцев «в XIX веке у адыгов кунацкая не являлась частью жилища, а представляла совершенно отдельное строение. По своей архитектуре она ничем не отличалась от типичного адыгейского жилища»⁷. В Балкарии же в конце XIX века строительство отдельных кунацких было доступно только состоятельным семьям. Княжеские кунацкие стояли отдельно от основного жилища. У князя Урусбиева два дома, читаем мы в журнале «Вестник Европы», в одном живет он с семьей, другой дом, из трех больших комнат, предназначен для приема гостей. Патронимические поселки имели общую кунацкую, в чем весьма ярко проявлялось их общественное единство. Обстановка кунацких как у таубиев, так и у крестьян не отличалась особым убранством. Стены были увешаны оружием, в некоторых домах — покрыты коврами, на полках стояла посуда; здесь имелось также несколько лавок и столов. В каждой кунацкой на стене висели музыкальные инструменты. Что касается постельных принадлежностей, то они находились в центральном жилище и их приносили в кунацкую, когда это было необходимо.

Любой человек, приехавший в балкарское село, мог изъявить желание стать гостем понравившегося ему дома, но обязательным условием при этом было непременно присутствие в доме мужчины. Если гость приезжал днем и в доме, кроме жены хозяина, была его мать (мать вообще пользовалась большим авторитетом в селе и сельской общине и о ней говорили: «Эр кишиге тенг къатынды» — «Мужчине равная женщина»), его принимали женщины, но на ночлег устраивали в доме ближайшего родственника, жившего в их квартале.

⁶ См.: И. Мысовский. От Налчика до Сухума. М., 1928, стр. 12.

⁷ М. А. Меретуков. Семейная община у адыгов.— «Ученые записки» Адыгейского НИИ, т. 11. Майкоп, 1970, стр. 257.

Подходя к воротам дома, путник спрашивал: «Кто в доме, я издалека, можете ли вы принять гостя?» Или же гость-балкарец обращался так: «Эй алан, юйдемнсе? Ким барды юйде?» — «Эй алан, дома ли ты? Кто дома?» Со словами «Сау кел, жууукъ бол» — «Пусть будет благополучен ваш приезд» гостя обычно встречал хозяин дома — «юй тамата» или его старший сын. Традиционным считалось и такое приветствие с приглашением: «Сау келигиз, къонакъла! Сау саламат болугъуз! Не айлянасыз, не жюрюйсюз? Жууукъ болугъуз юйге» — «Здравствуйте, гости! Будьте здоровы и живы! Какими судьбами, куда сдете или идете? Заходите, почувствуйте себя как дома». На что прибывшие отвечали: «Бола келгенбиз, тейри» — «Уже гости, ей богу!»⁸ Если гостями были женщины, их встречала «юй бийче» данной семьи или старшая невестка.

Своих гостей балкарцы подразделяли на несколько категорий. Особо отличали, во-первых, гостей, приехавших впервые: «жолочу» — «случайный гость» или «кнши адам» — «чужой человек», во-вторых, своих знакомых, уже бывавших как-то в гостях у данной семьи: «шагъырей» — «один раз приезжавший», в-третьих, кунаков — «къонакъ» и, наконец, односельчан и соседей. Балкарцы всегда с радостью встречали своих знакомых, приезжавших в Балкарию с торговыми целями из Грузии, Осетии, Кабарды и, в частности, горских евреев из Нальчика. И нельзя согласиться с А. Лиловым, считавшим, что куначество распространялось только на «единоплеменников и единоверцев». Так, М. Черный писал, что каждый мусульманин имел своих кунаков в еврейских деревнях, и наоборот. Обычай куначества передавался от отцов к детям, и поэтому не остановиться в том доме, где останавливались предки, значило бы нанести этому дому величайшее оскорбление.

Односельчане и члены тукума могли посещать друг друга в любое время. И для этого приглашение было необязательным. В. Я. Тепцов отмечал, что поводы пойти в гости были разные. Зарезал ли кто-либо барана — к нему являются незваные гости, и хозяин обязан разделить с ними трапезу. Приехал ли кто-нибудь с базара и привез лакомство — незваные гости и тут, и снова угощение, обмен новостями.

⁸ Записал Д. М. Таумурзаев у Гадиева Маткери Татаовича (1896 г. р., сел. Хасанья).

По сообщению информаторов нальчикских горских евреев, у них, как и у балкарцев, гость — сосед или родственник, если вошел в дом, обязательно должен сесть за стол. У горских евреев принято, если готовится пища, рассчитывать на несколько лишних случайных людей.

Гостей балкарцы также различали на приглашенных — «чакъырылгъан къонакъла» и незваных «чакъырылмагъан къонакъла», на приезжавших на короткое время, на несколько часов, — «къысха заманга» и более длительный срок, на двое-трое суток, — «къауум кюннге». О приезде первых знали заранее, к нему готовились. Не отказывали в приеме и случайным путникам и проезжим, о которых говорили: «Сунмай тургъанлай, ожакъдан къурум тышгенлей» — «Как с дымохода упала сажа».

«Случайное» гостеприимство нередко использовали сваты, выбирая невесту в чужом селе. И критерием определения «качества» невесты часто служило умение принять гостей хозяевами дома.

Незнакомых гостей провожали в «къонакъ юй» — «отоу», родственников — в центральное жилище семьи — «уллу юй».

Свое оружие и военные доспехи, кроме кинжала, гость отдавал хозяину. Это означало полное доверие принявшему его дому.

Гостю, были ли это мужчина или женщина, одна из молодых дочерей снимала обувь и помогала мыть ноги. После чего для умывания приносили снова кувшин с водой, тазик и полотенце. Затем гостя усаживали на самое почетное место за столом.

Без настоящего приглашения гостя хозяин дома никогда за стол не садился. Если гостями были представители северокавказских народов, исходили из общепринятого этикета, т. е. они усаживались за столом с левой стороны от старшего. Немного поговорив о погоде, дороге, других незначительных вещах, хозяин оставлял гостей на некоторое время, чтобы они осмотрелись, как говорится, и занялись собой после дороги.

Срок гостевания был неограничен, и в течение всего пребывания в том или ином доме хозяева обслуживали приезжих. Гостя не принято было спрашивать о целях приезда, и это делалось как бы невзначай в день его отъезда. Хозяин дома, прося гостя остаться еще погостить, спрашивал, все ли дела он сделал.

После того как гости привели себя в порядок, начиналось угощение, которое считалось обязательным моментом в гостеприимстве балкарцев, и не имело при этом значения, зашел ли гость передохнуть на несколько минут или на более долгий срок. В крайнем случае, его обязательно угощали бузой или айраном. Гостю, приехавшему больше чем на полдня, обязательно устраивали «кърманлыкъ». Жертвенное животное, предназначенное для этого обряда, за два-три часа до убоя прекращали кормить. Перед тем как зарезать животное, на балкарском или арабском языке произносили молитву, затем клали его так, чтобы голова была повернута в сторону юго-запада, а рога — на юго-восток. Молитва эта звучала примерно так: «Бисмилляхий, рахман уррахим! Халал эм къабыл кърманлыкъ болсун. Минг паллахны башын кессин. Алгъышла бизге жетсинле, къаргъышла керн кетсинле. Дуннягъа тынчлыкъ аллах берсин, сюмегенлерибиз суйгенлей аллах этмесин, залимликге онг берсемин. Аллаху экар!» — «Начинаю именем бога! Чтобы жертва эта была принята, чтобы избавила нас от тысячи неприятностей, чтобы тосты восхваления сбылись, а проклятия обошли нас. Чтобы всему миру бог дал спокойствие, чтобы был на стороне доброжелателей и чтобы угнетателям закрыл дорогу. Да будет так, о аллах!» Кровь жертвенного животного обязательно сначала собирали в чистую посуду, затем выливали в яму и зарывали⁹.

Если гость был мужчина, его обслуживал сам хозяин или его сын. Они должны были развлекать гостя и «всячески ему угождать». Вот как описывает церемонию обслуживания гостя у балкарцев С. Давидович: «Прежде всего вам поднесут в большой деревянной чашке «айран» — превосходный молочный напиток вроде кумыса, но еще более освежающий и питательный. Затем вынесут низенький треногий стол и подадут баранину в разных видах: жареную, вареную и в заключенне бараний же суп»¹⁰. Приступать к еде первым должен гость, а затем «юй тамата» и остальные. Никто не имел права встать из-за стола раньше гостя. В разговоре участвовали только старшие и гость. После трапезы снова принесли тазик, кувшин с водой и полотенце для умывания.

⁹ Записано Д. М. Таумурзаевым и автором книги у ряда информаторов в сел. Кенже.

¹⁰ С. Давидович. В горах Кавказа. (Путевые очерки), стр. 26.

Если гость приезжал издалека, в кунацкую стекались родственники, ближайšie соседи, чтобы принять участие во встрече гостя и узнать о новостях. Во время разговора приезжий мог сообщить что-либо приятное, касавшееся родственника одного из присутствовавших односельчан или хозяина дома. В этом случае последние должны были обязательно сделать гостю подарок — «суйюнчюлюк». Балкарец не задумываясь мог отдать гостю все, что ему понравилось, несмотря даже на то, что сам крайне в этом нуждался. Таким был закон. И наоборот. «Гость должен подарить хозяину вещь, которая ему приглянется, хотя бы эта вещь была очень ценная», — читаем мы в одном из номеров «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа».

Прием гостя нередко создавал очень много хлопот для хозяев, так как не каждая крестьянская семья отличалась состоятельностью и не всегда могла найти необходимые продукты для угощения. Однако, «несмотря на жалкую обстановку сакли, нищету и бедность, — писал популярный советский географ С. Меч, — каждый старается окружить гостя таким материальным довольством, какое и сам он редко видит у себя дома». Помощь в этом оказывали родственники и соседи, так как «гость одного считался гостем всей патриимии» и даже селения. В предреволюционные годы ввиду усиленного процесса социального расслоения балкарского общества крестьянин, не рассчитывая на гостеприимство таубиев, искал его у людей своего сословия.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ЧЛЕНОВ ТУКУМА

Наибольшей устойчивостью в изучаемый период характеризовалась идеологическая общность тукума, нашедшая отражение в сохранении в памяти членов патронимии и «фамилии» единства своего происхождения от общего реального или легендарного предка, положившего начало их патронимии и его самоназванию. Если в XVII — XIX веках члены той или иной патронимии, «фамилии» сведения о своем предке получали непосредственно из уст, можно сказать, очевидцев — отцов и дедов, то представители современных балкарских фамилий, живущие в разных населенных пунктах, историю образования своих фамилий и патронимий знают лишь по легендам. Так, Али, Исмаил, Кандаур и Магомет Урусбиевы о прадеде Орус-Бие узнали от своего отца Чопелеу, а нынешние Урусбиевы Исмаил и Борис из Жанхотеко и Кичмалки, потомки Урусбиевых в Карачае могут рассказать о нем лишь по преданию, дошедшему до них от предков через семь поколений. К примеру, возьмем родословную Исмаила Урусбиева: Орус-Бий — Кучук — Чопелеу — Магомет — Мусос — Кучук — Дуук — Исмаил (см. схему 1).

Тау-Болат Курданов, первым из однукумцев переехавший из Безенги в Верхний Баксан, очевидно, лучше знал о родоначальнике своей патронимии Курдане, о его жизни еще в Грузии, причинах поселения в Безенги, нежели потомки в 9—10-м поколениях, уже коренные жители Баксанского ущелья. Но они четче представляют родоначальников своих ветвей — Байчо и Жаппе. Первый, по рассказам старожилов из Курдановых, славился на все общество как отличнейший охотник, второй был опытным овцеводом, умел лечить скот.

Старшее поколение тукумов позднего образования реально знает или знало своих предков (например, Черкесов Осман — Абрека, Атаев Азамат — Атая, Байкулов Юсуп — Ильяса, Уянов Батырша — Уяна и т. д.).

Генеалогические схемы и предания об образовании своих тукумов помнят Хуламхановы из Безенги, Гунделена, Белой Речки, Герпегежа, Советского, Нового Хамиде и Хасаньи, Мусукаевы из Гунделена, Верхнего Чегема, Лашкуты, Заюково, Новой Балкарнии и Хасаньи, Османовы из Герпегежа, Верхней Жемталы, Верхней Балкарнии, Терскола, Бабугента, Лашкуты, Гунделена и Вольного Аула, Атабиевы из Белой Речки, Бабугента, Верхней Балкарнии, Гунделена и Безенги и др.

По словам Ю. И. Чочаева, родоначальником их фамилии¹ был Чочай, выходец из Дигорского ущелья. Двое его братьев Цора и Мза положили начало Цоравым в Ишканы и Мизиевым в Думале.

✓ Глашевы, Мирзоевы и Этезовы ведут свое начало от двух родных братьев — Гымжи и Глаша, тоже из Дигории, в свое время переехавших в Балкарнию. От одного из сыновей Гымжи — Этеза пошла патронимия Этезовых, а от внука его Мырзы (сына другого его сына — Индырбая) — тукум Мирзоевых. Глаш же стал родоначальником Глашевых. Потомки Глашевых и ныне живут в Черекском ущелье (Советский район), Этезовых и Мирзоевых — в Чегемском (Чегемский район).

Представители разных народов, патронимий, «фамилий», переселяясь из одного места в другое, в основном сохранили память о своих предках и до сих пор поддерживают родственные связи. Лечинкаевские Кушховы встречаются с гунделеновскими родственниками Чеккеевыми, некоторые из Ахматовых с чегемскими и заюковскими Ахметовыми, имеющими отношение к их атаулу. Информаторы кабардинец Кушхов Цука Караевич (1877 г. р., сел. Аушигер) и балкарец Уянаев Баттал Карамырзаевич (1876 г. р., сел. Советское) рассказали, что потомки Кара, основателя патронимии Кушховых, никогда не прерывали родства с Уянаевыми. Они и сейчас посещают друг друга. Кучменовы-кабардинцы из Шалушки находятся в близких отношениях с Кучменовыми-балкарцами из Хасаньи и Безенги. Интересно отметить, что в настоящее время в Шалушке живут на

¹ Информатор имеет в виду фамильное имя.

одной из улиц и являются буквально соседями Кучменовы-кабардинцы и Кучменовы-балкарцы, потомки одного общего предка из Хулама. Урванские Эльмесовы считают себя родственниками хуламских Ольмесовых, белореченские Аншоевы — Темиркановых и Артабаевых из Исыгансу, заюковские Кулневы — Кулневых из Верхнего Чегема, Жаппуевы из Верхнего Чегема — Жаппуевых из Кылды, нижнечегемские и гунделеновские Жабеловы — Джибиловых из Зольского.

Наиболее ярко идеологическое единство патронимии проявлялось в ее наименовании, происшедшем от собственного имени основателя тукума или его потомков. Поэтому нельзя полностью согласиться с С. Н. Поповым, считавшим, что «по фамилиям кварталов можно судить о родоначальнике данного рода»².

Вопрос, касающийся наименования патронимии и «фамилии», затрагивает и вопросы генезиса этой родственной организации. Так как патронимическое имя как характерный признак группы родственных семей не могло существовать с тотемическим наименованием рода одновременно, можно еще раз заключить, что патронимия возникает с распадом первобытно-общинного строя. Проявление идеологического единства патронимии в самоназвании было характерно для многих народов Кавказа.

Наименование тукума в основном происходило от родоначальника, но имя патронимии могли дать, как уже говорилось, и его потомки — сыновья, внуки, правнуки. Так, родоначальником Уяновых из Шики был Уян, Улаковых, Хазнаевых и Эльжерукаевых из Гунделена — соответственно Улак, Хазна и Эльжерука (Эльжорка), Бегиевых из Ишканти — Бегн, Шахмурзаевых, Жазаревых, Эттеевых и Аккубековых из Чегемской сельской общины — Шахмурза, Жазар, Этте и Аккубек, Отаровых, Ахматовых, Малкаровых, Хаджиевых и Будаевых из Урусбиевского общества — Отар, Ахмат, Малкар, Хаджи и Будаи.

Нередко название за патронимией закреплялось от имени человека, при жизни прославившегося или чем-то выделявшегося среди членов тукума. Родоначальником тукумов Урусбиевых и Сююпчевых (Суншевых) считается Глын-Хан, а их патронимические имена взяты у его

² С. Н. Попов. Пешком по Карачаю. Ростов н/Д, 1931, стр. 18.

потомков Орус-Бия и Сююнча, живших после него через шесть поколений (схема 1). Основателями патронимии Жанатаевых являются Шеша, Мамме и Тукун, имя же ей дал внук Шешы — Жанатай. Патронимическое имя Кучуковых идет не от родоначальника патронимии, а от его правнука — Кучука (схема 2). За патронимиями и «фамилиями» закреплялись имена потомков их основателей по той причине, что они или в каких-то чертах превосходили родоначальников (считались хорошими организаторами, были хваткими в хозяйстве, отличались храбростью, умом), или в связи с переселением на новые места жительства, где обычно через два-три поколения односельчане считали основателем патронимии человека из данного тукума, впервые приехавшего в этот населенный пункт. Так, от Жаппу и Тенни, после смерти их отца — Темиржана переехавших в Баксанское ущелье, стали называться тукумы Жаппуевых и Тыловых, хотя известны имена и других их предков: отец Темиржана — Карабока, дед — Жантемир, прадед — Апу, прапрадед — Тенни. У Урусбиевых предками Орус-Бия и Сююнча были Басханук, Алхас, Мырзакул, Кандаур, Алтут-Хан, Глын-Хан, у Жанатасовых — Болат и Шеша, у Паршаевых — Ахтол, Гуюнук, Атци, Етци, Когулук и т. д.

Известны по три предка у Байкишиевых, Текаевых, Киштиковых, Болатовых, Токуевых, Зарашаевых, по два у Гергоковых, Тогузаевых, Додуевых, Чеккеевых, Каркаевых.

До конца XIX — начала XX века дошли только наименования более поздних патронимий, куда входили в основном выходцы из более древних тукумов, о которых известий не сохранилось, кроме отдельных ближайших к нам по времени имен и по прямой линии.

Тукум мог получить имя не только от родоначальника и его потомка, но и по их кличкам, профессии и ремеслу, которым они занимались, по имени жен и матерей.

Существительные множественного числа в именительном падеже, будь то кличка или имя основателя тукума и его потомка, с прибавлением к ним тюркских суффиксов -ланы, -улу, -лары составляли наименование структурных элементов балкарской патронимии. У осетин таким окончанием было -та, у армян — -ан, -янци, абхазцев — -ипа и т. д.

√ Гудуевы, до революции жившие в пос. Жора и Верхдем Актопраке Чегемской сельской общины, являлись потомками человека, сбежавшего после уличения в краже из Верхнего Кюннума. «Гуду» по-балкарски — вор. От кличек произошли наименования тукумов Куршаевых, Бешбашевых, Калабековых, Эбзеевых, Кюйгеновых, Таипасхановых, Кумуковых и Анаевых из Чегемского ущелья, Мусуковых, Эльсуеровых или Чабыровых, Карачаевых, Кахармановых, Токлуевых, Аккуловых, Эхчисвых, Иттиевых, Сабановых, Гызыевых, Уянаевых, Бийногеровых, Таулуевых, Тогузаевых, Жангуразовых — из Балкарни, Конгуровых, Жантуевых, Халалкуловых, Геляховых — из Хуламского общества, Тузлуевых и Туарчиевых — из Урусбиевского.

Жантау — так звали одного из членов хуламской патронимии Бекболатовых. Потомки Жантау, после столкновения, которое произошло между ним и Омар-Бием Шакмановым, стали Жантуевыми.

Байкуловы из Нижнего Чегема ведут свое название от Бай-Кул — клички мальчика, украденного кем-то в Чечено-Ингушетии у Уштухоевых и выращенного и воспитанного Жантуевыми. Настоящее его имя Ильяс.

Будущий основатель тукума Улаковых (информаторы не помнят его настоящего имени), поссорившись как-то с хозяином, нагрубил ему и бросился бежать. За ним вдогонку погнались работники хозяйна, но напрасно. Он, ловко перепрыгивая с уступа на уступ, быстро поднимался по склону горы. Один из наблюдавших за ним внизу с восхищением произнес: «Кийик улакъ» — «горный козленок». От прозвища «улакъ» пошли Улаковы.

Прозвище в названии тукума закрепилось и за Геграевыми из Чегемского ущелья. Легенда рассказывает, что в Думалу с торговыми целями часто приезжали люди из Грузии, Кабарды и Осетии. Однажды маленький Батыр из тукума Жанаевых, пробегая, схватил у одного из грузинских торговцев горсть сушеных яблок, и тот ему крикнул вслед что-то наподобие «гегра». Это слышали некоторые из односельчан. Со временем так стали звать мальчика.

Патронимическое имя Шекеровых восходит к тукуму Акбулатовых из Кёкташа. Информатор Шекеров Мусса Гасияевич (1905 г. р., сел. Нижний Чегем) рассказывает, что его дед Мырзакул и бабушка Шекер разошлись по вине деда. Мырзакул женился на женщи-

не из своего села, а Шекер с детьми уехала в Тегенекли соседнего Урусбиевского общества и там через год вышла замуж за Динаева. Один из сыновей Шекер, став совершеннолетним, решил возвратиться в Чегемское ущелье и поселиться в Актопраке. Там он купил небольшой участок земли у Беккиева Токмака, построил дом, обзавелся семьей, но название своему тукуму он дал Шекеровы, по имени своей матери.

От Мисир Хасаовой, отличавшейся самостоятельностью и крутым нравом, берет свое имя тукум Мисировых. Это произошло после смерти ее мужа Тотрука, являвшегося дядей родоначальников Сарбашевых, Карчасвых и Тауболатовых.

Фамильное имя Хаиркизовых из Нижней Жемталы происходит от патронимического имени женщины Хаир-Кыз. Четыре поколения назад, неизвестно по какой причине, Деса Саласкиров вместе с женой Хаир-Кыз Умаратовой и сыном Байрамуком уехал из Буйнакса и поселился в Верхнем Кюниюме. Не успели они еще устроиться в селе, как Деса умер, и Хаир-Кыз с сыном перебралась в Нижнюю Жемталу, где ее имя и закрепилось за сыновьями и внуками. Эдокова Кара-Кыз дала имя тукуму Каракизовых, в прошлом живших в Думале, а сейчас в Хушто-Сырте. То же произошло с Ханизаевыми и Элиштиновыми. Имена женщин-родоначальниц были даны также тукумам Каркаевых и Аккиевых (Аккылары).

Патронимии, образуемые в Кабарде, Осетии, Грузии, Карачас, могли называться, как и в Балкарии, тем же именем, прозвищем и т. д. Например, в Кабарде: Аппосевы, Ахкубековы, Озермеговы, Балкаровы, Бегиевы, Биттировы, Бозиевы, Дугарлиевы, Жабоевы, Ольмезовы, Кушханашховы, Сокуровы, Чегировы — все из Зарагджа, Байсиевы, Балкаровы, Бегиевы, Бозиевы, Бозасевы, Гутаевы, Жеккесевы, Зашакуевы, Замоевы, Сокуровы, Суйдимовы, Маметовы — все из Нижней Жемталы, Безиловы, Гудуевы, Бегиевы, Карчаевы, Маммеевы — из Псыгансу, Ахметовы, Жангериевы, Кушховы, Кушхакановы — из Баксаненка, Кушхатлоковы, Кушхабиевы, Атабиевы, Бакуевы, Кушховы, Гузиевы, Тебуевы — из Кызбуруна I, II, III и т. д.

Али Шумахович Улигов (1874 г. р.) рассказал, что его прадед Хажмет был родом из нигушских Мержосых. В Нижнем Курне (до революции—Ахलो), где

он поселился, за честность и удивительную порядочность односельчане стали называть его «Улидж», ставшее впоследствии патронимическим именем Улиговых из этого села и Верхнего Акбаша.

Задолго до крестьянской реформы выкупились из крепостной зависимости Есен-Кул, основатель патронимии Есенкуловых. Мы предполагаем, исходя из имен родоначальника патронимии, его сына, внука и даже правнука, что корни Есенкуловых восходят к какому-то тюркскому народу.

В Балкарии встречались тукумы и «фамилии», семьи которых носили несколько патронимических имен, но являлись потомками одного родоначальника. Так, в Черекском ущелье от одного корня, от родных братьев Индырбая, Куду и Тотрука, берут начало Сарбашевы, Карчаевы, Тауболатовы и Мисировы. Все они сначала жили в одном месте, представляя одну патронимию. В сел. Булунгу тукум Тапнасхановых, который несколько раньше выделился из Жабоевых, включал в себя родственные семьи, которые делились еще на четыре родственные патронимии — Макитовых, Кюйгеновых, Аккизовых и Акбулатовых. Первое время, когда речь заходила о Кюйгеновых или Аккизовых, обязательно говорили из какого тукума, в данном случае — Тапнасхановых.

Прапрадед нашего информатора Алтуева Салыка Кашневича (1877 г. р.) — Додуев жил в Шикп. Разыгравшаяся ссора заставила Додуевых покинуть это село. Один из членов тукума Додуевых — Муса устроился в лесистой местности Черекской сельской общины «Уллуюз». Семьи двух сыновей Мусы — Жансоха и Салескера стали именоваться Алтуевыми. Из «фамилий» Мусуковых образовались патронимии Хочуевых, Генандруковых и Кыртаевых. В Черекском ущелье, в сел. Тура-Хабла, Таукеновы выделились из своей среды Маммеевых, которые остались там, а также Сокуровых и Забеевых.

По разным причинам тукум коспартинских Гуруевых распался на четыре родственные патронимии — Шукеевых, Гасиевых, Жеккеевых и Туменовых. Название Гуруевы с образованием этих патронимий исчезло. В Мукуше Мокасы делятся на Шунгаровых, Кубадиевых, Каркаевых и Акпиевых.

В Балкарии известны случаи замены, по тем или иным причинам, патронимического имени новым и вооб-

ще его исчезновения. В Хуламе патронимические имена Бекболатовых и Терболатовых исчезли и появились новые — Махиевых и Қонаковых. Уехали из Чегет-эл Исмаил и Идрис Хазгериевы, единственные представители этого тукума. В Черекской сельской общине расчищенным земельным участком братьев Қонакбаевых хотели завладеть таубин Жанхотовы (Занхотовы). В результате произошло убийство одного из членов тукума последних. Охрана и подвластные Жанхотовых нагрузили братьев Қонакбаевых корзинами с камнями и отправили в Чегет-эл, центр сельской общины, на общенародный суд. Встречавшиеся им на пути люди с усмешкой называли их «къадырла», что переводится как мулы. С тех пор они и стали Кадыровыми.

В Чегемском ущелье Солтановы явились прародителями Жанаевых и Геграевых. Основатель тукума Солтановых Магомет имел шестерых сыновей — Махмута, Биляла, Қайсына, Локмана, Батыра и Жашу. Пронесшаяся в те далекие годы над Чегемом чума из всего тукума пощадила лишь его старшего сына — Махмута. Через три поколения, при жизни правнука Махмута — Локмана, чума снова опустошила села Чегемской сельской общины. Видимо, чтобы «скрыться» от преследования болезни, Локман изменил имя тукума на Жаналары (Жанаевы). Третий раз наименование тукума на Геграланы (Геграевы) заменил внук Локмана — Батыр.

Матуевы, среди которых сегодня встречаются и балкарцы и кабардинцы, происходят из тукума Езюковых, Боташевы и Калдановы — из Отаровых, Юсуповы — из Эфендиевых, Бабаевы — из Атабиевых и т. д.

Но в большинстве своем отдельные представители, семьи и даже группы семей, переехав на новые места жительства и создав там самостоятельные патронимии, не меняли своего прежнего тукумного имени. Так, Атакуевы, переселившись во второй половине XIX века из Булунгу в Гунделен, считают, что ветвь, оставшаяся в Верхнем Чегеме, является основой всей фамилии Атакуевых. Несколько позже из Хулама в Гунделен и Белую Речку перебрались Бачиевы, но главенство признают за ветвью, живущей в Хуламо-Безенгийском ущелье. Не поменяли своего патронимического имени и Ахметовы из Чегема II и Заюково, вышедшие из шашбоватовских Ахматовых.

В Балкарии, Кабарде, Осетии название патронимии часто распространялось и на наименование поселка,

вытесняя эпоним местности. В Урусбиевском обществе тукум Байдаевых, обосновавшийся в местечке Койсюрюльген, в XIX веке дал название поселку Байдаевский, тукум Башневых, располагавшийся в местечке Зарашки Черекского ущелья, - поселку Башиевскому, тукум Бичеловых в Хычыугене Чегемского ущелья — поселку Бичеловский и т. д.

Распространение названий какого-либо тукума на название многотукумного поселка, как уже отмечалось, являлось в основном результатом относительно раннего заселения местности представителями того или иного тукума, именем которого он впоследствии и назывался, или же это зависело от политического и экономического могущества этой патронимии.

Девяносто восемь процентов современных балкарских фамилий носят свои патронимические имена, происшедшие от их предков. Память о предке, как мы видим из материалов восстановленных нами генеалогий, сохраняется членами современных фамилий до 10—12-го поколений. Представители некоторых фамилий помнят и более отдаленных своих предков. На сессии, посвященной происхождению балкарцев и карачаевцев, У. Б. Алиев сказал, что для современных карачаевцев и балкарцев и их предков характерно строгое наследование тукума-«фамилий» — по имени родоначальника.

Кроме всех перечисленных случаев, идеологическое единство тукума проявлялось также в совместном проведении различных семейных, патронимических, фамильных и общинных праздников и торжественных мероприятий, а также похорон.

В Балкарии считалось законом, чтобы все члены тукума собирались в праздничные дни к «общему котлу».

Вся сельская община, каждое село, отдельные патронимии отмечали в марте весенний праздник — «ашыра жырна». Начиналось празднование в доме одного из членов тукума, затем переходило на улицу. Женщины варили кукурузу, предварительно обработав зерна, и раздавали ее односельчанам. С раннего утра до позднего вечера в селе были слышны радостные крики, смех, играла музыка, устраивались танцы. Старожилы рассказывают, что этот праздник бытовал в балкарских селах еще в конце 30-х годов нашего столетия.

Патронимическими и общесельскими считались праздники «сабан аш» или «сабанга чыгыу» —

«праздник пахоты», который длился в течение пяти-шести дней. Поскольку участки членов тукума, патронимий и «фамилий» располагались смежно, однотукумцы устраивали празднование вместе. В небольших населенных пунктах, особенно в тех, где пахотные земли односельчан находились на близком расстоянии друг от друга, в празднике участвовало все население. Праздник пахоты «сабан аллы той» отмечали вместе те, кто входил в трудовое объединение. В день, когда намечалось приступить к пахоте, сначала дома, а затем прямо рядом с «сабанами» устраивали веселье. Юноши соревновались в силе и ловкости: боролись, толкали камни, участвовали в скачках. Девушки пели и танцевали. Победителей состязаний, лучших певцов и танцоров награждали призами из общего вклада, предварительно сделанного всеми жителями села. Затем старший в селе человек произносил тост, после которого начинали пахать.

Описание подготовки к празднику сенокоса и самого праздника, очевидцем которого он был, оставил В. Я. Тепцов. К сенокосу готовятся целую неделю, писал он. Молодежь веселится, бродя с гармоникой и песнями по аулу. Старшие налаживают косы, грабли, вилы, едут на базары за необходимыми покупками. Старики на сходах определяют день начала сенокоса. И вот наступает этот желанный момент. Весь «аул подымается в поход с песнями, скачкой, кто пешком, кто верхом».

Перед стрижкой овец устраивался праздник «кыркъар».

Радостным и необычным событием в балкарской семье, патронимии и «фамилии» считалось рождение ребенка. Рождение мальчика ознаменовывалось выстрелами с крыши того дома, где это произошло. О появлении в семье и патронимии нового человека прежде всего сообщали старшей женщине тукума и свекрови, а затем всем остальным родственникам. Тому, кто принес радостную весть, принято было дарить подарки. В семье, где родился ребенок, устраивалось торжество — «сабий той», которое продолжалось до трех дней. Родственники, соседи, односельчане с подарками приходили поздравить семью с рождением ребенка³. В торжестве участвовали

³ Кстати сказать, с рождением первого ребенка происходили некоторые изменения и в семье. Молодая женщина становилась более свободной и полноправной в семейном коллективе, отменялся обряд молчания — «тилтутхан».

только женщины — члены патронимии, «фамилии» и соседки. Таматой избиралась женщина, перерезавшая пуповину ребенка. Через неделю новорожденному давали имя — «ат атау» и снова устраивали небольшое торжество. Имя ребенку давала, как правило, одна из старших женщин — членов тукума. По словам информаторов, праздник, связанный с рождением ребенка, к 20 — 30-м годам XX века утратил свое широкое значение и стал в основном семейным. Все члены патронимии, «фамилии», соседи участвовали в нем в том случае, если в семье долго не было ребенка или его появление было связано с трудностями и опасностями для роженицы. Если раньше члены тукума дарили баранов и что-либо из крупного рогатого скота, то теперь — лишь необходимые вещи для матери и ребенка.

Родственники принимали участие в проведении такого обряда, как обрезание, — «суннет». Суть его состоит в удалении крайней плоти у мальчиков двух-трех лет. Заимствован он исламом из культов древней Аравии. Если в древности этот обряд, наравне с некоторыми другими, рассматривался как жертвоприношение богам, чтобы их умилостивить, то с утверждением мусульманства — как признак «истинности мусульманства»⁴. До революции муллы, с целью запугивания придумывая всяческие легенды, постоянно внушали народу, что необрезанных как неполноценных существ покарает бог. Обряд обрезания у балкарцев был широко распространен. Для его проведения в определенный день детей собирали во дворе старшего патронимии или «фамилии», приглашали муллу, который за большое вознаграждение и совершал обряд. После этого ребенок, по обычаю, считался очищенным — «халал кьоллу» («с чистыми руками»). Ему теперь с возрастом будет дозволяться зарезать животное или птицу, с ним будут считаться, относиться с уважением. Затем устраивалось шумное многолюдное веселье с участием родственников и соседей, проводились всевозможные состязания и игры.

Из-за антисанитарных условий проведения этого обряда нередко случалось, что дети умирали: бритва «жюлгюч», которой делали операцию, не всегда была достаточно чистой, ранку обрабатывали лишь соком лопуха — «мант башы» и золой березовой коры —

⁴ См.: Х. Якулатов, А. Тазетдинов. В чем вред обрядов и праздников ислама. М., 1960, стр. 29.

«къайын къабукъну кюлю». С установлением Советской власти этот варварский обычай, распространенный у народов Средней Азии, Кавказа, Татарии, постепенно искоренен из жизни.

Активное участие родственники принимали в свадьбе, и проявлялось это уже с самого начала данной процедуры — с выбора кандидатур жениха и невесты. Молодой человек поверял тайну о намерении жениться одному из ближайших родственников. Этот вопрос обсуждался сначала на семейном совете, затем среди старших родственников. После акта обручения «брачующиеся стороны начинали оказывать друг другу определенное внимание»⁵, т. е. посещали друг друга, обменивались подарками. За неделю до свадьбы члены тукума включались непосредственно в ее подготовку. Обычно на третий день после свадьбы родственницы со стороны жениха шли к невестке для совершения обряда осматривания лица, они поздравляли и одаривали ее. Покрывало с лица молодой снимала маленькая девочка, которой тут же дарили шелковый платок. Группа женщин со стороны жениха отправлялась также в дом невесты, родители которой должны были каждой из них подарить или отрез на платье, или платок.

При возвращении домой молодого супруга, который, по обычаю, во время свадьбы находился у кого-нибудь из родственников или из друзей, члены патронимии и «фамилии» выделяли и дарили ему что-либо из своего имущества, при этом считалось, что из этих подарков закладывалась основа хозяйства вновь созданной семьи.

Члены тукума в обязательном порядке поддерживали друг друга во время голода, эпидемий, болезни. Если кто-либо из однокумцев заболел, его ежедневно навещали, приносили подарки, подбадривали. Д. Маргнани в этом плане писал о сванах и других горцах Кавказа, что, когда кто-либо заболел, все родственники и соседи спешили навестить больного. При этом принято было приносить араку, курицу или что-либо другое. Балкарские легенды рассказывают, что во время чумы, повально умирая, члены патронимии, чтобы сохранить корни своей фамилии, старались спасти оставшихся: уносили или увозили их подальше от очагов опасности. В мо-

⁵ С. Ш. Гаджиева. Брак и свадебные обряды кумыков в XIX—начале XX века. — УЗИИЯЛДФ АН СССР. Махачкала, 1959, стр. 256.

менты случавшихся несчастий проявлялась общинная солидарность. Этот обычай, возникший еще в первобытно-общинном строе, являлся одной из характерных черт этических норм жителей балкарской сельской общины.

Идеологическая связь членов балкарского тукума выражалась и в том, что каждый тукум имел на общем кладбище свой участок — «къябыр юлюш»⁶, в некоторых случаях большим тукумам могли принадлежать целые кладбища. Отдельные кладбища — «тукъум къябырла» имели патронимические поселки. В Балкарии до сих пор сохраняется обычай, в силу которого в случае смерти одного из родственников в другом месте его хоронят на тукумном участке сельского кладбища. Однако этот порядок соблюдается не во всех селах. Законом для всей Балкарии является тот факт, что в похоронах принимают участие все родственники, независимо от того, где они живут.

Члены патронимии оказывали друг другу не только материальную, но и моральную помощь. По обычному праву балкарцев, в похоронах должна была участвовать вся «фамилия». О смерти одного из членов тукума тотчас же оповещали всех родственников. Это делалось еще и потому что, по обычаю мусульман, похороны должны состояться в день смерти человека. Если смерть наступала вечером, хоронили к полудню следующего дня. Покойника клали в отдельной комнате с закрытым лицом. Во дворе собирались односельчане, родственники из разных сел и ущелий, друзья, товарищи, говорили об умершем, его делах, жизни, о причине его смерти. Дом и двор тщательным образом убрали, во дворе ставили скамейки — «дуачылагъа» для мужчин, женщины находились в одном из больших помещений.

Психологический склад народа, сформировавшийся в нелегких для жизни условиях гор, и существовавшие столь долгое время пережитки родового строя явились основными причинами, оказавшими непосредственное влияние на наличие тесного общественного единства

⁶ Убедительное свидетельство тому надписи на надмогильных плитах — «сын ташла» на кладбищах различных балкарских сел. Плиты представляют собой обработанные из туфового камня («къяйын таш») памятники высотой до двух метров, шириной 40—45 см и толщиной до 20 см. «Сын ташла» напоминают человеческие фигуры.

балкарцев даже в период распада большой семьи и патриимии.

В день смерти ближайшие родственницы устраивали оплакивание покойника. При исполнении этого обряда учитывалась степень родства и возраст участвовавших в нем женщин. Так, судя по рассказам старожиллов, родственницы любой степени родства обязательно исполняли обряд оплакивания. Участвовали в нем и те женщины неродственницы, в жизни которых и их семей умерший играл определенную роль. Девушки, кроме самых близких родственниц, в обряде оплакивания участия не принимали. Они находились в отдельной от женщин комнате. Не касался обряд оплакивания и беременных женщин. «Плакали» одна-две женщины по очереди, остальные поддерживали «плач». При этом они обращались к тому, что явилось причиной смерти человека, упрекали бога за то, что он преждевременно унес из жизни человека и что он иногда допускает несправедливость: «Бу аллахха биз быллай бир не хата этген эдик» — «Что плохого мы сделали этому богу, чтобы его так разгневать». Окружавшие плакальщицу женщины говорили: «Асы болма» — «Не богохульствуй» или «Тобагъа къайыт» — «Не гнечи бога».

Покойника балкарцы, как правило, хоронили в день смерти. Определенные люди — «жууучу» или духовные лица обмывали тело умершего на специальной доске — «жууучу къанга» и заворачивали в саван — «кебиш». Обычно еще при жизни человек или завещал или при случае в разговоре с родными мог выразить пожелание, чтобы после смерти его обмыл тот или иной человек. Мужчина завещал провести этот обряд — «жууу» кому-либо из мужчин, женщина — женщине. «Жууучу къанга» устраивалась таким образом, что вода, стекая, попадала в подставленное для этого ведро. Затем воду выливали подальше от жилья и от места нахождения животных.

Интересен такой этнографический факт: если человек неоднократно предупреждал своих близких, чтобы на его похороны не допускали кого-либо из родственников, его просьбу исполняли.

Перед выносом покойника, когда он уже лежал на «сал басыхч» (подобие носилок), все родственники прощались с телом близкого им человека. Затем его выносили головой вперед и клали посередине двора.

«Тукъум башы» или эфенди говорил несколько слов «напутствия», соответствовавших данному церемониалу, — «жаназы». Далее всеми религиозными обрядами похорон руководил только эфенди.

На кладбище, которое обычно располагалось на краю села⁷, на солнечной стороне, умершего несли близкие родственники — мужчины на «сал басхыч». Женщинам категорически запрещалось присутствовать на кладбище во время похорон, поэтому они прощались с покойником еще дома. По мусульманскому обычаю, умершего клали на правый бок, головой в сторону юго-запада, лицом на юго-восток. Для женщин рыли более глубокие могилы, чем для мужчин, их и обматывали саваном в 7—9 слоев, а мужчины только в 3—4. Это делалось, по воззрениям народа, для того, чтобы женщины не боялись, так как они слабые и беззащитные существа и больше подвержены страху. В одной из песен, записанной Д. М. Таумурзаевым, поется: «Къызлай ёлген къоркъакъ болады. Къабырымы терен къазыгъыз» — «Девушкой умершая трусливой бывает. Копайте могилу поглубже мою».

В день похорон родственники — члены тукума и соседи для семьи покойного приносили деньги. После похорон соседи и односельчане снова возвращались в дом покойника: женщины выражали соболезнование — «къайгъы сёз» ближайшим родственникам и членам семьи, мужчины же исполняли в это время обряд «дуа» (моление об усопшем). Родственники — члены атаула находились здесь в течение четырех-пяти дней.

На второй день вечером женщины — родственницы и соседки — посещали дом, который постигло горе, со специальным ужином, посвященным покойнику. Приношение принимали близкие родственники умершего и посуду возвращали пустой (в таких случаях нельзя было ничего выносить из дому). На третий день обряд «дуа» заканчивался, а вечером этого же дня проводили «знкир» (трехчасовое песнопение молитв старикам и старухам). После «дуа» члены семьи умершего резали скот (одну голову крупного рогатого скота трехлетнего возраста и 4—5 баранов) для раздачи мяса бедным и нуждавшимся

⁷ В настоящее время в связи с расширением сел кладбища во многих из них оказались в пределах населенных пунктов (например, в Гунделене, Нижнем Чегеме, Советском, Верхней Жемтале и т. д.).

ся («ысхат») в той части села, где их дом. «Деур» (главным образом, деньги), предназначавшийся якобы для искупления грехов покойного, давали тем, кто принимал участие в обряде «жаназы» (проводится на кладбище непосредственно в момент похорон). Подобные расходы на похороны как в прошлом, так и сегодня тяжело сказывались и сказываются на состоянии семьи. С этими пережиточными явлениями должна вестись и ведется серьезная борьба.

Согласно суеверным представлениям балкарцев, покойники не теряли связи с живыми членами тукума поэтому родственники не должны были их забывать и устраивали на третий, сороковой день «къыркъ кюнлюк аш» и через год «жыллыкъ ашы» — поминки.

В доме, где умер человек, три дня не действовал очаг, не готовили пищу, мужчины не брились и не работали. Еду приносили соседи или дальние родственники. Через некоторое время один из ближайших родственников — членов «тийре» просил всех о снятии траура.

До «сорокового» дня должны были закончить раздачу личных вещей умершего — «жууунчугъа бериу» тем, кто его омывал, готовил к похоронам, а также друзьям и родственникам. Вещи можно было принять или отказаться от них, и это не считалось предосудительным.

Ношение траура — «къара кийген» зависело от близости родства к умершему; семья умершего не отмечала никаких торжеств и праздников в течение одного-полутора лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, тукумами в Балкарии конца прошлого столетия именовались: коллектив родственных семей — патронимия и более широкое родственное объединение — «фамилия». В этнографической литературе, как дореволюционной, так и советской, тукумом считался род, и в свое время, когда род и родовые общины еще существовали в Балкарии, этот термин действительно выражал данную форму организации людей. Но начиная со средневековья смысловая нагрузка его несколько раз менялась: под тукумом понималась семейная община, патронимия, «фамилля», в сегодняшние дни — это современная фамилия.

Генезис первых балкарских патронимий восходит ко времени сегментации патриархальных семейных общин в конце XIII — начале XIV века, т. е. к тому периоду, когда в Балкарии исчезает род. К сожалению, в некоторых работах нашего времени встречается утверждение относительно того, что в конце XIX — начале XX века в горной местности имели место родовые поселения, при этом авторы ссылаются на авторитетные дореволюционные источники, к которым, на наш взгляд, следует подходить с точки зрения современного развития этнографической науки. Внимательное прочтение трудов М. З. Кипиани, Б. Далгата, Н. П. Тульчинского, материалов Абрамовской комиссии, работ выдающихся исследователей конца прошлого столетия В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского, описывавших балкарские патронимические села, приводит к выводу о том, что они не имели в виду (и не могли иметь в силу своей научной эрудиции) действительно первобытный род в классическом его понимании, когда употребляли термин «род». Мы считаем это тер-

минологическим недоразумением. В настоящем исследовании на примере Баксанского ущелья нам удалось наглядно проследить процессы образования, контактирования и взаимовлияния больших семей, патронимий, «фамилий» в системе отношений сельской общины.

Дальнейшее развитие патронимии, ее трансформация в течение нескольких веков привели к тому, что в конце XIX века и в предреволюционное время она состояла уже или из больших семей отцовского типа и из малых семей, или же только из малых. Процесс исследования еще раз подтвердил мысль, высказанную нами в ранних публикациях, что в среднем в Балкарии этого времени насчитывалось 39 процентов больших семей.

Члены древних тукумов в первоначальный период развития последних еще ясно представляли себе материнскую семейную общину. В дальнейшем рост числа семей в патронимии, появление новых ветвей — атаулов привело к тому, что ее основатель стал восприниматься как легендарное лицо. Но поскольку патронимии возникали и в XV, XVI и XIX веках, то их представители этого периода — образования «айырылгъан къарындаш» и первых семей атаулов хорошо помнили или по рассказам отцов знали о своем родоначальнике. Эти родственные патронимии образовывали более широкие объединения — «фамилии». В Баксанском ущелье, как свидетельствуют данные, появление «фамилий» и создание поселков Урусбиевского общества происходило одновременно. Вполне вероятно, что возникновение ранее в балкарских ущельях населенных пунктов, приводившее к различного рода социальным и прежде всего экономическим взаимоотношениям между населением этих сел и поселков, т. е. к созданию новых образований, но уже по принципу территориального объединения сельских общин, относилось ко времени появления и «фамилий».

Необходимым условием существования патронимии являлась компактность поселения родственных семей, члены «фамилии» жили в разных местах. Как коллектив и организация тукум имел свои органы управления, выражавшиеся в форме совета патронимии, руководимого главой — «тукъум башы», и общую территорию. Переселение части патронимии, одной ее ветви или просто семьи на новое место жительства рождало сразу же или со временем родственную, но все же новую, хотя, может быть, и с тем же наименованием, патронимию.

В кварталах балкарской патронимии — «тиире» наблюдалось не видимое для постороннего взгляда деление на более узкие и широкие родственные подразделения — атаулы и «айырылгъан къарындаш». Это были структурные элементы тукума, а не несколько «меньших патронимий», как считают некоторые исследователи. Действительно, у каждой из таких крупных патронимий одна глава, общее место патронимического схода, чаще они занимали один квартал, т. е. их характеризовал локальный принцип поселения.

Материалы исследования дают возможность гораздо глубже проникнуть в суть социально-экономической жизни дореволюционной Балкарин. Если в первоначальной стадии развития патронимии ее характерной и определяющей чертой была экономическая общность семейных общин, то со временем она утратилась, и сохранилась лишь частичная связь. Так, во всех обществах Балкарин к 1917 году только 22 мельницы считались патронимическими, и то принадлежали они в основном одному какому-нибудь атаулу или разделенным братьям. Более стойко бытовали обычаи нрава родового выкупа и права предпочтительной покупки, левирата, взаимопомощи, таврения и нанесения меток скоту патронимической и фамильной тамгой или меткой.

Тукумы именовались прозвищами или именами их основателей, или же сыновей и внуков последних, или кого-либо из других потомков. В качестве наименования могли быть взяты также названия профессий, ремесел, имена матерей, жен. Сохранение в памяти, помимо патронимических названий, имен предков — основателей патронимии и «фамилии» говорит о том, что до конца XIX века в основном дошли названия поздних патронимий, члены которых были выходцами из их предшественниц, т. е. родословные балкарских «фамилий» включают в себя немало ранних имен. К ним относятся Сююнч, Темир, Таш, Кучук, Куначи, Алтын, Сакал, База, Етци, Итляр, Атци, Когулук и многие другие, которые встречаются в работах Иордана, В. Г. Тизенгаузена, Бартольда и И. Березина, посвященных половцам-кыпчакам.

Члены тукума совместно проводили различные семейные, патронимические, «фамильные» и общинные праздники, поддерживали друг друга в горе и радости.

Патронимическая организация и «фамилия», сосуществуя с сельской общиной несколько веков и являясь ее

сутью и основанием, не только оказывали серьезное влияние на сельскую общину — взаимоотношения ее членов, управление, экономику и идеологию, но и отдельными своими остаточными элементами, сохранившимися до наших дней, пережили ее.

Балкарский тукум строго придерживался правил экзогамии, но известны и нарушения. Хотя и считалось, что в брак не могут вступать родственники по мужской линии до 7-го колена, а по женской — до 4-го, все же неписаным законом являлось: пока родственные отношения помнятся, никакой речи о браке не может быть. Автору книги впервые удалось собрать несколько десятков экзогамных схем, фактологически отражающих все ее стороны и нюансы.

Кровная месть в Балкарии не имела широкого распространения и уже во времена развитого средневековья была заменена системой выкупов. Существование натуральной компенсации наряду с денежной в XIX — начале XX века говорит о далеко еще незаконченном процессе феодализма в Балкарии. Данные полевого этнографического материала и архивные документы свидетельствуют о том, что с 1900 по 1917 год в балкарских сельских обществах наблюдалось всего лишь несколько случаев кровной мести, которые были совершены либо в состоянии нервного раздражения родственников пострадавшего, либо в случае крайней жестокости или вызывающего поведения виновного. В платеже выкупа пострадавшим активное участие принимали члены тукума, иногда и представители атаула по материнской линии. Каждый член той или иной патронимии, считаясь членом «фамилии», был ответствен перед ней за свой образ жизни, свое поведение и поступки. Несмотря на то, что в предреволюционный период балкарская «фамилия» не обладала экономическим и общественным равенством своих семей, невероятно дорого ценилась в горах земля, ни один из информаторов не подтвердил, что имущественные споры могли явиться поводом кровной мести среди родственников, т. е. в пределах патронимии и «фамилии» она полностью отсутствовала, если не считать отдельных исключительных фактов, которые, попав в архивы, используются некоторыми исследователями в качестве примеров проникновения кровной мести в родственную среду. Эти материалы нетипичны и часто неверно толкуются.

Родственники-однотукумцы оказывали друг другу, если это было необходимо, материальную помощь в повседневной жизни и в приеме гостей.

Настоящее исследование явилось в основном результатом сбора и изучения семейных генеалогий, преданий, легенд и исторических песен — очень важного источника историко-этнографического изучения бесписьменных народов, еще сохраняющегося, но и быстро исчезающего из народной памяти. Значительную часть того, что представлено в книге, мы получили от старейших жителей Балкаррии, таких, как С. Шахмурзаев, И. Уянаев, И. Гузоев, С. Гаженов, Х. Таукенов, Ш. Бабаев, А. Жанатаев, Б. Мусукаева, М. Холаев, Б. Османов, Т. Хуламханов и другие. Что-либо уточнить или узнать новое у них уже невозможно: к сожалению, они все уже ушли из жизни. Очень ценная информация была нами получена у большого знатока жизни дореволюционной Балкаррии Д. Геккнева из Бедыка.

Достоверность использованного нами полевого этнографического материала не должна вызывать сомнения, так как каждый факт и каждое сообщение десятки раз проверялось у информаторов различных сел и районов Кабардино-Балкаррии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

Как уже отмечалось во введении, работа продолжалась в течение семи лет. Практически в той или иной степени нами было опрошено почти все старшее поколение балкарских сел. Собрано несколько сот генеалогических и фамильных преданий, легенды и истории образования всех населенных пунктов Балкаррии, сделаны наброски, зарисовки, схемы, фотографии жилищ, хозяйственных построек, полуразрушенных мельниц, предметов материальной культуры, земельных участков и всех тех исторических мест, которые связаны с темой нашего исследования, зафиксировано более 2500 рассказов и воспоминаний старожилков о хозяйственной и духовной жизни народа, по таким проблемам, как левират, экзогамия, обычай родового выкупа и права предпочтительной покупки, гостеприимство, кровная месть, свадебные обряды, взаимопомощь, борьба народных масс со своими эксплуататорами и т. д. В книгу вошла незначительная часть материала, остальное по мере обработки будет печататься в последующих публикациях.

В заключение хотелось бы выразить глубокую бла-

годарность за внимание и помощь сельским Советам и сельским партийным организациям, информаторам и их семьям тех балкарских, кабардинских, осетинских, чеченских, карачаевских и абазинских сел, где автору приходилось работать, отделу культуры республиканской газеты «Коммунизмге жол», редакции альманаха «Шуӕх-лукъ».

Предложенный в книге этнографический материал может явиться подспорьем в работе этнографов, историков, фольклористов, лингвистов, в разработке многих нерешенных еще, ждущих своих исследователей научных проблем истории кабардинцев и балкарцев.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Маркс К.* Капитал, т. 1. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23.
- Маркс К.* наброски ответа на письмо В. И. Засулич. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19.
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3.
- ✓ *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.
- Энгельс Ф.* Марка. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19.
- Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.
- Энгельс Ф.* К истории древних германцев. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19.
- Энгельс Ф.* Заметки о Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18.
- Энгельс Ф.* История Ирландии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16.
- Энгельс Ф.* Франкский период. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19.
- Энгельс Ф.* (О Франции в эпоху феодализма). — Архив Маркса и Энгельса, т. X.
- Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22.
- Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3.
- Ленин В. И.* По поводу так называемого вопроса о рынках. — Полн. собр. соч., т. 1.
- Абаев М. К.* Балкарня. (Исторический очерк). — «Мусульманин», Париж, 1911, № 14—17.
- Акинфиев Н. Я.* Поездка в Дигорню и Балкарню в 1891 году. — «Северный Кавказ», Ставрополь, 1892, № 10, 11, 15.
- Асанов Ю. Н.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Пальчик, 1976.

- Баранов Е.* Очерки из жизни горских татар Кабарды. — ТВ, 1894, № 141, 145, 146; 1895, № 2 и 21.
- Бернштейн Э. Б.* Народная архитектура балкарского жилища. — В сб.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960
- Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
- Вахушти.* География Грузии. — ЗКОИРГО, кн. 24, вып. 5. Тифлис, 1904.
- Ган К. Ф.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. — СМОМПК, вып. 4, отд. 1. Тифлис, 1884.
- Гарданов В. К.* Социально-экономические преобразования. — «Культура и быт народов Северного Кавказа». М., 1968.
- Глагол.* Семейные разделы. — ТВ, 1885, 3 февраля, № 11.
- Горец.* Чегемское общество, Нальчикский округ. Қалым и его последствия. — ТВ, 1894, 16 декабря, № 147.
- Грабовский Н. Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе. — ССоКГ, вып. 4, отд. 1. Тифлис, 1870.
- Грабовский Н. Ф.* Свадьба в горских обществах Кабардинского округа. — ССоКГ, вып. 2. Тифлис, 1869.
- Гюльденштедт И. А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Путешествие г-на академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.
- Даринский А. И.* Семья у кавказских горцев. — Записки общества истории, филологии и права при Варшавском университете, вып. 2. 1903.
- Державин Н. С.* Обычай умыкания невест в древнейшее время и его переживания в свадебных обрядах у современных народов. СПб., 1905.
- Динник Н. Я.* Поездка в Балкарию. — ЗКОИРГО, кн. 14, вып. 1. Тифлис, 1890.
- Дирр А. М.* Современные названия кавказских племен. — СМОМПК, вып. 40, отд. 3. Тифлис, 1909.
- Дубянский В. В.* На Эльбрус по Баксану. — ЕКГО, вып. 4. Пятигорск, 1911.
- Егизаров С. А.* Брак у кавказских горцев. — «Юридический вестник», 1878, № 6—7.
- Желиховская В. П.* Верования кавказских горцев. — «Нива», СПб., 1886, № 39, 40.
- Житель.* Чегемское общество Нальчикского округа. Наши миротворцы. — ТВ, 1894, 16 сентября, № 108.
- Загурский Л.* Этнографические карты Кавказа. — ИКОИРГО, т. 7, № 1. Тифлис, 1881—1882.

- Иванов А. И.* История монголов — об асах — аланах. — «Христианский Восток», т. 2, вып. 3. 1914.
- Интерьяно, Джорджио.* Путешествие вокруг Кавказа, ч. 1. Сухум, 1937.
- «История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней», т. 1. М., 1967.
- Кипиани М.* От Казбека до Эльбруса. (Путевые заметки).—ТВ, 1884, № 1, 2, 4, 5, 8, 10, 12, 15, 17, 18, 20, 22, 25, 27, 31, 35, 37, 40, 43.
- Кираулов Н. А.* Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане.—СМОМПК, вып. 38, отд. 1. Тифлис, 1908.
- Ковалевский Е. П.* Очерки этнографии Западного Кавказа. СПб., 1867.
- Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. 1 и 2. М., 1890.
- Ковалевский М. М.* О древнейших видах судебных доказательств. — ИЮЛЕАЭМУ, т. 48, вып. 1, кн. 7, 1886.
- Ковалевский М. М.* Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа. — «Русская мысль», 1883, № 12.
- Копоняевич В.* Безенги — Чегем — Джайлык-баша. — ЕКГО, вып. 10. М., 1910.
- Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.
- Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.
- Кумыков Т. Х.* Расселение кабардцев и балкарцев в 40—60-х годах XIX века. — УЗКБНИИ, т. 23. Нальчик, 1965.
- Кумыков Т. Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.
- Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века. — «Кавказский этнографический сборник», вып. 4. М., 1969.
- Леонович Ф. И.* Адамы кавказских горцев, вып. 1—2. Одесса, 1882—1883.
- Малинин Л. В.* О свадебных платежах и о приданом у кавказских горцев. — «Этнографическое обозрение», кн. 6, № 3. 1889.
- Мамбетов Г. Х.* К вопросу о земельной политике и возникновении кабардинских и балкарских населенных пунктов в 20-х годах. — «Вестник» КБНИИ, вып. 1. Нальчик, 1968.
- Мамбетов Г. Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
- Миллер В. Ф., Ковалевский М. М.* В горских обществах Кабарды.—ВЕ, 1884, т. 2, № 4.
- Миллер Вс.* Сообщение о поездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г. — ИКОИРГО, т. 8, № 1. Тифлис, 1883—1885.

- Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. ч. 1—3. СПб., 1773—1788.
- Робакидзе А. Н., Харадзе Р. Л.* К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях. — В сб.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960.
- Робакидзе А. И.* Формы поселения в Балкарнии. 1. Топография поселения. — «Материалы по этнографии Грузии», вып. 9. Тбилиси, 1960.
- Саввич-Заблоцкий К.* В верховьях р. Черема. — «Землеведение», 1899, т. 6, кн. 4.
- Такоева Н. Ф.* Балкарцы. — В кн.: «Народы Кавказа», т. 1. М., 1960.
- Тульчинский Н. П.* Пять горских обществ Кабарды. — Тер. сб., 1903, вып. 5.
- Харадзе Р.* Сельская община в Балкарнии. — «Материалы по этнографии Грузии», вып. 9. Тбилиси, 1960.
- Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом, т. 1—2. Тифлис, 1907.
- Dechy Moriz.* Kaukasus. Reisen und Forschungen im kaukasischen Hochgebirge. In drei Banden. Berlin, 1905—1907.
- Dent C. and Donkin W.* The ascent of Tetnuld Tan and Mountaineering in the Caucasus. — «Alpine Journ», 1887, № 96.
- Donkin W. F.* Mountaineering in the Caucasus. — «Alpine Journ», 1886—1888, vol. 13.
- Freshfield D.* A skeleton diary of six weeks travel in the Central Caucasus. — «Alpine Journ», 1886—1888, vol. 13.
- Hahn-b C.* Bilder aus dem Kaukasus. Leipzig, 1900, VIII.
- Merzbacher G.* Aus den Hochregion des Kaukasus. Leipzig, Dunker und Humblot, 1901.
- M'Lennan I. F.* Primitive Marriage. Edinburgh, 1865.
- Zichy.* Voyages au Caucase et en Asie centrale, v. 1—2. Budapest, 1897.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ*

- Абдуллаев Т. К., 1893 г. р., с. Жанхотско
Абеева Ч. М., 1902 г. р., с. Безенги
Алтуев С. Н., 1871 г. р., с. Верхняя Балкария
Алтуев Б. К., 1893 г. р., с. Верхняя Жемтала
Алхасов Ш. М., 1875 г. р., с. Чегем I
Анаева А. М., 1900 г. р., с. Кенже
Анаева Т. К., 1886 г. р., с. Хасанья
Аппаев Б. К., 1882 г. р., с. Булунгу
Аппаев М. Т., 1884 г. р., с. Белая Речка
Атабнев А. Б., 1886 г. р., с. Верхняя Балкария
Атабнев Б. Т., 1915 г. р., с. Кенже
Атабнева П. Н., 1888 г. р., с. Хасанья
Атабнева Ш. Н., 1881 г. р., с. Бабугент
Атаева Б. У., 1889 г. р., с. Хасанья
Атаева Б. К., 1895 г. р., с. Нижний Чегем
Атакуева Г. А., 1895 г. р., с. Янкой
Атакуева Ш. М., 1882 г. р., с. Нижний Чегем
Атмурзасва З. И., 1880 г. р., с. Гунделен
Атмурзаева Т. Н., 1874 г. р., с. Гунделен
Афашоков Ж. М., 1884 г. р., с. Былым
Ахкобеков М. Б., 1888 г. р., с. Нижний Чегем
Ахматов Б. И., 1890 г. р., с. Жанхотско
Ахматова С. Ж., 1909 г. р., с. Нижний Чегем
Аюева Ш. М., 1870 г. р., с. Гунделен
Бабаева М. Ш., 1864 г. р., с. Белая Речка
Байсултанова А. Г., 1895 г. р., с. Янкой

* Нами приводятся имена только тех информаторов, сообщения которых использованы в настоящей книге.

Байчекуева Ф. Г., 1870 г. р., с. Гунделен
Баллиев И. Б., 1898 г. р., с. Верхняя Балкарня
Батчаева З. С., 1875 г. р., г. Тырныауз
Бачнева П. М., 1874 г. р., с. Белая Речка
Башнева Н. К., 1897 г. р., с. Бабугент
Бегиева А. О., 1880 г. р., с. Верхняя Жемтала
Бегиев Ш. Н., 1916 г. р., с. Хасанья
Беткараев М. Т., 1906 г. р., с. Гунделен
Бешбашев Х. Б., 1860 г. р., с. Нижний Чегем
Бознев А. З., 1895 г. р., с. Герпегеж
Бознев Ж. Ц., 1885 г. р., с. Бабугент
Бознев К. Р., 1882 г. р., с. Герпегеж
Боллуев И. Д., 1897 г. р., с. Гунделен
Боллуева А. Э., 1870 г. р., с. Гунделен
Борчаев Х. Д., 1870 г. р., г. Тырныауз
Боттаева Б. Т., 1869 г. р., с. Вольный Аул
Будаев А. К., 1885 г. р., г. Тырныауз
Будаева Ф. И., 1895 г. р., г. Тырныауз
Габоев Г. У., 1881 г. р., с. Нижний Чегем
Гадиев М. Т., 1886 г. р., с. Хасанья
Гаев Х. Б., 1889 г. р., с. Хасанья
Гажаева А. Г., 1878 г. р., с. Хасанья
Газаев Я. Ч., 1892 г. р., с. Янкой
Гаснев М. И., 1886 г. р., с. Верхняя Балкарня
Геграев А. М., 1890 г. р., с. Янкой
Гедуев Ж. А., 1889 г. р., с. Вольный Аул
Геккиев Д. Б., 1888 г. р., с. Безенги
Геккиев И. Г., 1901 г. р., с. Жанхотеко
Геляева А. Г., 1878 г. р., с. Хасанья
Геляева З. К., 1882 г. р., с. Верхняя Балкарня
Гелястанов З. З., 1900 г. р., с. Янкой
Гелястанов М. К., 1880 г. р., с. Янкой
Глжгиев Е. Г., 1875 г. р., с. Нижний Чегем
Гочнева К. А., 1892 г. р., с. Нижний Чегем
Гузеева З. Л., 1880 г. р., с. Верхняя Жемтала
Гузнев И. С., 1887 г. р., с. Жемтала
Гузнев И. Х., 1898 г. р., с. Ташлы-Тала
Гузнев М. Х., 1860 г. р., с. Жемтала
Гузнев Р. О., 1887 г. р., с. Ташлы-Тала
Гузнев Т. У., 1895 г. р., с. Ташлы-Тала
Гулнев Х. Л., 1901 г. р., п. Эльбрус
Гулнев Х. Х., 1902 г. р., с. Жанхотеко
Гулнева Ч. Г., 1905 г. р., с. Жанхотеко
Гуртуев К. Х., 1907 г. р., с. Герпегеж

- Гуртуева К. К., 1888 г. р., с. Хасанья
Гутаев Х. З., 1880 г. р., с. Хасанья
Дебескаев К. Д., 1890 г. р., с. Гунделен
Джаппуева К. Д., 1881 г. р., с. Чегем I
Джаппуева Х. Н., 1896 г. р., с. Чегем I
Динаева Х. К., 1887 г. р., с. Вольный Аул
Доттуев М. К., 1871 г. р., с. Гунделен
Доттуева Ж. Ч., 1890 г. р., с. Хасанья
УЖабелов М. К., 1888 г. р., с. Булунгу
Жабоев И. М., 1885 г. р., с. Хасанья
Жабоев Ю. И., 1885 г. р., с. Белая Речка
Жабоева А. Х., 1899 г. р., с. Белая Речка
Жазаев А. К., 1880 г. р., с. Нижний Чегем
Жазаев А. Л., 1886 г. р., с. Былым
Жанатаев А. И., 1864 г. р., с. Гунделен
Жанатаев А. Ш., 1866 г. р., с. Гунделен
Жанатаева П. К., 1893 г. р., с. Гунделен
Жангуразова Б. Г., 1888 г. р., г. Нарткала
Жантудуева З. К., 1876 г. р., с. Гунделен
Жаппуев И. К., 1892 г. р., п. Советское
Жаппуев Х. К., 1900 г. р., с. Жанхотеко
Жарашуев М. А., 1888 г. р., с. Булунгу
Жашуев Ж. Ж., 1867 г. р., с. Гунделен
Жашуева Б. Ж., 1877 г. р., с. Гунделен
Жеккеева М. Б., 1894 г. р., с. Хасанья
Жегтеев М. М., 1880 г. р., с. Гунделен
Заллиханов Д. М., 1885 г. р., п. Эльбрус
Заллиханов И. К., 1895 г. р., с. Жанхотеко
Занибеков Т. К., 1887 г. р., с. Жемтала
Заникаев К. Х., 1875 г. р., с. Бабугент
Занкишнев О. З. 1855 г. р., с. Верхняя Жемтала
Кадыров Б. М., 1886 г. р., с. Бабугент
Казакова Ш. К., 1898 г. р., с. Вольный Аул
Казнева З. О., 1897 г. р., с. Ташлы-Тала
Кайгермазов А. С., 1900 г. р., с. Ташлы-Тала
Калабекова К. Д., 1895 г. р., с. Бедык
Каркаев М. Г., 1882 г. р., с. Бабугент
Картлыков И. Т., 1902 г. р., с. Жанхотеко
Кахарманов А. Т., 1906 г. р., с. Гунделен
У Кереметова Б. Т., 1892 г. р., с. Верхний Чегем
Князев М. Б., 1898 г. р., с. Гунделен
Князев М. С., 1876 г. р., с. Шалушка
Кочесоков Х. К., 1880 г. р., с. Баксан
Кудаева А. Ж., 1889 г. р., с. Былым

- Кулнев З. И., 1900 г. р., с. Былым
- ✓ Кулнев Ш. А., 1904 г. р., с. Булунгу
- Кулнева К. К., 1903 г. р., с. Былым
- Кулнева Н. К., 1889 г. р., с. Чегем I
- Кульчаев М. Ч., 1882 г. р., с. Чегем I
- Курданова Ж. А., 1878 г. р., с. Бедык
- Курманова Ф. К., 1885 г. р., с. Баксан
- Кучинаева С. К., 1886 г. р., с. Хасанья
- Кучмезов А. У., 1887 г. р., с. Герпегеж
- Кучмезов С. К., 1901 г. р., с. Герпегеж
- Кучмезова К. М., 1908 г. р., с. Хасанья
- Кучменова Н. М., 1888 г. р., с. Хасанья
- Кушхов Н. Ж., 1890 г. р., с. Лечинкай
- Макитов И. О., 1892 г. р., с. Былым
- Макитова Ж. К., 1892 г. р., с. Булунгу
- Макитова М. К., 1892 г. р., с. Булунгу
- Малкаров С. Ш., 1875 г. р., с. Нижний Чегем
- Малкондуев М. Б., 1872 г. р., с. Гунделен
- Малкондуева З. К., 1878 г. р., с. Гунделен
- Мамаева Н. А., 1856 г. р., с. Хасанья
- Мамаева С. Ч., 1885 г. р., с. Хасанья
- Маммесва Ф. Г., 1894 г. р., с. Вольный Аул
- Мамуков М. Ж., 1852 г. р., п. Советское
- Мамукова З. Б., 1892 г. р., с. Герпегеж
- Матуева Ш. М., 1915 г. р., с. Хасанья
- Махнев М. Ж., 1882 г. р., с. Белая Речка
- Махнев У. А., 1900 г. р., с. Жанхотеко
- Махнев Х. Г., 1885 г. р., с. Белая Речка
- ✓ Мирзоева С. К., 1903 г. р., с. Былым
- Мишаева Н. М., 1887 г. р., с. Белая Речка
- Моллаев Х. Х., 1881 г. р., с. Гунделен
- Моллаева А. К., 1875 г. р., с. Хасанья
- Моллаева С. С., 1881 г. р., с. Бедык
- Моттаев М. Б., 1888 г. р., с. Ташлы-Тала
- Муллаева Ф. Т., 1891 г. р., с. Хасанья
- ✓ Мурзаев М. А., 1895 г. р., п. Эльбрус
- Мусукаева Б. Т., 1882 г. р., с. Гунделен
- Мусуков А. С., 1892 г. р., с. Верхняя Жемтала
- Настаев Б. О., 1895 г. р., с. Хасанья
- Настуев Х. К., 1878 г. р., с. Гунделен
- Непеев К. К., 1888 г. р., п. Эльбрус
- Ольмезов Ж. Г., 1886 г. р., с. Хасанья
- Ольмезов О. М., 1888 г. р., с. Герпегеж
- Ольмезова К. Д., 1895 г. р., с. Хасанья

Ольмезова Н. Х., 1886 г. р., с. Белая Речка
Ораков Х. М., 1892 г. р., с. Хасапья
Османова Б. Г., 1876 г. р., с. Верхняя Балкария
Османова Ф. Б., 1880 г. р., с. Гунделен
Отаров Х. М., 1899 г. р., с. Новая Балкария
Отаров Ю. И., 1899 г. р., с. Новая Балкария
Отарова Ф. А., 1888 г. р., с. Гунделен
Отарова Х. Г., 1880 г. р., с. Гунделен
Рахаев Ч. Т., 1885 г. р., с. Вольный Аул
Рахаева А. Т., 1888 г. р., с. Хасапья
Рахаева К. Ч., 1900 г. р., с. Вольный Аул
Сарбашев Х. С., 1886 г. р., с. Булунгу
Сарбашев А. С., 1890 г. р., с. Булунгу
Созаев Т. А., 1885 г. р., с. Белая Речка
Созаев Х. Х., 1884 г. р., с. Белая Речка
Созаева Б. И., 1886 г. р., с. Белая Речка
Созаева Б. К., 1880 г. р., с. Белая Речка
Созаева Л. Ч., 1885 г. р., с. Вольный Аул
Соттаев Ю. Т., 1875 г. р., с. Лашкута
Соттаева Ж. А., 1915 г. р., с. Лашкута
Тебердиева Х. Б., 1871 г. р., с. Гунделен
Текеева Ш. О., 1885 г. р., с. Хасапья
Текуев М. К., 1876 г. р., с. Вольный Аул
Текуев Ю. Д., 1883 г. р., с. Гунделен
Текуева А. И., 1880 г. р., с. Гунделен
Текуева Г. Б., 1886 г. р., г. Тырмауз
Текуева Н. Н., 1885 г. р., с. Гунделен
Темукеев Х. Г., 1897 г. р., с. Хасапья
Теппеев Т. Ш. 1892 г. р., с. Булунгу
Токумаева Ф. О., 1879 г. р., с. Ташлы-Тала
Толгуров И. Ж., 1895 г. р., с. Былым
Томаев Ш. К. 1901 г. р., с. Лашкута
Тюбеева С. Д., 1884 г. р., с. Гунделен
Узденова М. М., 1887 г. р., с. Вольный Аул
Узденова Т. Ж., 1868 г. р., с. Бедык
Узденова Х. Т., 1889 г. р., с. Былым
Улаков А. А., 1888 г. р., с. Гунделен
Уянов Б. С., 1878 г. р., с. Хасапья
Хаджиев А. З., 1918 г. р., с. Жанхотеко
Хаджиев Х. Ж., 1878 г. р., с. Бедык
Хазгернева Б. Э., 1888 г. р., с. Ташлы-Тала
Хаиров Н. И., 1886 г. р., с. Гунделен
Хаиров Х. Ж., 1879 г. р., с. Белая Речка
Хаирова К. Т., 1881 г. р., с. Белая Речка

ОГЛАВЛЕНИЕ

Структурные элементы патронимической организации и «фамилии»	6
Управление патронимией и «фамилией»	57
Патронимические кварталы, поселки и принцип поселения членов «фамилий»	65
Остаточные элементы хозяйственного единства тукума	91
Патронимическая и фамильная экзогамия	120
Пережитки кровной мести	127
Гостеприимство	132
Идеологическая связь членов тукума	139
Заключение	155
Библиография	161
<i>Приложение.</i> Список информаторов	165
Список принятых сокращений	171

Александр Ибрагимович Мусукаев

БАЛКАРСКИЕ «ТУКЪУМ»

Редактор *Л. А. Лачинова*

Художник-редактор *И. Г. Абрамов*

Технические редакторы: *Н. М. Рахаева* и *К. Б. Жамбрева*

Корректор *Е. Е. Терушкина*

ИБ № 349

Сдано в набор 08.08.78. Подписано к печати 14.11.78. 400593.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Литературный гар-
нитура. Печать высокая. Усл. п. л. 9,03+0,63 вкл. Уч.-изд. л. 9,42+
0,44 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ № 8300. Цена 50

Книжное издательство «Эльбрус»

Пальчик, улица им. адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года
Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Совета Министров КБАССР
Пальчик, проспект им. Ленина, 33